

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2023 – № 2 (16)

Ярославль
2023

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. – № 2 (16). – 147 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658_2023_2_16. – EDN PFHCLX.
2023, № 2 (16). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Поли**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Ицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фун**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сюэгао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Шапнистая Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блищ Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2023

© Юго-Западный университет КНР, 2023

© Авторы статей, 2023

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».

Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU
at the Ministry of Education of the People's Republic of China

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO, 2023. – № 2 (16). – 147 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658_2023_2_16. – EDN PFHCLX. 2023, № 2 (16). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatyana Gennadievna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals which publish the main results of doctoral and candidate's theses in the following areas of specialization: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences), 5.5.3. Public administration and industrial politics (political sciences), 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences), 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples in the Russian Federation (philological sciences), 5.9.2. World literatures (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.10.1. Theory and history of culture and the arts (cultural studies)

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69 (publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2023

© Southwest University of the People's Republic of China, 2023

© Authors of articles, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бугайчук Т. В., Коряковцева О. А.
Основные условия формирования
гражданской идентичности в Китайской
народной республике5

Чжан Цзэмин Региональное
управление в Восточной Азии в
условиях «нового ритуального порядка»
(新礼治秩序). Часть 2 16

Таланов С. Л. Личный бренд
преподавателя как инструмент «мягкой
силы» во внешней политике России.....27

ФИЛОЛОГИЯ

Ху Гумин Юань Жунцзэ Перевод
политической лексики с китайской
спецификой на русский язык в свете
теории функциональной
эквивалентности (на примере третьего
тома книги «Си Цзиньпин о
государственном управлении»)45

Забияко А. А., Фэн Ишань Образ
Родины как константа русской
этнической картины мира (историко-
литературный контекст)66

Якушева Д. Д. Роль курсива в
художественном тексте: на материале
повести Л. Н. Андреева «Мысль»..... 83

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Иванов Н. Н. Рецепция
культурологом Запада и Востока в
русской литературе рубежа XIX –
начала XX столетий 100

Казьмина О. А. Культурная
символика рыцарства в пьесе
М. А. Булгакова «Бег» 117

Лётин В. А., Красницкий Д. Е.
Курьезы культурной идентичности в
юбилейных спектаклях по
произведениям Н.А. Некрасова:
национальный костюм 130

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Bugaichuk T.V., Koryakovtseva O. A.
The basic conditions for the formation of
civic identity in the people's republic of
China6

Zhang Zeming Regional governance in
East Asia under the “new ritual order”(新礼
治秩序). Part 2 17

Talanov S. L. A personal brand of a
lecturer as a “soft power” tool in Russian
foreign policy28

PHILOLOGY

Hu Guming, Yuan Rongze Russian
translation of political vocabulary with
Chinese specificity: functional equivalence
theory (based on the book Xi Jinping:
the governance of China (III)46

Zabiyako A. A., Feng Yishan The
image of Motherland as a constant of the
Russian ethnic worldview (historical and
literary context)67

Yakusheva D. D. The role of italics in
a literary text: L.N. Andreev's story
“Thought”84

CULTURAL SCIENCE

Ivanov N.N. Reception of
culturologemes of the West and the East in
Russian literature at the turn of XIX – early
XX centuries.....101

Kazmina O. A. Cultural symbolism of
chivalry in M.A. Bulgakov's play Flight.... 118

Letin V. A., Krasnitsky D. E.
Curiosities of cultural identity at
anniversary performances based on
N. A. Nekrasov's works:
national costum 131

Научная статья
УДК 323.21
DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_5
EDN MCJNLA

Основные условия формирования гражданской идентичности в Китайской народной республике

Татьяна Владимировна Бугайчук^{1✉}, Ольга Алексеевна Коряковцева²

¹Доктор политических наук, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль.

²Доктор политических наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, директор Института развития кадрового потенциала, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль

¹mischenko@inbox.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-6936-613X>

²youth1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0376-827X>

Аннотация. Авторами статьи представлен теоретический анализ проблемы формирования национальной китайской идентичности на современном этапе мирового развития в условиях глобальных ценностных трансформаций и перемен. В статье отмечено, что в Китайской народной республике научный и практический интерес к обозначенной авторами проблеме сосредоточен на формировании именно национальной идентичности, что гораздо шире гражданской идентичности. Авторы осмысливают и анализируют семь основных условий формирования национальной идентичности китайцев. Выделены такие условия, как историческая память и безусловное принятие прошлого, уникальное культурное наследие страны и ориентация на национальный менталитет, образовательная и молодежная политика государства, направленная на социальную консолидацию общества, также определена роль религии в Китае, а именно, конфуцианства, представлено влияние символической политики государства на развитие идентичности китайцев; подчеркивается системность и планомерность процесса внедрения идеи национальной идентичности в течение последних сорока лет, отмечена важная роль централизованного государственного управления процессами формирования и развития идентичности граждан Китайской народной республики. В итоге размышлений сделан вывод о том, что закономерности формирования гражданской идентичности граждан не определяются нацией или страной, а связаны с особен-

© Бугайчук Т. В., Коряковцева О. А., 2023

ностями развития гражданского самосознания и формированием личности в целом. Следовательно, значимость изучения опыта той или иной страны в вопросах развития и формирования гражданского самосознания в целом, и гражданской идентичности в частности высока, но при этом, безусловно, необходимо учитывать национальную, религиозную, культурную, историческую, языковую и государственную специфику.

Ключевые слова: гражданская идентичность; национальная идентичность; политический концепт; условия формирования; Китайская народная республика; личность

Для цитирования: Бугайчук Т. В., Коряковцева О. А. Основные условия формирования гражданской идентичности в Китайской народной республике // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 2 (16). С. 5-15. http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_5. <https://elibrary.ru/MCJNLA>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

**The basic conditions for the formation of civic identity
in the people's republic of China**

Tatyana V. Bugaichuk¹✉, Olga A. Koryakovtseva²

¹Doctor of political sciences, candidate of psychological sciences, associate professor at the Department of general and social psychology, theory and methods of professional education, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

²Doctor of political sciences, candidate of pedagogical sciences, professor, Department of theory and methods of professional education, director of the Institute for human resource development, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

¹mischenko@inbox.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-6936-613X>

²youth1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0376-827X>

Abstract. The authors of the article present a theoretical analysis of the way to form Chinese national identity at the present stage of world development in the context of global value transformations and changes. The article notes that the People's Republic of China shows scientific and practical interest in the problem indicated by the authors and focuses on the formation of national identity, which is much broader than the civic identity. The authors consider and analyze seven basic conditions for the formation of Chinese national identity. Certain factors are highlighted, such as historical memory and unconditional acceptance of the past, the country's unique cultural heritage and the national mentality, educational and youth policy of the state aimed at civil consolidation of the society. Moreover, the authors define the role of religion in China, namely Confucianism, and present the influence of the symbolic state policy on the development of the Chinese identity; emphasize the systemic and methodical process of introducing the national identity idea over the past forty years and note the important role of centralized

state management in forming and developing the identity of the citizens in the People's Republic of China. As a result, the conclusion is made that the regularities of forming the citizens' civic identity are not determined by the nation or the country, but are related to the specifics of the development of civic consciousness and the formation of a personality in general. Consequently, the importance of studying the experience of a particular country in developing and forming civic consciousness in general, and civic identity in particular, is high, but it is certainly necessary to take into account national, religious, cultural, historical, linguistic and state specifics.

Keywords: civic identity; national identity; political concept; conditions of formation; the People's Republic of China; personality

For citation: Bugaichuk T. V., Koryakovtseva O. A. The basic conditions for the formation of civic identity in the people's republic of China. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 2(16):5-15. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_5. <https://elibrary.ru/MCJNLA>.

Введение

Прежде, чем мы приступим к аналитическому рассмотрению основных направлений формирования и развития гражданской идентичности в Китае, считаем важным уточнить наше понимание политического концепта гражданской идентичности личности. Реализуя интегративный подход к осмыслению гражданской идентичности личности, мы понимаем *политический концепт как часть гражданского самосознания личности, которое является результатом осознанного процесса отождествления человека с определенным гражданским обществом в конкретном социально-культурном контексте*. Кроме того, гражданское самосознание включает принятие ценностей этого общества, что оказывает активное позитивное влияние на становление личности, и характеризуется как индикатор политической стабильности гражданского общества [Гражданская

идентичность ... , 2022]. Гражданская идентичность в данном контексте содержит культурные, религиозные, лингвистические, территориальные и исторические представления об обществе. На наш взгляд, это структурное явление, включающее в себя такие компоненты, как когнитивный, ценностно-мотивационный и деятельностный. Данные компоненты, безусловно, взаимосвязаны, поэтому о сформированной гражданской идентичности мы можем говорить только тогда, когда все они достаточно развиты у личности и образуют устойчивую, «крепкую» структуру. Крайне важно понимать, что структурные компоненты гражданской идентичности развиваются неравномерно и гетерохронно, поэтому следует учитывать возрастные особенности становления и развития самосознания личности. С учётом современных социокультурных условий формирования гражданского общества мы

должны понимать: чем больше в общности личностей, разделяющих единую идентичность, тем выше вероятность совместных действий граждан в интересах страны и государства. Именно в эпоху глобальных перемен необходимо искать пути, ведущие к единству граждан, к сохранению государственности [Коряковцева, 2022].

Вот почему нам стал интересен опыт формирования и развития гражданской идентичности в динамично развивающейся стране, которая, как и Россия, является многокультурным, многонациональным и многоконфессиональным государством, в Китайской народной республике (*далее КНР*).

Теоретические основания исследования

Выявленная нами особенность неслучайна. В 2006 году во время XVI съезда Коммунистической партии Китая была выдвинута программа «неуклонно возвышать и внедрять национальный дух», официальный статус при этом получила концепция единой китайской нации [Full text of Jiang Zemin's report at 16th Party congress, 2006], которая стала основой формирования у граждан КНР государственной китайской идентичности. И в современной политике Китая продолжает развиваться идея о китайской национальной идентичности [Кочетков, 2014]. Например, представленная Си Цзиньпином на XVIII съезде Коммунистической партии Китая концепция «китайской мечты» получила свое про-

должение. Она озвучивалась на XIX съезде Коммунистической партии Китая в 2017 году и в последующих выступлениях председателя КНР, в которых он призывал к возрождению китайской нации через «идеологическую, политическую и практическую подготовку» [Ли Янь, 2019].

Говоря о национальной идентичности в КНР, нельзя не отметить еще одну особенность. Важная роль в формировании идентичности граждан Китая отводится китайской политической культуре. Как отмечают А. Н. Музыкантов и Е. А. Ковалева, именно в китайской политической культуре патерналистско-государственнического типа (государство-семья) заложено восприятие государства как высшей ценности и создается фундамент государственной политики социальной консолидации, что заставляет сомневаться в необходимости формирования гражданского общества [Музыкантов, 2022].

Без важнейшей роли государства в создании единых образовательных, юридических, политических и экономических основ национальная идентичность не способна обрести государственную форму. Политика формирования национальной идентичности КНР используется государством в качестве инструмента установления социальной коммуникации между представителями разных идеологий и убеждений. В статье 46 Конституции КНР записано: «Государство обеспечивает всестороннее нрав-

ственное, умственное и физическое развитие молодежи, подростков и детей» [Конституция Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. ...]. Для формирования национальной идентичности планируются действия правительства, продолжительные во времени, которые требуют неординарных усилий в области образования, языковой, информационной и религиозной политики [Помелова, 2016].

Результаты исследования

Рассмотрим основные условия формирования китайской идентичности.

Первое важное условие формирования идентичности граждан заложено в исторической памяти и в менталитете граждан Китая. Что мы понимаем под исторической памятью? Это прошлое, настоящее и будущее любого поколения, это причина и следствие формирования гражданской идентичности. Без этого условия формирование идентичности невозможно, так как самосознание любого общества начинается с истории [Лубков, 2021]. Ее символически значимые события формируют смысловую основу гражданской идентичности народа в целом и каждого отдельного человека в частности. Востоковед В. А. Корсун пишет: «Само богатство истории, а, вернее, «историческая память» о великих достижениях прошлого на уровне общественного и индивидуального сознания выступает мощным консолидирующим фактором, а также формой

психологической защиты и идентификации социума», служит «источником впечатляющего патриотизма» в современном Китае» [Корсун, 2008, с. 78].

Как мы видим, идентичность китайской нации создается на основе уважения к истории как к неотъемлемой части национального опыта. Восприятие своей истории как необходимости на пути к строительству социализма с китайской спецификой остается положительным. У молодых китайцев, как и у пожилого поколения, не принято критиковать ни предыдущих, ни действующих правителей, что способствует сохранению цельности общественного сознания. «Все три временных пространства – прошлое, настоящее и будущее, – должны работать на построение национальной идентичности» [Мен, 2003, р. 32].

Вторым важным условием формирования идентичности в Китае является наличие политических символов. Символическая политика государства, по нашему мнению, обязательно должна воздействовать на гражданское самосознание личности, начиная с самого раннего периода. В Китае в этом вопросе существует стабильность, так как политические символы Китая в переходный период не претерпевали столь значительных изменений. К сожалению, в нашей стране такой однозначности символов нет. Управление процессами формирования идентичности в Китае базировалось на том, чтобы сохранить лидирующие позиции Коммунистиче-

ской партии, официально следовать прежней социалистической идеологии, воздержаться от изменений политической символики. В результате таких действий сегодня можно наблюдать феномен сочетания социалистического и капиталистического начал в общественном сознании современного Китая [Помозова, 2012]. На современном этапе развития признанным символом Китая стала панда, этот национальный бренд олицетворяет китайскую уникальность вкупе с миролюбием и заметно потеснил традиционного дракона.

Третьим условием эффективно-го формирования идентичности у граждан КНР мы считаем плавную, равномерную динамику организации этого процесса в сложный период трансформаций мирового сообщества посредством четко спланированной государственной стратегии, учитывающей культурные и ментальные особенности народа и не «ломающей» сознание китайцев.

После смерти Мао Цзэдуна, краха социализма в СССР и Восточной Европе в Китае стала очевидной необходимость коренных преобразований внутри страны. В результате перед руководством правящей партии возникла дилемма: идти ли по пути других социалистических стран и утратить автономность или же пойти по собственному, никем не опробованному пути. Не отказываясь от открытости западному миру, Коммунистическая партия Китая осознанно не стала перенимать западный опыт трансформаций. Кризис внешних моделей и

экономические успехи внутри страны, а также осознание коренного отличия восточного менталитета от западного подтолкнули руководство компартии к выбору собственного пути. В процессе решения глобальных проблем, оставшихся от предыдущих поколений, Дэн Сяопин, оказавшийся у власти, решил не отступать от марксистского лозунга «практика – единственный критерий истинности». Именно этот лозунг и лег в основу преобразования идеологии и социальной системы в КНР [Помозова, 2012].

Четвертое условие успешного формирования национальной идентичности в Китае связано с культурным наследием и традициями китайского народа. Несмотря на то, что Китай открыл свои границы для внешнего мира и подвергся влиянию глобальных культурных потоков, что у граждан КНР появилось больше возможностей для вхождения в состав нескольких культур, неизбежно возникших на их территории, идея «особой китайской специфики» и противопоставление уникальной культуры КНР западным ценностям прослеживается в позициях культурных деятелей и СМИ [Mauri, 2008]

Еще одним (пятым) условием формирования национальной идентичности в Китае является религиозный фактор, а именно конфуцианство. Конфуцианская добродетель и нормы взаимоотношений «воплощены в обществе в виде писаных и неписаных законов» [Маслов, 2010] и передаются из поколе-

ния в поколение посредством образования и личного примера.

Роль конфуцианства в развитии национальной идентичности рассмотрена в работе А. М. Нуржаевой, Н. А. Алдабека, Г. Е. Надировой. Они отмечают следующее: «учитывая, что высказывания Конфуция, без преувеличения, знакомы каждому жителю Китая... мудрость древнего философа способна спасти современное общество от дисгармонии... Все исследователи единодушны в своем мнении по поводу основной цели привлечения идей Учителя, которая состоит, как они утверждают, в переориентировании идеологических установок молодежи» [Влияние реформы учебных пособий ... , 2021, с. 25].

Шестое условие – особая значимость государственной молодежной политики в развитии личности подрастающего поколения. КНР ведет самую всеобъемлющую молодежную политику среди стран Азии, которая включает шесть основных направлений: образование, трудоустройство, защита прав и интересов молодежи, движение добровольцев, охрана окружающей среды, культура и спорт. [Молодежная политика ... , 2018]. Молодежная политика в Китае основана на активной работе государства с молодежью. Там, например, трудоустройство выпускников берет на себя государство. Особое внимание правительство КНР уделяет развитию образования детей и молодежи в отдаленных и бедных районах.

Ключевую роль в молодежной политике КНР играет Всекитайская федерация молодежи – молодежное объединение, включающее в себя все влиятельные молодежные организации страны. Она занимается координацией работы с молодежью в Китае, разрабатывает и претворяет программы и планы деятельности молодежи в различных областях общественной жизни страны, организывает и проводит культурные, спортивные и научно-технические конкурсы и состязания, награждает особо отличившихся молодых людей, внесших весомый вклад в развитие экономики и народного хозяйства КНР [Молодежная политика ... , 2018].

Нельзя не сказать и про образовательную политику КНР в области формирования гражданской идентичности. Это седьмое условие её эффективного становления и формирования, выделенное нами на основе теоретического анализа.

На протяжении всей истории в Китае всегда особое внимание уделялось образованию, которое рассматривалось как фундаментальная сила с точки зрения выживания нации и стабильности страны [Chen, 2020].

А. М. Нуржаева, Н. А. Алдабек, Г. Е. Надирова в своей статье «Влияние реформы учебных пособий на формирование китайской национальной идентичности» отмечают, что в КНР «этап школьного образования является фундаментальным в формировании у подрастающего поколения ценностей и взглядов на

жизнь, лучшим временем для закладывания системных основ национальной идентичности, патриотизма, национального единства, гражданской ответственности» [Влияние реформы ... , 2021, с. 24]. Авторы подчёркивают, что в соответствии с требованиями центрального правительства в 2012 г. Министерство образования КНР запустило процесс переработки учебников обязательного образования по вопросам морали и верховенства закона, китайскому языку и истории Китая [Система образования. Китай]. Уже через пять лет в 2017 г. новые учебники были введены в образовательный процесс по всей стране. Согласно результатам анализа, материалы учебника, включающие в содержание обучения дискурс национальной идентичности, охватывают 5 категорий национальной идентичности (личную, политическую, культурную, историческую и территориальную) и составляют около 52,39 % от общего контента. Исследования китайских образовательных реформ подтверждают факт влияния на идеологические установки учащихся китайских школ. Этот проект, реализующий политику партии в области образования и национальной культуры, несомненно, сыграл важную роль в гражданском воспитании молодого поколения китайцев.

Заключение

Таким образом, выделенные нами условия эффективного формирования китайской идентичности, а именно: историческая память, культурное наследие, образовательная и молодежная политика государства, системные лонгитюдные процессы внедрения идеи национальной идентичности, конфуцианство и символическая политика, – стали основой нациестроительства в КНР, что позволило Коммунистической партии Китая и её председателю продвигать разрабатываемые ими концепции развития государственности и «единой китайской нации» – «китайской мечты». Хотелось бы отметить, что и в нашей концепции становления гражданской идентичности молодого поколения России практически все условия китайской модели были представлены, мы добавили только идею значимости русского языка как языка единения россиян и идею общего оздоровления нации, но данные условия лишь дополняют основные, выделенные в статье. Представленные в статье размышления привели нас к мысли о том, что закономерности формирования гражданской идентичности не определяются нацией или страной, а связаны с особенностями развития гражданского самосознания и формированием личности в целом.

Библиографический список

1. Влияние реформы учебных пособий на формирование китайской национальной идентичности / А. М. Нуржаева, Н. А. Алдабек, Г. Е. Надирова [и др.] // Интеграция образования. 2021. Т. 25, № 1. С. 22–42.

2. Гражданская идентичность россиян: современный политический концепт : коллективная монография / Н. А. Баранов, Т. В. Бугайчук, О. А. Коряковцева [и др.]. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 179 с.
3. Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов. Москва : Весь мир, 2017. 992 с.
4. Конституция Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. (с изм., внесенными в 1988, 1993, 1999 и 2004 гг.). URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution_ch2. (Дата обращения: 01.02.2023).
5. Корсун В. А. Идентичность «с китайской спецификой» // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 68–79.
6. Коряковцева О. А. Глобализация мирового сообщества и проблема гражданского становления личности / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук // Политическое пространство и социальное время: власть символов и память поколений : сборник научных трудов XXXVIII Международного Харакского форума. Симферополь : Типография «Ариал», 2022. С. 187-193.
7. Кочетков В. В. Идентичность как источник «мягкой силы» Китая / В. В. Кочетков, Е. Н. Грачиков // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. Т. 6, № 3. С. 40–62.
8. Ли Янь Си Цзиньпин призвал кадровых работников приложить усилия в деле национального возрождения // Агентство Синьхуа. 2019. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0904/c31521-9611887-2.html>. (Дата обращения: 27.02.2023).
9. Лубков А. В. Вопросы истории второй мировой войны в интерпретации современных китайских историков / А. В. Лубков, М. В. Новиков // Вопросы истории. 2021. № 1. С. 260-270.
10. Маслов А. А. Наблюдая за китайцами: скрытые правила поведения. Москва : Рипол Классик, 2010. 109 с.
11. Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи : коллективная монография / под ред. А. В. Бугаева, Т. К. Ростовской. Москва : Изд-во РГСУ, 2018. 198 с.
12. Музыкантов А. Н. Зарубежный опыт формирования гражданской идентичности студентов / А. Н. Музыкантов, Е. А. Ковалева // Сборник материалов VII Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов» (22 февраля 2022 г.). Москва : ООО «ИРОК», 2022. С. 52-56.
13. Система образования. Китай. URL: <http://развитие-китая.рф/Система-образования-Китай778.html>. (Дата обращения: 29.03.2023).
14. Помелова Ю. П. Интеграция национальных меньшинств в национальную идентичность КНР // История и современность. 2016. № 1 (23). С. 171-180.
15. Помозова Н. Б. Сравнительный анализ стратегий формирования гражданской идентичности в России и Китае // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №4 (25). С. 210-214.
16. Семенов И. С. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа // Идентичность как предмет

политического анализа : сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва : ИМЭМО РАН, 2010. С. 86-101.

17. Chen L. A. Historical Review of Professional Learning Communities in China (1949–2019): Some Implications for Collaborative Teacher Professional Development // *Asia Pacific Journal of Education*. 2020. Vol. 40, issue 3. Pp. 373–385.

18. Full text of Jiang Zemin's report at 16th Party congress, 2006. URL: <http://www.china.org.cn/english/2002/Nov/49107.htm>. (Дата обращения: 11.02.2023).

19. Mauri F. The reconstruction of national identity in post-mao China. London: University of London, 2008. 32 p.

20. Men J. The search of An Official Ideology and Its Impact on Chinese Foreign Policy. Brussels: University of Brussels, 2003. 36 p.

Reference list

1. Vlijanie reformy uchebnyh posobij na formirovanie kitajskoj nacional'noj identichnosti = The influence of textbook reform on the formation of Chinese national identity / A. M. Nurzhaeva, N. A. Aldabek, G. E. Nadirova [i dr.] // *Integracija obrazovanija*. 2021. T. 25, № 1. S. 22–42.

2. Grazhdanskaja identichnost' rossijan: sovremennyj politicheskij koncept = The civic identity of the Russians: a modern political concept : kollektivnaja monografija / N. A. Baranov, T. V. Bugajchuk, O. A. Korjakovceva, [i dr.]. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 179 s.

3. Identichnost': lichnost', obshhestvo, politika. Jenciklopedicheskoe izdanie = Identity: personality, society, politics. Encyclopedic edition / otv. red. I. S. Semenenko. Moskva : Ves' mir, 2017. 992 s.

4. Konstitucija Kitajskoj Narodnoj Respubliki ot 4 dekabrja 1982 g. (s izm., vnesennymi v 1988, 1993, 1999 i 2004 gg.) = Constitution of the People's Republic of China dated December 4, 1982 (with amendments of 1988, 1993, 1999, and 2004). URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution_ch2. (Data obrashhenija: 01.02.2023).

5. Korsun V. A. Identichnost' «s kitajskoj specifikoj» = The identity “with Chinese specificity” // *Polis. Politicheskie issledovanija*. 2008. № 3. S. 68–79.

6. Korjakovceva O.A. Globalizacija mirovogo soobshhestva i problema grazhdanskogo stanovlenija lichnosti = Globalization of the world community and the issue of a person's civic identity / O. A. Korjakovceva, T. V. Bugajchuk // *Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremja: vlast' simvolov i pamjat' pokolenij : sbornik nauchnyh trudov XXXVIII Mezhdunarodnogo Harakskogo foruma*. Simferopol' : Izd-vo Tipografija «Arial», 2022. S. 187-193.

7. Kochetkov V. V. Identichnost' kak istochnik «mjagkoj sily» Kitaja = The identity as a source of China's “soft power” / V. V. Kochetkov, E. N. Grachikov // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*. 2014. T. 6, № 3. S. 40–62.

8. Li Jan' Si Czin'pin prizval kadrovyyh rabotnikov prilozhit' usilija v dele nacional'nogo vozrozhdenija = Li Yan Xi Jinping called upon staff members to make an effort for national revival // *Agentstvo Sin'hua*. 2019. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0904/c31521-9611887-2.html>. (Data obrashhenija: 27.02.2023).

9. Lubkov A.V. Voprosy istorii vtoroj mirovoj vojny v interpretacii sovremennyh kitajskih istorikov = World War II historical issues interpreted by contemporary Chinese historians / A. V. Lubkov, M. V. Novikov // Voprosy istorii. 2021. № 1. S. 260-270.
10. Maslov A. A. Nabljudaja za kitajcami: skrytye pravila povedenija = Observing the Chinese: hidden rules of behavior. Moskva : Ripol Klassik, 2010. 109 s.
11. Molodezhnaja politika v sisteme formirovanija grazhdanskoj identichnosti sovremennoj molodezhi = Youth policy in the system of forming the civic identity of modern youth: kollektivnaja monografija / pod red. A. V. Bugaeva, T. K. Rostovskoj. Moskva : Izd-vo RGSU, 2018. 198 s.
12. Muzykantov A. N. Zarubezhnyj opyt formirovanija grazhdanskoj identichnosti studentov = Foreign experience in forming students' civic identity / A. N. Muzykantov, E. A. Kovaleva // Sbornik materialov VII Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Aktual'nye problemy nauki i obrazovanija v uslovijah sovremennyh vyzovov» (22 fevralja 2022 g.). Moskva : OOO «IROK», 2022. S. 52-56.
13. Sistema obrazovanija. Kitaj = Education system. China. URL: <http://razvitie-kitaja.rf/Sistema-obrazovanija-Kitaj778.html>. (Data obrashhenija: 29.03.2023).
14. Pomelova Ju. P. Integracija nacional'nyh men'shinstv v nacional'nuju identichnost' KNR = The integration of national minorities into the PRC's national identity // Istorija i sovremennost'. 2016. № 1 (23). S. 171-180.
15. Pomozova N. B. Sravnitel'nyj analiz strategij formirovanija grazhdanskoj identichnosti v Rossii i Kitae = Comparative analysis of civic identity formation strategies in Russia and China // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2012. №4 (25). S. 210-214.
16. Semenenko I. S. Nacional'nye praktiki formirovanija grazhdanskoj identichnosti: opyt sravnitel'nogo analiza = National practices of civic identity formation: a comparative analysis experience // Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza : sbornik statej po itogam Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoi konferencii. Moskva : IMJeMO RAN, 2010. S. 86-101.
17. Chen L. A. Historical Review of Professional Learning Communities in China (1949–2019): Some Implications for Collaborative Teacher Professional Development // Asia Pacific Journal of Education. 2020. Vol. 40, issue 3. Pp. 373–385.
18. Full text of Jiang Zemin's report at 16th Party congress, 2006. URL: <http://www.china.org.cn/english/2002/Nov/49107.htm>. (Data obrashhenija: 11.02.2023).
19. Mauri F. The reconstruction of national identity in post-mao China. London: University of London, 2008. 32 p.
20. Men J. The search of An Official Ideology and Its Impact on Chinese Foreign Policy. Brussels: University of Brussels, 2003. 36 p.

Статья поступила в редакцию 24.03.2023; одобрена после рецензирования 08.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.
The article was submitted on 24.03.2023; approved after reviewing 08.05.2023; accepted for publication on 26.05.2023

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_16
EDN MIFUBE

**Региональное управление в Восточной Азии
в условиях «нового ритуального порядка» (新礼治秩序). Часть 2**

Чжан Цзэмин

Аспирант, университет Цинхуа, КНР, г. Пекин
zzm22@mails.tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

Аннотация. Во второй части исследования продолжено обсуждение новых перспектив регионального управления в Восточной Азии на основании «нового ритуального порядка». В статье характеризуются основные аспекты нового порядка регионального управления в контексте региональной культурной политики, выявляются стержневые компоненты в региональном культурном управлении: «ядерные страны» как доминирующие государства в культурной сфере в определённом регионе, не только имеющие культурную модель, способную привлечь другие страны к активному изучению и подражанию, но и продвигающие свою собственную культуру на периферию, и «узловые страны»: группы стран в культурном регионе, которых привлекает и вдохновляет культурный престиж ядерной страны и которые сознательно учатся и подражают культурным образцам ядерной страны; даются их подробные характеристики и функции в региональном культурном управлении. Особое внимание уделяется характеристике понятия «礼尚往来» (lǐshàngwǎnglái, буквальный перевод «отвечать на любезность следует любезностью», «в вежливости (этикете) ценится взаимность»), которое как нельзя более точно определяет сущность нового регионального управления, дух и смысл «взаимного этикета» – это принцип справедливого и разумного баланса в отдаче и получении, требующий равенства во взаимодействии и декларирующий взаимное уважение между двумя сторонами, что в конечном итоге указывают на идеализированный социальный порядок, который является универсальным, прочным и гармоничным. Автор приходит к выводу, что китайская концепция «lǐshàngwǎnglái» является традиционной китайской идеей международного регионального управления с китайской спецификой и важной идеологической основой для построения сообщества человеческой судьбы, поскольку она способствует установлению нового типа международных отношений.

Ключевые слова: региональное управление; новый ритуальный порядок; культурное управление; Восточная Азия; Азиатско-Тихоокеанский регион; ядерные страны; узловыe страны

Для цитирования: Чжан Цзэмин Региональное управление в Восточной Азии в условиях «нового ритуального порядка» (新礼治秩序). Часть 2. 2023. № 2 (16). С. 16-26. http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_16. <https://elibrary.ru/MIFUBE>.

Original article

Regional governance in East Asia under the “new ritual order”(新礼治秩序). Part 2

Zhang Zeming

Postgraduate student, Tsinghua university, PRC, Beijing

zzm22@mails.tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

Abstract. The second part of the research continues the discussion of new perspectives on regional governance in East Asia on the basis of the “new ritual order”. The article describes the main aspects of the new regional governance order in the context of regional cultural policy and identifies the core components in the regional cultural governance: “nuclear countries” which are dominant states in the cultural sphere of a particular region, not only having a cultural model capable of attracting other countries to active study and imitation, but also promoting their own culture to the periphery, and “hub countries” which are groups of countries in a cultural region, attracted and inspired by the cultural prestige of a nuclear country and consciously learn and follow its cultural patterns. The detailed characteristics of these countries and their functions in regional cultural governance are described in the article. Particular attention is paid to characterizing the concept of 礼尚往来 (lǐshàngwǎnglái, literal translation “courtesy should be replied with courtesy”, “reciprocity is valued in politeness (etiquette)”) which defines as precisely as possible the essence of the new regional governance, the spirit and meaning of “reciprocal etiquette” – the principle of a fair and reasonable balance in giving and receiving, requiring equality in interaction and declaring mutual respect between the two parties, which ultimately points to an idealized social order that is universal, durable and harmonious. The author concludes that the Chinese concept of “lǐshàngwǎnglái” is the traditional Chinese idea of international regional governance with Chinese specificity as well as an important ideological basis for building a community of human destiny, since it contributes to establishing a new type of international relations.

Keywords: regional governance; new ritual order; cultural governance; East Asia; Asian-Pacific region; nuclear countries; hub countries

For citation: Zhang Zeming Regional governance in East Asia under the “new ritual order”(新礼治秩序). Part 2. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 2(16):16-26. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_16. <https://elibrary.ru/MIFUBE>.

Введение

В первой части нашего исследования мы начали обсуждение текущих проблем и задач, стоящих перед региональным управлением в Восточной Азии, а также особенностей и новых перспектив регионального управления в Восточной Азии на основании «нового ритуального порядка» в регионе Восточной Азии в контексте культурного управления. Мы констатировали, что в современных условиях глобализации и регионализации совместное управление региональными общественными процессами в Восточной Азии становится все более актуальным и важным, затрагивая такие проблемы, как вопросы взаимной выгоды в торговле, управление окружающей средой, координация регионального рыболовства, кризисное управление спорами о территориальных правах, развитие и совместное использование ресурсов, а также создание механизмов регионального сотрудничества в области безопасности. Мы отметили, что проблемы, стоящие перед региональным управлением в Восточной Азии, а также особенности и пути регионального управления в Восточной Азии, неоднократно становились предметом исследования китайских политологов [白云真, 贾启辰, 2013; 陈康令, 2015; 郭延军, 2010; 郇庆治, 2007; 李博一, 2020; 李丹, 董琴, 2021; 刘琳, 2021; 刘卿, 2007; 卢国学, 2007; 梅新育, 2010; 吴定保, 1998; 吴志成, 杨娜, 2012; 夏路, 2006; 俞可平,

2000; 张卫华, 2007; 张小明, 2006; 张云, 2019], и это свидетельствует об их несомненной актуальности. Мы постарались обосновать, что хотя традиционная концепция и логика международного управления, то есть именно постгегемонистское институциональное управление в анархических международных обществах, может играть определенную роль в современную эпоху, но по мере того, как международная политика принимает социальный оборот и развивается дальше, логика управления, представленная культурным управлением, начинает входить в современную международную повестку дня и постепенно перемещается ближе к центру системы международного управления. В это время особенно важен новый региональный порядок «управления на основе ритуала», в котором идея “礼尚往来” (lǐshàngwǎnglái) является основой моделью регионального управления. В первой части исследования мы рассмотрели основные этапы эволюции регионального управления в Восточной Азии и выявили основные аспекты нового порядка регионального управления в контексте региональной культурной политики. Во второй части нашего исследования мы рассмотрим новые модели регионального культурного управления, принципы регионального порядка в новых международных отношениях на основании концепции “礼尚往来” (lǐshàngwǎnglái) и продолжим изу-

чение китайской парадигмы регионального управления.

**Модели культурного
управления и концепция
«нового ритуального порядка»**

Региональное культурное управление – это динамичный и развивающийся процесс. Этот динамичный процесс социализации возглавляется «ядерными странами», движется «узловыми странами» и постепенно распространяется на других участников, но это не всё содержание регионального культурного управления. Это связано с тем, что между различными субъектами управления могут возникать задержки из-за когнитивного несоответствия, когнитивного диссонанса и информационной асимметрии. Это требует двустороннего и многостороннего взаимодействия между различными субъектами для формирования надежных общих ожиданий по вопросам управления в регионе посредством гуманистических обменов и исторических воспоминаний, то есть интересубъективности, а также для содействия созданию платформы для совместного обсуждения вопросов различными субъектами с целью интеграции регионального культурного управления в институциональное русло.

а) Ядерные страны

Ядерные страны в региональном культурном управлении – это место рождения общей культуры в рамках определенной географически соседней цивилизации с похожими

культурными генами, как, например, Китай в конфуцианском культурном круге в Восточной Азии, который является ядерной страной в этом регионе. Ядерная страна в региональном культурном управлении – это, так сказать, доминирующее государство в культурной сфере в определенном регионе. Конечно, доминирующим или стержневым государством в данном контексте является не только то, которое имеет политическую или экономическую структуру власти, но и то, которое имеет абсолютное преимущество в военной мощи. Другими словами, ядерная страна в данной культурной сфере имеет тенденцию больше фокусироваться на внешней привлекательности и распространении собственной культуры актора. В силу этого эффекта культурного перелива ядерная страна формирует «центр культурного престижа» в своей культурной сфере. Через этот центр она продолжает распространять свое культурное влияние на окружающий регион. Каковы характеристики ядерной страны, являющейся внутренним стержнем регионального культурного управления? Или каковы критерии для того, чтобы стать ядерной страной? Для того чтобы быть ядерной страной в региональном культурном управлении, она должна обладать культурным престижем и лидерством, и её история должна быть связана с историей соседей. Если бы существовали квалификационные критерии

для ядерной страны, то в можно констатировать, что она должна обладать следующими качествами. Во-первых, культура обладает привлекательностью и притягательностью. Это похоже на концепцию мягкой силы, но в корне отличается от нее. Если мягкая сила – это инструмент, с помощью которого субъект реализует свои собственные интересы, то культурная привлекательность и притягательность не обязательно должна служить национальным интересам, но может быть и чистым побочным эффектом. Во-вторых, культура должна обладать способностью к распространению и воздействию. Это в основном означает, что ядерная страна должна не только иметь культурную модель, способную привлечь другие страны к активному изучению и подражанию, но и продвигать свою собственную культуру на периферию. Это, конечно, в корне отличается от принудительного культурного экспорта культурного империализма. Наконец, как ядерная страна, она может сохранить себя даже в условиях влияния других культур на свою собственную культуру. Другими словами, чтобы быть ядерной страной, государство должно быть способно представить свою собственную культуру внешнему миру и привлечь других на основе своей способности сохранять собственное культурное выживание. Разумеется, все вышесказанное – лишь краткое резюме критериев ядерной страны.

Региональное культурное управление требует лидерства и престижа ядерной страны, но она также требует поддержки и участия узловых государств.

б) Узловые страны

Они отличаются от ядерных стран одним и только одним параметром, а именно тем, что по количеству стран узла это может быть больше, чем одна страна. Конечно, вряд ли можно утверждать, что больше – значит лучше. Давайте сначала рассмотрим узловые страны и их роль. *Узловые страны – это группы стран, где существует две или более страны в их культурном регионе, которых привлекает и вдохновляет культурный престиж ядерной страны и которые сознательно учатся и подражают культурным образцам ядерной страны.* Изучая и усваивая передовые культурные концепции и практики ядерных стран, они продвигают эту новую культуру, усвоенную местной национальной культурой, чтобы другие страны региона могли учиться и подражать ей. Здесь, конечно, возникает вопрос: может ли произойти совпадение и идентичность между странами ядра и узла? Ответ на этот вопрос безусловный. Поскольку страны-ядра могут пересекаться со странами-узлами в плане идентичности, в чем разница между ними? Можно утверждать, что ядерная страна должна быть одной из узловых стран, но узловая страна не обязательно должна быть ядерной страной. На самом деле, термин

узловая страна не является незнакомым и не является оригинальным для автора. Это понятие упоминается в документе «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» [Государственный Совет КНР, 2015], который был опубликован Китаем в 2015 году. Здесь мы используем термин узловые страны, в основном в культурном смысле. Какую роль узловые страны могут играть в региональном культурном управлении? Или какое место они занимают? Как кластер стран в региональном культурном управлении, узловые страны могут играть роль, которую не могут играть или не способны играть ядерные страны в силу определенных соображений. Во-первых, как мост между ядерными странами и другими субъектами, узловые страны могут продолжать расширять культурный охват ядерной страны вовне; во-вторых, узловые страны могут заменить ядерную страну в её отсутствие и выполнять ее функции; и, наконец, как средство коммуникации между ядерными странами и внешним миром, узловые страны могут предоставить ценную информацию ядерной стране в случае информационной асимметрии между ядерной страной и внешним миром. Что касается характеристик узловых стран, то в данной работе рассматриваются следующие основные аспекты. Во-первых, с географической

точки зрения, узловые страны должны быть примерно однородно распределены вокруг ядерной страны, а не линейно расположены в определенном направлении от ядерной страны. Это, конечно, не означает, что определенное однородное распределение должно быть искусственно создано. Просто культурный престиж ядерной страны будет снижен, если узлы будут определены чисто линейным расположением. Во-вторых, с точки зрения функциональных механизмов, узловая страна должна быть способна выполнять некоторые или все функции ядерной страны в её отсутствие. Именно по этой причине ядерные страны могут пересекаться с узловыми странами. Это происходит, потому что в некоторых географических регионах фактически существует не одна абсолютная ядерная страна, а множество узловых стран, каждая из которых не обладает элементами, необходимыми для того, чтобы быть ядерной страной, как, например, в Европейском регионе. В-третьих, узловая страна должна быть способна играть балансирующую роль между ядерными странами и другими субъектами. Хотя ядерные страны не полагаются на политическую власть для культурного управления в рассматриваемом регионе, им все равно нужны узловые страны с достаточной властью, чтобы действовать в качестве стабилизирующего противовеса в критической ситуации.

Региональный порядок в новых международных отношениях на основании концепции “礼尚往来” (lǐshàngwǎnglái)

Китай – всемирно известная страна с давними и богатыми традициями этикета. Цивилизация ритуала и музыки является синонимом китайской цивилизации, которую можно описать так: «ритуалы упорядочивают вселенную, а музыка гармонизирует небо и землю (礼序乾坤, 乐和天地)». Понятие “礼尚往来” (lǐshàngwǎnglái), своего рода китайская идиома, буквально переводится как «отвечать на любезность следует любезностью», «в вежливости (этикете) ценится взаимность», это понятие как нельзя более точно определяет сущность нового регионального управления. Дух и смысл «взаимного этикета» имеет три основных значения: во-первых, это принцип справедливого и разумного баланса в отдаче и получении; во-вторых, он требует равенства во взаимодействии между собой и другими; в-третьих, он декларирует взаимное уважение между двумя сторонами. Эти три значения в конечном итоге указывают на идеализированный социальный порядок, который является универсальным, прочным и гармоничным.

После вступления в XXI век, особенно в эпоху переплетения глобальных перемен и эпидемий, концепция “lǐshàngwǎnglái” во внешней стратегической схеме Китая развивалась как единое целое, постепенно реализуя органическое сочетание

образа мышления, форм выражения и способов поведения в ходе преемственности и развития, со стремлением к всеохватности, открытости и прогрессу, что является главной темой, которая отражается во многих аспектах внешних отношений, включая политику, безопасность, экономику и культуру. Что касается регионального управления, то идея регионального управления в условиях «нового ритуального порядка» может быть отражена в международном региональном порядке вежливости и взаимности, который в основном отражается в следующих трех характеристиках.

а) Форма регионального управления требует большего внимания к коммуникации.

“Lǐshàngwǎnglái” – это не выдача желаемого за действительное. Здоровое взаимодействие между странами должно основываться на взаимном уважении и равноправном контакте, поддержании стабильных обменов и тесного общения, для обмена идеями и укрепления взаимного доверия. Используя такие социальные элементы и связующие узлы международной системы, как отношения и процессы, можно сформировать новые международные нормы, культивировать национальные чувства и укреплять национальную идентичность.

б) Необходимо обеспечивать расширение содержания регионального управления.

«Lǐshàngwǎnglái» – это не обмен равными и не ситуация «побе-

да-поражение». Речь идет не только о решительной борьбе, но и о сотрудничестве друг с другом и активной помощи. Такая форма взаимодействия – это не самопомощь и борьба, на которые указывает западный взгляд на природу политических конфликтов, а взаимопомощь и вежливость, на которые опирается китайский взгляд на гармоничный порядок. Увеличение свободы действий в международном взаимодействии добавляет ресурсы для мирового прогресса и развития всех стран, что позволяет лучше достичь взаимной выгоды и беспроегрышных ситуаций между странами и постепенного улучшения глобального управления.

в) Цели регионального управления по продвижению космополитизма.

Концепция “lǐshàngwǎnglái” заключается не в том, чтобы всем быть на одной стороне, и не в том, чтобы ополчиться друг на друга. Страны и цивилизации должны быть открыты и терпимы друг к другу, и делать больше для блага других, чем для зла. В частности, ведущие страны должны искать точки соприкосновения, сохраняя за собой различия, и вести другие страны к активной и справедливой защите общих интересов человечества, решению общих глобальных проблем и работе по созданию единого сообщества человеческой судьбы.

Исходя из этого, мы можем продолжить изучение китайской пара-

дигмы регионального управления с точки зрения интеграции диалектического, реляционного, органического и интернализованного мышления, которое в основном включает *три способа применения*: «игры» в политическом процессе, междоменное взаимодействие и цивилизационный симбиоз, проявляющиеся в новую эпоху как инновационные типы управления, такие как партнерское управление, контрсанкции, совместное противоэпидемическое управление, цивилизационное управление и управление между людьми, демонстрирующие единство знаний и действий концепций глобального и регионального управления, внешнего дискурса и регионального порядка.

Концепция “lǐshàngwǎnglái” не только находится в диалоге с основными концепциями во всех областях современных международных отношений, но и выходит за рамки ценностей китайской цивилизации в силу своей уникальной мудрости. Китайская концепция “lǐshàngwǎnglái” является важной идеологической основой для построения сообщества человеческой судьбы, поскольку она способствует установлению нового типа международных отношений и более широкого взаимодействия между народами.

Заключение

Как логический выбор для нового типа глобального управления, региональное культурное управле-

ние является незападным решением кризиса управления и дефицита управления, с которым сталкиваются традиционное западное силовое управление и постгегемонистское управление. В то же время китайский «новый ритуальный порядок» в рамках этой идеи управления является традиционной китайской идеей международного регионального управления с китайской спецификой. Логика этого нового глобального управления проявляется на уровне регионального управления, где социальные факторы, обусловленные культурой, начинают включаться в повестку дня исследований. В основном это связано с тем, что социальные факторы, представленные культурой, не только дают новую мудрость для преодоления нынешнего кризиса глобального управления и дефицита управления. Это означает, что западная капиталистическая цивилизация не является единственным вариантом человеческой цивилизации, что западный путь и модель развития не являются единственно правильными, и что существуют различия в пути и философии модернизации, обусловленные различными культурными традициями. Культура, как ресурс мягкой силы, является очень ценным фактором как в глобальном, так и в региональном управлении. В то же время мышление древнекитайских мудрецов как философское руководство общественной деятельностью, требует, чтобы социальные

факторы выступали как переменные величины средств, а не целей. В целом, региональное культурное управление, как субполе глобального управления, перестраивает систему международного управления в соответствии с другой логикой и распространяет первые результаты, которых оно достигло, на другие области международного управления. Порядок «нового ритуального управления», пионером которого в это время стал Китай, распространился на соседние страны и регионы, формируя уникальную восточноазиатскую культурную сферу и создавая новый ритуальный порядок регионального управления. Конечно, в процессе развития регионального культурного управления предложенная нами концепция управления будет время от времени подвергаться сомнению со стороны властных структур и других факторов, а также сталкиваться с ограничениями и сбоями, вызванными различными причинами. Использование культуры в качестве интегральной составляющей логики управления и «нового ритуального порядка» в качестве тональности регионального порядка управления может только дать идею для будущего регионального управления. Таким образом, применение регионального культурного управления и «нового ритуального порядка» в региональном управлении все еще является темой как в высшей степени актуальной и востребованной, так и крайне

сложной, и данная статья является лишь предварительным исследованием, намечающим перспективы дальнейшего изучения в будущем.

Библиографический список

1. Государственный Совет КНР: «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и «Морского Шелкового пути XXI», 28-3-2015. URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/35507/35519/Document/1535279/1535279.html>. (Дата обращения: 10.06.2023).
2. 白云真, 贾启辰. 新功能主义视域下的东亚区域治理[J]. 太平洋学报, 2013,21(02):35-42.
3. 陈康令. 试析传统东亚秩序“礼治下的和平”[J]. 国际观察, 2015,(04):73-86.
4. 国家发展改革委 外交部 商务部. 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动 [E/R]. 2015.3.29. <http://politics.people.com.cn/n/2015/0329/c1001-26765454.html>(2022.7.13.)
5. 郭延军. 美国与东亚安全的区域治理——基于公共物品外部性理论的分析[J]. 世界经济与政治, 2010,(07):36-50+156.
6. 郇庆治. 全球环境治理与东亚区域环境合作 [J]. 复旦国际关系评论, 2007,(00):100-115.
7. 李博一. 国际治理中的区域文化治理:概念界定与比较分析[J]. 国别和区域研究, 2020,5(03):120-149+170.
8. 李丹,董琴. 全球经济治理体系改革的东亚方案与中国作用[J]. 国际经贸探索, 2021,37(11):101-112.
9. 刘琳. 峰会之后, 美日印澳四国机制在忙什么[J]. 世界知识, 2021,(10):23-25.
10. 刘卿. 东亚非传统安全: 多边合作与制度建设[J]. 国际问题论坛, 2007(夏季号):27-29.
11. 卢国学. APEC 安全议题与当前区域安全合作[J]. 亚非纵横, 2007,(04):30-36.
12. 梅新育. 中国—东盟自贸区考验中国世界治理能力[J]. 中国物流与采购, 2010,(02):32.
13. 吴定保. 讨论金融危机对策 《马尼拉框架》会议在马来西亚举行[R]. 人民日报, 1998.11.10.(7).
14. 吴志成,杨娜. 全球治理的东亚视角[J]. 国外理论动态, 2012,(10):17-23.
15. 夏路. 从“多重权力概念”看东亚区域治理[J]. 东南学术, 2006,(01):65-71.
16. 俞可平. 治理与善治[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2000.
17. 张卫华. 亚洲货币基金组织何时诞生?[J]. 经济, 2007,(08):10-12.
18. 张小明. 中国与周边国家关系的历史演变:模式与过程[J]. 国际政治研究, 2006,(01):57-71.
19. 张云. 国际关系中的区域治理:理论建构与比较分析[J]. 中国社会科学, 2019,(07):186-203+208.

Reference list

1. Gosudarstvennyj Sovet KNR: «Videnie i dejstvie, napravlennye na prodvizhenie sovmestnogo stroitel'stva “Jekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti” i «Morskogo Regional'noe upravlenie v Vostochnoj Azii v usloviyah «novego ritual'nogo porjadka» (新礼治秩序). Часть 2

Shelkovogo puti XXI» = The PRC State Council: “Perspective and action to promote the joint construction of the Silk Road Economic Belt and the Maritime Silk Road XXI”, 28-3-2015. URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/35507/35519/Document/1535279/1535279.html>. (Data obrashhenija: 10.06.2023).

2. 白云真, 贾启辰. 新功能主义视域下的东亚区域治理[J]. 太平洋学报, 2013, 21(02): 35-42.
3. 陈康令. 试析传统东亚秩序“礼治下的和平”[J]. 国际观察, 2015, (04): 73-86.
4. 国家发展改革委 外交部 商务部. 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动 [E/R]. 2015.3.29. <http://politics.people.com.cn/n/2015/0329/c1001-26765454.html>(2022.7.13.)
5. 郭延军. 美国与东亚安全的区域治理——基于公共物品外部性理论的分析[J]. 世界经济与政治, 2010, (07): 36-50+156.
6. 郇庆治. 全球环境治理与东亚区域环境合作[J]. 复旦国际关系评论, 2007, (00): 100-115.
7. 李博一. 国际治理中的区域文化治理: 概念界定与比较分析[J]. 国别和区域研究, 2020, 5(03): 120-149+170.
8. 李丹, 董琴. 全球经济治理体系改革的东亚方案与中国作用[J]. 国际经贸探索, 2021, 37(11): 101-112.
9. 刘琳. 峰会之后, 美日印澳四国机制在忙什么[J]. 世界知识, 2021, (10): 23-25.
10. 刘卿. 东亚非传统安全: 多边合作与制度建设[J]. 国际问题论坛, 2007(夏季号): 27-29.
11. 卢国学. APEC 安全议题与当前区域安全合作[J]. 亚非纵横, 2007, (04): 30-36.
12. 梅新育. 中国—东盟自贸区考验中国世界治理能力[J]. 中国物流与采购, 2010, (02): 32.
13. 吴定保. 讨论金融危机对策 《马尼拉框架》会议在马来西亚举行[R]. 人民日报, 1998.11.10.(7).
14. 吴志成, 杨娜. 全球治理的东亚视角[J]. 国外理论动态, 2012, (10): 17-23.
15. 夏路. 从“多重权力概念”看东亚区域治理[J]. 东南学术, 2006, (01): 65-71.
16. 俞可平. 治理与善治[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2000.
17. 张卫华. 亚洲货币基金组织何时诞生?[J]. 经济, 2007, (08): 10-12.
18. 张小明. 中国与周边国家关系的历史演变: 模式与过程[J]. 国际政治研究, 2006, (01): 57-71.
19. 张云. 国际关系中的区域治理: 理论建构与比较分析[J]. 中国社会科学, 2019, (07): 186-203+208.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted on 28.03.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication on 26.05.2023

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_27
EDN AXVEXM

Личный бренд преподавателя как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России

Сергей Львович Таланов

Кандидат социологических наук, доцент по специальности, старший научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва
talanov_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Аннотация. Автором предпринята попытка проанализировать сколько преподавателей вузов, в которых обучаются иностранные граждане из Китая, целенаправленно работают над своим брендом, какие трудности они испытывают при создании личного бренда и как влияние личного бренда преподавателя сказывается на престиже вуза. Выявлено, что чем меньше стаж работы преподавателя, чем ниже его должность, чем младше он по возрасту, тем выше его уверенность в том, что ему нужен личный бренд. Установлено, что ассистенты, старшие преподаватели считают, что личный бренд позволяет влиять на монетизацию своих знаний и умений (получать высокие доходы) и получить некоторую независимость в своих действиях (без оценки публичных людей). Также выявлено, чем меньше стаж работы преподавателя, чем ниже его должность, чем младше он по возрасту, тем более активно он самопрезентуется в социальных сетях. Анализ сайтов кафедр и факультетов вузов, в которых больше всего учатся студентов (магистрантов, аспирантов) из КНР, в период с сентября 2022 по май 2023 года, показал, что абсолютно все кафедры периодически обновляют информацию о проводимых мероприятиях, а устаревшие данные убираются. К сожалению, несмотря на то, что информация на сайтах большинства вузов постоянно наполняется и обновляется, но как правило, она представлена в виде текста, фотографий, картинок и схем. Установлено, что личный бренд преподавателя является эффективным инструментом привлечения иностранных абитуриентов. Воздействие на выбор абитуриентом вуза с помощью личного бренда преподавателя как инструмента «мягкой силы» оказывается гораздо выше, чем с помощью рекламы вузов в интернете.

Ключевые слова: мягкая сила; личный бренд; брендинг; вузы; имидж; управление репутацией

Для цитирования: Таланов С. Л. Личный бренд преподавателя как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России. 2023. № 2 (16). С. 27-44. http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_27. <https://elibrary.ru/AXVEXM>.

© Таланов С. Л., 2023

Original article

**A personal brand of a lecturer as a “soft power”
tool in Russian foreign policy**

Sergei L. Talanov

Candidate of sociological sciences, associate professor, senior researcher at the Center for studying adaptation processes in changing society, Federal scientific research sociological center of the Russian Academy of Sciences, Moscow
talanov_serger@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Abstract. The author has made an attempt to analyze how many lecturers at universities teaching Chinese students are consistently working on their brands, what difficulties they experience in creating a personal brand, and the impact of teachers' personal brands on the prestige of the university. It has been found that the less experienced a lecturer is, the lower their position and the younger they are, the more they feel the need for a personal brand. It has also been found that assistant lecturers and senior lecturers believe that a personal brand enables them to influence the monetization of their knowledge and skills (to receive a higher income) and to gain some independence in their actions (people prefer not to disturb public figures). Another finding is that the less experienced a lecturer is, the lower their position and the younger they are, the more actively they present themselves in social networks. Analyzing the websites of university departments and faculties with the most Chinese students (master and postgraduate students) from September 2022 to May 2023 indicates that absolutely all these departments update the information regularly, and delete the outdated information. Unfortunately, despite the fact that the information on most university websites is constantly added and updated, it is normally presented in the form of text, photos, pictures and diagrams. An effective tool for attracting foreign applicants is university lecturers' personal brands. The impact on the applicant's choice of university through the “soft power” in the form of personal brands is much higher than advertising universities in the Internet.

Keywords: soft power; personal brand; branding; universities; image; reputation management

For citation: Talanov S. L. A personal brand of a lecturer as a “soft power” tool in Russian foreign policy. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 2(16): 27-44. http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_27. <https://elibrary.ru/AXVEXM>.

Актуальность исследования

Престиж вуза определяется в первую очередь преподавателями, которые в нем работают. Оснащение вуза, эстетика, спортзалы и т. д., это имеет значение только в совокупности с высококвалифицированными кадрами. Проведенный

нами выборочный анализ сайтов вузов, в которых больше всего обучается студентов из Китая демонстрирует, что информация про преподавателей обновляется редко, большинство преподавателей не умеют создавать и раскручивать свой личный бренд. Большинство

абитуриентов, а особенно их родители, престиж того или иного вуза связывают именно с преподавателями вуза. Чем больше нобелевских лауреатов работает в вузе, тем выше его рейтинг. В РФ на данный момент нет в вузах лекторов – нобелевских лауреатов, но есть огромное количество талантливых профессоров и доцентов. К сожалению, о них очень мало знают даже в их собственном вузе, на кафедре и факультете о них знают, а на соседних факультетах многие уже об их успехах и достижениях не осведомлены. Преподаватели должны повышать свою узнаваемость, информировать о своих достижениях, а вузы должны обновлять максимально быстро информацию на сайтах. Престиж конкретного преподавателя способствует повышению престижа вуза, региона и страны в целом [Кушнарев, 2022].

Учитывая все вышеизложенное, нами была предпринята попытка проанализировать сколько преподавателей в вузах, в которых обучаются иностранные граждане из Китая, целенаправленно работают над своим брендом, какие трудности испытывают преподаватели при создании личного бренда и как влияние личного бренда преподавателя сказывается на престиже вуза.

Постановка проблемы

Преподаватели вузов являются профессиональным и моральным ориентиром не только для студентов и их родителей, но и для других

людей в стране и за рубежом. В вузах для преподавателей, в рамках локальных актов, вводятся различные ограничения (дресс-код). Поэтому неудивительно, что ученые разных стран мира целенаправленно изучают плюсы и минусы личного бренда преподавателя и как личный бренд влияет на престиж вуза [Zorrillab, 2018; Al Hazaa, 2021; Schlesinger, 2021].

С появлением и широким распространением Интернета возник вопрос о продвижении личного бренда преподавателя в интернет-пространстве [Azham, 2020; Wahheed et al., 2020; Del-Castillo-Feito et al., 2019].

Все большее количество преподавателей перемещаются в интернет-пространство, где по данным социологических опросов они проводят значительную часть времени. Руководство вузов, как правило, рекомендует преподавателям быть максимально публичными; многие преподаватели сами понимают, что интернет-пространство несет массу плюсов. В частности, легче взаимодействовать со студентами, магистрантами и т. д.

Роль «громких имен» (преподавателей в вузе) в формировании престижа вуза изучают педагоги, социологи и политологи. Многие преподаватели становятся лидерами мнений в регионе, своеобразной витриной вуза. Часто абитуриенты сначала узнают, что есть такой-то профессор или доцент, а потом что есть вуз, в котором он работает.

Если ряд таких преподавателей (лидеров) уволятся из вуза, то вуз сразу перестанет быть престижным [Chandra et al., 2019; Cunningham et al., 2019; Manzoor et al., 2021].

Ученые – социологи и политологи – пришли к мнению, что узнаваемость личного бренда преподавателю можно достичь через трансляцию личных ценностей посредством социальных сетей [El-Kassem, 2020; Poh, 2019; Aledo-Ruiz et al., 2022].

Многочисленные политологические исследования демонстрируют, что все большее число преподавателей вузов ощущают потребность в их собственной персонификации [Dursun, 2021; Calitz et al., 2020; Bao, 2020].

Роль медийного пространства в создании и раскручивании личного бренда педагога освещается в трудах зарубежных и отечественных исследователей [Liguori, 2020; Артеев, 2021; Коваленко, 2021].

Российские ученые систематически изучают мотивы, по которым иностранные абитуриенты выбирают тот или иной вуз [Шатилов, 2019; Гомелаури, 2020; Сутырин, 2020].

Взаимодействие студентов и преподавателей в социальных сетях, а также виды интерактивных форм и способов выражения личного бренда в социальных сетях, систематически изучают политологи из Ярославской области [Таланов, 2019; Игнатенкова, 2021; Бабуркин 2017].

Особенно востребованным взаимодействием студентов и преподавателей в социальных сетях оказалось

в условиях широкого распространения COVID-19, именно тогда многие преподаватели задумались о совершенствовании видов интерактивных форм и способов выражения персонального бренда [Березин, 2020].

Учитывая, что ежегодно увеличивается количество студентов, обучающихся в Российских вузах из Китая, не удивительно, что в последнее время увеличилось число научных работ, посвященных «мягкой силе» в концепции внешней политики Китая [Иванчиков, 2019; Бинцин, 2022].

В тоже время, к сожалению, проведенный нами анализ диссертаций, защищенных по политологии и социологии, за последнее время показал, что очень мало диссертаций посвящено изучению личного бренда преподавателя как инструмента «мягкой силы» России.

Эмпирическая база исследования

В 2022 г. осуществлен опрос профессорско-преподавательского состава вузов РФ, в которых больше всего обучается студентов из Китая:

- Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина;
- Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
- Российский университет дружбы народов;
- Московский педагогический государственный университет;
- Московский государственный лингвистический университет;

– Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

– Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;

– Национальный исследовательский университет;

– Санкт-Петербургский государственный университет;

– Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого;

– Казанский (Приволжский) федеральный университет;

– Сибирский федеральный университет;

– Дальневосточный федеральный университет.

Выборка квотная. Выборочная совокупность, n=600.

Переменные квотирования: научное звание, научная степень, вуз, должность.

В базе данных РИНЦ были взяты адреса электронной почты преподавателей, затем проведена рассылка анкет в прикрепленном файле на данные адреса. Если преподаватель (респондент) в течение недели не присылал анкету или сразу после получения письма отвечал, что не сможет или не желает принять участие в опросе (либо просто в течение недели не присылал анкету), то предложение пройти опрос направлялось на другой электронный адрес преподавателю, который подходил по всем необходимым параметрам для обеспечения репрезентативности опроса.

Проведено анкетирование среди студентов, магистрантов из Китая, n=600.

Проведена серия глубинных интервью с представителями профессорско-преподавательского состава, n=10.

Проведен анализ сайтов вузов, в которых больше всего учится студентов их КНР, чтобы определить повышают ли узнаваемость в профессиональной среде и управляют ли репутацией преподаватели. Наблюдение за сайтами кафедр и факультетов вузов, в которых больше всего учится студентов (магистрантов, аспирантов) из КНР, осуществлялось в период с сентября 2022 по май 2023 года.

Проведена серия глубинных интервью с иностранными студентами, магистрами, которые относятся к высокоресурсным, среднересурсным и слаборесурсным группам, n=40.

Авторские гипотезы

Личный бренд преподавателя является эффективным инструментом привлечения иностранных абитуриентов. Воздействие на выбор абитуриентом вуза с помощью личного бренда как инструмента «мягкой силы» оказывается гораздо выше, чем с помощью рекламы вузов в интернете.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, нужен ли личный бренд преподавателю (см. табл. 1).

Таблица 1.
Распределение ответов на вопрос: «Нужен ли личный (персональный) бренд преподавателю вуза?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Профессорско-преподавательский состав, n=600					
	Декан	Зав. кафедрой	Профессор	Доцент	Старший преподаватель	Ассистент
Нет	76	68	59	42	30	15
Да	24	32	41	58	70	85

Как видно из ответов респондентов, чем меньше стаж работы преподавателя, чем ниже его должность, чем младше он по возрасту,

тем выше его уверенность в том, что ему нужен личный бренд.

Далее мы изучали, что дает личный бренд преподавателю? (см. табл. 2)

Таблица 2.
Распределение ответов на вопрос: «Что дает личный бренд преподавателю?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Профессорско-преподавательский состав, n=600					
	Декан	Зав. кафедр	Проф.	Доцент	Ст. преподав.	Ассистент
Позволяет получить некоторую независимость в своих действиях (публичных людей предпочитают не трогать)	67	83	90	95	100	100
Позволяет получать награды (грамоты звания и т.д.)	43	48	68	70	72	78
Позволяет влиять на монетизацию своих знаний и умений (получать высокие доходы)	31	34	67	78	100	100
Помогает укрепить авторитет перед студентами, членами кафедры, факультета, вуза	24	32	41	58	70	85
Позволяет продвигаться по карьерной лестнице	16	28	48	59	68	77
Делает преподавателя более современным, гибким, продвинутым	15	23	52	64	86	92
Прокачивает коммуникативные умения	14	28	60	69	90	95
Помогает отточить ораторские навыки	7	12	13	16	89	91

Ответы респондентов	Профессорско-преподавательский состав, n=600					
	Декан	Зав. кафедр	Проф.	Доцент	Ст. препод.	Ассистент
Помогает совершенствовать копирайтерские навыки	6	9	21	32	71	89
Другое	5	5	5	5	5	6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Ассистенты, старшие преподаватели считают, что личный бренд позволяет им влиять на монетизацию своих знаний и умений (получать высокие доходы) и получить некоторую независимость в своих действиях (публичных людей предпочитают не трогать). Респонденты могли пояснить свои ответы. Так, большинство деканов и заведующих кафедрой отметили, что им личный бренд создавать не нужно, их и так узнают, уважают, так как они статусные люди, у них много монографий и пособий, а также очень много бывших

учеников, которые достигли высоких должностей. Также пояснили, что у них есть страницы в социальных сетях и пиар-служба вуза, которая публикует информацию об их выступлениях на конференциях и других мероприятиях, связанных с ними, на странице вуза. И этого им вполне достаточно.

Далее мы изучали, занимаются ли респонденты повышением своей узнаваемости в профессиональной среде, управляют ли они своей репутацией (см. табл. 3).

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: «Занимаетесь ли Вы повышением своей узнаваемости в профессиональной среде, управляете ли репутацией?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Профессорско-преподавательский состав, n=600					
	Декан	Зав. кафедрой	Профессор	Доцент	Старший преподаватель	Ассистент
Да	24	32	41	58	70	85
Нет	76	68	59	42	30	15

Как видно из таблицы, ответы респондентов на вопрос о нужности личного (персонального) бренда преподавателю вуза, в точности совпадает с ответами на вопрос – занимаетесь ли Вы повышением своей узнаваемости в профессио-

нальной среде, управляете ли репутацией.

Далее мы изучали, какие интерактивные формы и способы выражения самопрезентации в социальных сетях применяют преподаватели (см. табл. 4).

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «Интерактивные формы и способы самопрезентации преподавателей в социальных сетях»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Профессорско-преподавательский состав, n=600					
	Декан	Зав. кафедрой	Профессор	Доцент	Ст. преподаватель	Ассистент
Создание чата	31	46	52	69	90	100
Создание опросов	22	37	46	65	87	100
Презентация Видеофрагментов на русском и китайских языках	15	19	25	35	41	52
Провожу открытые трансляции	14	18	21	38	47	69
Другое	5	6	6	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов респондентов, чем меньше стаж работы преподавателя, чем ниже его должность, чем младше он по возрасту, тем более активно самопрезентуются он в социальных сетях.

Далее изучали, почему некоторые преподаватели не формируют

бренд-имидж в социальных сетях. Выборка иная, так как в таблице представлены ответы только тех, кто указал, что не занимается повышением своей узнаваемости в профессиональной среде, не управляет репутацией (см. табл. 5).

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы не формируете бренд-имидж в социальных сетях?»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Профессорско-преподавательский состав, n=310					
	Декан	Зав. кафедр	Проф.	Доцент	Ст. препод.	Ассистент
Временные затраты на поддержании бренда	100	90	69	56	52	45
Неготовность принимать отрицательные комментарии	89	83	75	58	45	39
Студенты начнут использовать коммуникацию через соц. сети в своих личных целях (будут отвлекать)	81	73	60	48	38	29

俄语国家评论

Ответы респондентов	Профессорско-преподавательский состав, n=310					
	Декан	Зав. кафедр	Проф.	Доцент	Ст. препод.	Ассистент
Информация личного характера может быть охарактеризована не в пользу преподавателя	79	72	62	53	46	39
Другое	5	5	6	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов респондентов, чем больше стаж работы преподавателя, чем выше его должность, чем старше он по возрасту, тем меньше он готов принимать отрицательные комментарии и тра-

тить время на поддержании личного бренда.

Далее мы изучали, проводили ли респонденты свой личный аудит, выявляли ли свои слабые и сильные стороны (см. табл. 6).

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: «Проводили ли Вы личный аудит?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Профессорско-преподавательский состав, n=600					
	Декан	Зав. кафедр.	Проф.	Доцент	Ст. препод.	Ассистент
Пытался выбрать каналы продвижения	52	65	73	84	90	95
Да, стремился понять каким я вижу себя через три года	43	56	62	73	82	90
Да, постоянно анализирую какие мои наиболее сильные профессиональные качества	24	32	41	58	70	85
Пытался сформулировать позиционирование	21	27	30	46	52	62
Пытался понять какой нужно создавать контент	19	23	34	58	77	82
Да пытался определить, чем я отличаюсь от моих коллег	17	26	32	50	62	71
Нет	23	21	19	16	11	6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов респондентов, чем меньше стаж работы преподавателя, чем ниже его долж-

ность, чем младше он по возрасту, тем чаще он проводил личный аудит.

Далее мы изучали, есть ли у респондентов свой блог, аккаунт в соцсетях, каналах в мессенджерах (см. табл. 7).

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос: «Вы создавали блог, аккаунт в соцсетях, каналах в мессенджерах для общения со студентами (магистрантами и т. п.)?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Профессорско-преподавательский состав, n=600.					
	Декан	Зав кафедр.	Проф.	Доцент	Ст. препод	Ассистент
Завел аккаунт ВКонтакте	100	100	100	100	100	100
Завел канал в «телеге»	80	90	95	100	100	100
Даю лайфхаки по своему предмету	—	—	13	65	79	89
Нет	6	6	7	8	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов, все опрошенные имеют аккаунт в социальной сети ВКонтакте. Респонденты могли пояснить свои ответы. Так, абсолютно все принявшие участие в опросе указали, что им рекомендовали иметь страницы в социальных сетях для общения со студентами, магистрантами и т. д. Препо-

даватели с факультета иностранных языков отметили, что активно общаются с иностранными студентами в социальных сетях.

В рамках исследования мы опрашивали студентов (магистрантов) из КНР. В частности, мы изучали, от чего зависит качество преподавания в вузе (см. табл. 8).

Таблица 8.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, от чего зависит качество обучения в вузе?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Студенты из КНР, n=600					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Профессионализма преподавателя	100	100	100	100	100	100
Развития международного сотрудничества	89	95	74	80	69	73
Уровня научных исследований	82	83	63	74	53	63
Материально-технического оснащения	80	85	73	79	61	69

俄语国家评论

Ответы респондентов	Студенты из КНР, n=600					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Качества организации учебного процесса	71	81	64	77	52	68
Качества учебных программ	70	79	60	72	48	58
Наличие мотивации студентов и педагогов к улучшению их деятельности	32	43	25	29	16	21
Уровня подготовки абитуриентов	17	14	8	6	6	5
Другое	5	6	5	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов, абсолютно все опрошенные указали, что качество российского высшего образования напрямую связано с профессионализмом преподавателя. Чем более материально обеспечены респонденты, тем в большей степени

они считают, что качество образования связано с материально-техническим оснащением вузов.

Далее мы изучали, что именно привлекло респондентов в РФ в первую очередь (см. табл. 9).

Таблица 9.

Распределение ответов на вопрос: «При выборе вуза для поступления Вы изучали биографии преподавателей?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Студенты из КНР, n=600.					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Да, поскольку от их профессионализма зависит качество образования	100	100	77	84	67	72
Находил данные о преподавателях вуза в открытых источниках в Интернете и читал об их вкладе в науку	80	86	56	63	49	58
Прежде всего, меня интересовал город, в котором расположен вуз, наличие общежития и т.д.	56	70	89	95	92	96

Мир русскоговорящих стран

Ответы респондентов	Студенты из КНР, n=600.					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Смотрел лекции преподавателей вуза, выложенные на сайте, чтобы определить качество преподавания	67	73	34	42	19	27
Нет	—	—	6	11	8	12
Другое	6	5	5	6	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов респондентов, чем ниже благосостояние семьи студента (магистранта), тем больше его интересует город, в котором расположен вуз, наличие общежития и т. д., а не преподаватели, работающие в вузе. В тоже время большинство студентов (магистрантов) из средне- и слаборесурсных групп интересуются биографиями преподавателей.

Личный бренд преподавателя важен не только для привлечения абитуриентов, но и для того, чтобы студенты после некоторого времени обучения не уходили из вуза. По этой причине мы изучали, обращают ли студенты свое внимание на новости с сайта вуза, факультета и кафедры (см. табл. 10).

Таблица 10.

Распределение ответов на вопрос: «Обучаясь в вузе, Вы анализируете сайты кафедр, чтобы ознакомиться с новостями, отслеживаете, что нового происходит в жизни ваших преподавателей?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Студенты из КНР, n=600.					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Да, систематически. Подписан на сообщество (группы) ВКонтакте и других соц. сетях	100	100	80	82	78	80
Время от времени, неспециально. Если попадает на глаза какая-нибудь новость	—	—	20	12	12	15
Нет	—	—	—	6	10	5

Мы видим, что независимо от гендерных особенностей студентов, от типа семьи, значительная их часть систематически отслеживает,

что нового происходит в жизни преподавателей.

Проведен анализ сайтов вузов, в которых больше всего учится сту-

дентов из КНР, чтобы определить, повышают ли преподаватели узнаваемость в профессиональной среде, управляют ли они своей репутацией. Наблюдение за сайтами кафедр и факультетов вузов, в которых больше всего учатся студентов (магистрантов, аспирантов) из КНР, в период с сентября 2022 по май 2023 года, показало, что на большинстве кафедр происходит ежедневная актуализация информации о проводимых мероприятиях (кафедра), устаревшие данные убираются. К сожалению, нельзя то же самое сказать об информации про конкретных преподавателей. В основном обновляется информация на сайте факультета, реже информация на сайте кафедры. К примеру, появляется информация о награждении какого-либо преподавателя или об его участии в той или иной конференции, и все. Очень редко появляется информация о выступлениях преподавателей в СМИ, о выходе очередной монографии, проведенном исследовании и т. п. Практически нет видео с лекциями, читаемыми преподавателями в открытом доступе или на сайте вуза. Если информация про монографии редко обновляется в связи с тем, что это трудоемкий процесс, то почему вузы не показывают информацию о выступлениях своих преподавателей в СМИ? СМИ очень часто обращаются за комментариями к преподавателям вузов. Очевидно, некоторые преподаватели не умеют показывать свою работу. Практически нет интервью с преподавателями. Инфор-

мация на сайтах вуза, как правило, представлена только в виде текста, фотографий, картинок и схем.

Проведена серия глубинных интервью с иностранными студентами, магистрами, которые относятся к высокоресурсным, среднересурсным и слаборесурсным группам, n=40. Далее приводим типичные высказывания респондентов.

Вэйдун, 20 лет.

«В 2019 году в городе Чэнду (провинция Сычуань) был открыт «Русский дом». Открытие данного дома основательно меня убедило поступать в российский вуз. Я всегда интересовался русской литературой. Люблю русский язык. Когда выбирал вуз, то меня очень интересовало, кто именно будет вести лекции. Меня расстроило, что ряд вузов не следит за своими сайтами. Они достаточно примитивные, есть фото и текст про преподавателя, также публикуется очень формальный текст. Пришлось самому искать информацию в Интернете. Кстати, в Интернете про преподавателей есть информация, некоторые преподаватели сами создают сайты. Их легко найти, если знаешь ФИО и вуз, в котором числится преподаватель. Но почему вузы об этом не пишут на своих сайтах. Почему так мало информации о преподавателях? Ведь преподаватель несет определенную культуру знаний, ценности».

Цзинсун, 22 года.

«Когда я учил русский язык у себя на Родине в КНР, я искал людей из России, которые хотели бы вы-

учить китайский. Я бы их учил китайскому, а они бы меня русскому языку. Кроме этого, я искал видео с лекциями ведущих преподавателей. К сожалению, на сайтах ряда российских вузов нет видео с лекциями ведущих лекторов. При этом, что удивительно, есть видео на различных платформах. Почему преподаватели выставляют на разных ресурсах свои лекции (может не они сами выставляют), а на сайте вуза их лекций нет!? Витрина любого вуза – это преподаватели».

Мы видим из типичных ответов, что респонденты интересуются биографиями преподавателей, при этом интерес к их жизнедеятельности не пропадает и после поступления в вуз.

Проведена серия глубинных интервью с представителями профессорско-преподавательского состава, n=10.

Большинство преподавателей китайского языка пояснили, что активно проводят вебинары и выкладывают записи видео на странице в социальных сетях (ВКонтакте). Только 10 % из них указали, что выставляют свои лекции на сайтах вуза для публичного просмотра.

Заключение

В рамках исследования нашла подтверждение основная гипотеза.

Как видно из результатов исследования, для иностранных абитуриентов из КНР при выборе вуза важен кадровый состав, большинство абитуриентов ориентируются на качество образования, под которым они понимают, в первую оче-

редь, авторитет (известность в стране, мире) преподавателя.

Потенциал «мягкой силы» российского высшего образования будет еще выше если:

– преподаватели вузов будут целенаправленно разрабатывать и продвигать персональный бренд в интернет-пространстве;

– преподаватели будут систематически проводить вебинары и выкладывать записи видео не только на странице в социальных сетях (ВКонтакте), но и на сайтах вуза, особенно на китайском языке, так как абитуриенты при выборе вуза активно изучают биографии преподавателей вуза;

– будет активно обновляться информация на сайтах вузов на русском и китайских языках, в первую очередь, это необходимо для вузов, в которых предпочитают учиться абитуриенты из КНР;

– информацию на сайтах вузов желательно предоставлять в креативных формах, не в виде текста, фотографий или картинок, а в виде анимации, видеофрагментов интервью ведущих лекторов;

– доступ на сайт вуза должен быть круглосуточным и иметь режим быстрой обратной связи, учитывая разные часовые пояса с КНР;

– сайты вузов будут создаваться в смешанном «полупортальном» стиле, то есть акцент на графическое решение с использованием анимации и наличие на сайте информации – анонсных блоков на русском и китайских языках.

Библиографический список

1. Артеев С. П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 1. С. 32-57.
2. Бабуркин С. А. Межнациональные отношения в вузах центральной России (на материалах Ярославской области) // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2017. № 1. С. 27-32.
3. Березин Д. Т. Влияние COVID-19 на систему высшего образования / Д. Т. Березин, Е. С. Румянцева [и др.] // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2020. № 10. С. 12-22.
4. Бинцин Ч. «Мягкая сила» в концепции внешней политики Китая // Информационные войны. 2022. № 1 (61). С. 23-25.
5. Гомелаури А. С. К вопросу восприятия феномена «мягкой силы» в контексте Российской внешней политики // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 11 (63). С. 3316-3323.
6. Иванилов М. О. Внешняя политика КНР: от «мягкой» силы к «жесткой» / М. О. Иванилов, Т. В. Колесникова // Актуальные проблемы экономики и управления. 2019. № 2 (22). С. 84-88.
7. Игнатенкова И. А. Реализация стратегических национальных интересов России посредством политики «мягкой силы» на примере развития экспорта образования // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 6-3 (76). С. 234-237.
8. Коваленко Г. В. Методы реализации концепции «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. 2021. № 4 (20). С. 16-24.
9. Кушнарев Ф. Ю. Бренд страны, региона и города, как фактор «мягкой силы» России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 44-68.
10. Сутырин В. В. За пределами «мягкой силы»: гуманитарное влияние и сотрудничество во внешней политике // Международная жизнь. 2020. № 9. С. 44-57.
11. Таланов С. Л. Влияние социальных сетей на успеваемость студентов // Социально-политические исследования. 2019. № 3 (4). С. 87-105.
12. Шатилов А. Б. Академическая мобильность иностранных студентов гуманитарных и обществоведческих направлений в рамках «мягкой силы» Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 6 (42). С. 10-13.
13. Zorrillab P., Forcadaa J. A review of higher education image and reputation literature: Knowledge gaps and a research agenda // European Research on Management and Business Economics. Volume 24, Issue 1, January-April 2018, Pages 8-16.
14. Al Hazaa K., Abdel-Salam A.S.G., Mollazehi M., Ismail R., BenSaid A., Johnson C., Al-Tameemi R.A.N., Hasan M.A., Romanowski M.H. Factors affecting university image among undergraduate students: The case study of Qatar University // Cogent Educ., 2021 № 8 (1). pp. 1-26.
15. Schlesinger W., Cervera-Taulet A., Wymer W. The influence of university brand image, satisfaction, and university identification on alumni WOM intentions // J. Market. High Educ. 2021. pp. 1-19.

16. Azham, N.A.A., and T.A.H.D.T. Ahmad. Brand reputation management and brand experience towards reputation of Malaysian polytechnics. *Jurnal Intelek*. 2020. № 15 (1). pp. 98-106.
17. Waheed, A., Zhang, Q., Rashid, Y., & Zaman Khan, S. The impact of corporate social responsibility on buying tendencies from the perspective of stakeholder theory and practices. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2020. № 27(3). pp. 1307-1315.
18. Del-Castillo-Feito, C., A. Blanco-González, and E. González-Vázquez. The relationship between image and reputation in the Spanish public university. *European Research on Management and Business Economics*. 2019. № 25 (2). pp. 87-92.
19. Chandra, T., L. Hafni, S. Chandra, A.A. Purwati, and J. Chandra. The influence of service quality, university image on student satisfaction and student loyalty. *Benchmarking: An International Journal*. 2019. № 26 (5). pp. 1533-1549.
20. Cunningham J.A., Lehmann E.E., Menter M., Seitz N. The impact of university focused technology transfer policies on regional innovation and entrepreneurship // *J. Technol. Tran.*, 2019. № 44 (5), pp. 1451-1475.
21. Manzoor S.R., Ho J.S.Y., Al Mahmud A. Revisiting the 'university image model' for higher education institutions' sustainability // *J. Market. High Educ.*, 2021. № 31 (2). pp. 220-239.
22. El-Kassem R.C. A structural equation model of perceived university image in Qatar: student perspective // *Int. J. Manag.*, 2020. № 11 (8). pp. 721-730.
23. Iloh C. An alternative to college «choice» models and frameworks: the Iloh model of college-going decisions and Trajectories // *Coll. Univ.*, 2019 № 94 (4). pp. 2-9.
24. Aledo-Ruiz, M. D., Martínez-Caro, E., & Santos-Jaén, J. M. The influence of corporate socialresponsibility on students' emotional appeal in the HEIs: Themediating effect of reputation and corporate image. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2022. № 29(3). pp. 578-592. <https://doi.org/10.1002/csr.2221592ALEDO-RUIZET AL>.
25. Dursun, O., & Altin Gumussoy, C. The effects of quality of servicesand emotional appeal on university reputation: stakeholders' view. *Quality Assurance in Education*, 2021. № 29, pp. 166-182.
26. Calitz A.P., Cullen M.D.M., Jooste C. The influence of safety and security on students' choice of university in South Africa // *J. Stud. Int. Educ.*, 2020. № 24 (2). pp. 269-285.
27. Bao W. COVID-19 and online teaching in higher education: a case study of Peking University // *Human Behav. Emerg. Technol.*, 2020. № 2 (2). pp. 113-115.
28. Liguori E., Winkler C. From offline to online: challenges and opportunities for entrepreneurship education following the COVID-19 pandemic // *Entrepreneurship Educ. Pedagog.*, 2020. № 3 (4). pp. 346-351.

Reference list

1. Arteev S.P. Vneshnjaja politika Rossii: «mjagkaja sila» regionov = Russian foreign policy: regional "soft power" // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*. 2021. T. 13, № 1. S. 32-57.
2. Baburkin S.A. Mezhnacional'nye otnoshenija v vuzah central'noj Rossii (na materialah Jaroslavskoj oblasti) = Inter-ethnic relations in universities of central Russia (the Yaroslavl region) // *Alma Mater (Vestnik vysshej shkoly)*. 2017. № 1. S. 27-32.

3. Berezin D. T. Vlijanie COVID-19 na sistemu vysshego obrazovanija = The impact of COVID-19 on the higher education system / D. T. Berezin, E. S. Rumjanceva [I dr.] // Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly. 2020. № 10. S. 12-22.
4. Bincin Ch. «Mjagkaja sila» v koncepcii vneshnej politiki Kitaja = “Soft power” in the Chinese foreign policy concept // Informacionnye vojny. 2022. № 1 (61). S. 23-25.
5. Gomelauri A. S. K voprosu vosprijatija fenomena «mjagkoj sily» v kontekste Rossijskoj vneshnej politiki = On understanding the phenomenon of “soft power” in the context of Russian foreign policy // Voprosy politologii. 2020. T. 10, № 11 (63). S. 3316-3323.
6. Ivanilov M. O. Vneshnjaja politika KNR: ot «mjagkoj» sily k «zhestkoj» = The PRC foreign policy: from “soft” to “hard” power / M. O. Ivanilov, T. V. Kolesnikova // Aktual'nye problemy jekonomiki i upravlenija. 2019. № 2 (22). S. 84-88.
7. Ignatenkova I. A. Realizacija strategicheskikh nacional'nyh interesov Rossii posredstvom politiki «mjagkoj sily» na primere razvitija jeksporta obrazovanija = The realization of Russian national strategic interests through the “soft power” policy using the example of developing education export // Evrazijskoe Nauchnoe Ob#edinenie. 2021. № 6-3 (76). S. 234-237.
8. Kovalenko G.V. Metody realizacii koncepcii «mjagkoj sily» vo vneshnej politike gosudarstva = The methods of realizing the “soft power” concept in the state foreign policy // Vestnik Filiala Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova v gorode Dushanbe. 2021. № 4 (20). S. 16-24.
9. Kushnarev F.Ju. Brend strany, regiona i goroda, kak faktor «mjagkoj sily» Rossii = The brand of the country, region and city as Russia’s “soft power” factor // Mir russkogovorjashhhih stran. 2022. № 3 (13). S. 44-68.
10. Sutyryn V. V. Za predelami «mjagkoj sily»: gumanitarnoe vlijanie i so-trudnichestvo vo vneshnej politike = Beyond “soft power”: humanitarian influence and cooperation in foreign policy // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2020. № 9. S. 44-57.
11. Talanov S. L. Vlijanie social'nyh setej na uspevaemost' studentov = The influence of social networks on students’ progress // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019. № 3 (4). S. 87-105.
12. Shatilov A. B. Akademicheskaja mobil'nost' inostrannyh studentov guma-nitarnyh i obshhestvovedcheskih napravlenij v ramkah «mjagkoj sily» Rossijskoj Fed-eracii = Academic mobility of foreign students majoring in humanities and social sci-ences as part of the Russian Federation's “soft power” // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2019. T. 9, № 6 (42). S. 10-13.
13. Zorrillab P., Forcadaa J. A review of higher education image and reputation lit-erature: Knowledge gaps and a research agenda // European Research on Management and Business Economics. Volume 24, Issue 1, January-April 2018, Pages 8-16.
14. Al Hazaa K., Abdel-Salam A.S.G., Mollazehi M., Ismail R., BenSaid A., John-son C., Al-Tameemi R.A.N., Hasan M.A., Romanowski M.H. Factors affecting univer-si-ty image among undergraduate students: The case study of Qatar University // Cogent Educ., 2021 № 8 (1). pp. 1-26.
15. Schlesinger W., Cervera-Taulet A., Wymer W. The influence of university brand image, satisfaction, and university identification on alumni WOM intentions // J. Market. High Educ. 2021. pp. 1-19.
16. Azham N.A.A., and T.A.H.D.T. Ahmad. Brand reputation management and brand experience towards reputation of Malaysian polytechnics. Jurnal Intelek. 2020. № 15 (1). pp. 98-106.

17. Waheed A., Zhang, Q., Rashid, Y., & Zaman Khan, S. The impact of corporate social responsibility on buying tendencies from the perspective of stakeholder theory and practices. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2020. № 27(3). pp. 1307-1315.
18. Del-Castillo-Feito, C., A. Blanco-González, and E. González-Vázquez. The relationship between image and reputation in the Spanish public university. *European Research on Management and Business Economics*. 2019. № 25 (2). pp. 87-92.
19. Chandra T., L. Hafni, S. Chandra, A.A. Purwati, and J. Chandra. The influence of service quality, university image on student satisfaction and student loyalty. *Benchmarking: An International Journal*. 2019. № 26 (5). pp. 1533-1549.
20. Cunningham J.A., Lehmann E. E., Menter M., Seitz N. The impact of university focused technology transfer policies on regional innovation and entrepreneurship // *J. Technol. Tran.*, 2019. № 44 (5), pp. 1451-1475.
21. Manzoor S. R., Ho J.S.Y., Al Mahmud A. Revisiting the 'university image model' for higher education institutions' sustainability // *J. Market. High Educ.*, 2021. № 31 (2). pp. 220-239.
22. El-Kassem R. C. A structural equation model of perceived university image in Qatar: student perspective // *Int. J. Manag.*, 2020. № 11 (8). pp. 721-730.
23. Iloh C. An alternative to college «choice» models and frameworks: the Iloh model of college-going decisions and Trajectories // *Coll. Univ.*, 2019 № 94 (4). pp. 2-9.
24. Aledo-Ruiz M. D., Martínez-Caro, E., & Santos-Jaén, J. M. The influence of corporate social responsibility on students' emotional appeal in the HEIs: The mediating effect of reputation and corporate image. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2022. № 29(3). pp. 578-592. <https://doi.org/10.1002/csr.2221592ALEDO-RUIZET AL>.
25. Dursun O., & Altin Gumussoy, C. The effects of quality of services and emotional appeal on university reputation: stakeholders' view. *Quality Assurance in Education*, 2021. № 29, pp. 166-182.
26. Calitz A.P., Cullen M.D.M., Jooste C. The influence of safety and security on students' choice of university in South Africa // *J. Stud. Int. Educ.*, 2020. № 24 (2). pp. 269-285.
27. Bao W. COVID-19 and online teaching in higher education: a case study of Peking University // *Human Behav. Emerg. Technol.*, 2020. № 2 (2). pp. 113-115.
28. Liguori E., Winkler C. From offline to online: challenges and opportunities for entrepreneurship education following the COVID-19 pandemic // *Entrepreneurship Educ. Pedag.*, 2020. № 3 (4). pp. 346-351.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 29.04.2023; принята к публикации 26.05.2023.
The article was submitted on 04.04.2023; approved after reviewing 29.04.2023; accepted for publication on 26.05.2023

Научная статья
УДК 811.111
DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_45
EDN CRGLKI

Перевод политической лексики с китайской спецификой на русский язык в свете теории функциональной эквивалентности (на примере третьего тома книги «Си Цзиньпин о государственном управлении»)

Ху Гумин^{1✉}, Юань Жунцзэ²

¹Доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков Уханьского университета, г. Ухань.

²Аспирант факультета русского языка и литературы Института иностранных языков Уханьского университета, г. Ухань

¹mishahu324@aliyun.com

²202yuanmeng@163.com, <https://orcid.org/0009-0005-1219-7204>

Аннотация. Как крупнейшая развивающаяся страна, Китай привлекает все больше внимания своим быстрым экономическим развитием и политической стратегией. Книга «Си Цзиньпин о государственном управлении» посвящена последним достижениям в китаизации марксизма и является авторитетным трудом, всесторонне и систематически отражающим мысль Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху. Книга содержит большое количество лексики с китайской спецификой, которая отражает как политические явления, так и традиционную китайскую культуру. Авторы данной статьи, руководствуясь теорией функциональной эквивалентности, рассматривают тенденции перевода, принципы перевода и методы перевода политической лексики с китайской спецификой в политической литературе путем анализа соответствующих примеров из третьего тома книги «Си Цзиньпин о государственном управлении», в переводе которой участвовали лучшие переводчики из Центрального бюро по изучению литературы Китая и Бюро иностранных языков Китая. В статье приводится классификация политической лексики в книге Си Цзиньпина, рассматриваются методы перевода политической лексики с китайской спецификой на русский язык в свете теории функциональной эквивалентности: методы перевода политических терминов (буквальный перевод, буквальный перевод с добавлением), методы перевода числовой политической лексики, такой как «третий фронт», «две заботы», «три гарантии», «три строгости и три реальности», «пятиединое строительство» (перевод с комментариями, объяснительный перевод и др.), а также методы перевода культурной политической лексики, содержащей такие метафорические кон-

© Ху Гумин, Юань Жунцзэ, 2023

структы как «черный лебедь», «серый носорог», «дух Красной лодки», «тигры», «мухи», «опыт поселка Фэнцяо» и др.

Ключевые слова: теория перевода; теория функциональной эквивалентности; Си Цзиньпин; государственное управление; политическая лексика с китайской спецификой; русский перевод; числовая политическая лексика; политические термины; политические метафоры

Для цитирования: Ху Гумин Юань Жунцзэ Перевод политической лексики с китайской спецификой на русский язык в свете теории функциональной эквивалентности (на примере третьего тома книги «Си Цзиньпин о государственном управлении»). 2023. № 2 (16). С. 45-65. http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_45. <https://elibrary.ru/CRGLKI>.

PHILOLOGY

Original article

**Russian translation of political vocabulary with Chinese specificity:
functional equivalence theory (based on the book Xi Jinping:
The Governance of China (III))**

Hu Guming^{1✉}, Yuan Rongze²

¹Doctor of philological sciences, professor, Institute of foreign languages, Wuhan University, Wuhan.

²Postgraduate student at the Faculty of the Russian language and literature, Institute of foreign languages, Wuhan University, Wuhan

¹mishahu324@aliyun.com

²202yuanmeng@163.com, <https://orcid.org/0009-0005-1219-7204>

Abstract. China is the world's largest developing country, attracting more and more attention with its rapid economic development and political strategy. The book "Xi Jinping: The Governance of China" focuses on recent advances in the sinicization of Marxism and is an authoritative work that comprehensively and systematically reflects Xi Jinping's thought on socialism with Chinese specificity in the new era. The book contains a large variety of Chinese-specific vocabulary reflecting both political phenomena and traditional Chinese culture. Following the theory of functional equivalence, the authors of this article consider translation trends, translation principles, and methods of translating political vocabulary with Chinese specificity in political literature by analyzing relevant examples from the third volume of "Xi Jinping: The Governance of China", translated by top translators from China's Central bureau for studying literature and China's Bureau of foreign languages. The authors classify the political vocabulary in Xi Jinping's book, discuss the methods of translating the Chinese-specific political vocabulary into Russian in terms of the theory of functional equivalence: methods of translating political terms (literal translation, literal translation with addition), methods of translating numerical political vocabulary such as "third front", "two concerns", "three guarantees", "three austerities and three realities",

“fivefold construction” (translation with commentary, explanatory translation, etc.), as well as methods used for translating cultural political vocabulary containing such metaphorical constructs as “black swan”, “gray rhinoceros”, “Red Boat spirit”, “tigers”, “flies”, “Fengqiao village experience”, etc.

Keywords: translation theory; functional equivalence theory; Xi Jinping; The Governance of China; Chinese-specific political vocabulary; Russian translation; numerical political vocabulary; political terms; political metaphors

For citation: Hu Guming, Yuan Rongze Study of the russian translation of political vocabulary with chinese characteristics: a functional equivalence perspective – on Xi Jinping: The governance of china (III). *World of Russian-speaking countries*. 2023; 2(16):45-65. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_45. <https://elibrary.ru/CRGLKI>.

Введение

Культура выходит за границу – это и цель, и путь международной коммуникации, и это ключевой приоритет для каждой страны, чтобы повысить свой национальный коммуникационный потенциал и сформировать свой национальный имидж. Книга «Си Цзиньпин о государственном управлении» содержит большое количество лексики с китайской спецификой, которая отражает как политические явления, так и традиционную китайскую культуру. Поэтому качество перевода этих терминов непосредственно влияет на понимание международным сообществом политики Китая и его национальных особенностей, а также в значительной степени на имидж Китая, поэтому перевод лексики с китайской спецификой очень важен [鲍晓英, 2013].

Как крупнейшая развивающаяся страна, Китай привлекает все больше внимания своим быстрым экономическим развитием и политической стратегией. Под политической литературой в основном понимаются вы-

ступления руководителей партии и государства, документы партии и правительства, отчеты о работе и труды руководителей государства, а также другие политические издания, задача которых – помочь читателям, зарубежным в особенности, сформировать мировоззрение и претворить в жизнь идеи и политические установки партии и общественных организаций [科任娜, 1982, с. 249]. Третий том книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» содержит 92 доклада, выступления, беседы, речи, указания, директивы и поздравительные письма генерального секретаря Си Цзиньпина в период с 18 октября 2017 года по 13 января 2020 года, разделенные на 19 тем. Книга посвящена последним достижениям в китаизации марксизма и является авторитетным трудом, всесторонне и систематически отражающим мысль Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху.

В переводе этой книги участвовали лучшие переводчики из Центрального бюро по изучению литера-

туры Китая и Бюро иностранных языков Китая, она была переведена на китайский, английский, французский, русский, арабский, испанский, португальский, немецкий, японский и другие языки, многие версии перевода были окончательно доработаны после долгих и многократных пересмотров. Поэтому изучение этой книги послужит полезным руководством для перевода китайских характерных терминов в политических текстах в будущем.

В настоящей статье используется теория функциональной эквивалентности для анализа и обобщения русского перевода лексики с китайской спецификой, обобщаются методы перевода и даются рекомендации для будущих переводов политических текстов. Политическая лексика часто переводится методом буквального перевода. Анализ показывает, что при переводе политической лексики переводчик уделяет больше внимания точной передаче сообщения, ради чего можно пожертвовать красотой литературной формы.

С момента введения концепции динамической взаимности в 1964 году Ю. Найда продолжал добавлять и дорабатывать ее, в итоге сформировав более полную теоретическую систему. Первоначально Ю. Найда использовал термин «динамическая эквивалентность», но позже изменил его на «функциональную эквивалентность», чтобы подчеркнуть концепцию «функциональности» и избежать любого недопонимания «динамики» [Nida, 2004, с. 159].

В этой теории Ю. Найда определяет перевод как «воспроизведение информации языка оригинала на переводящем языке с помощью ближайшего естественного эквивалента, от семантики до стиля» [赵颖, 2010, с. 3]. Он определяет его как «наиболее близкий естественный эквивалент», что требует от переводчика сделать свой перевод как можно более близким к оригиналу, естественным по своему выражению и эквивалентным по своему функциональному воздействию оригиналу – «эквивалентным». Термин «сообщение» в определении перевода Ю. Найда должен включать все виды информации, передаваемой языком оригинала: семантическую, стилистическую, литературную образную, ситуативную, психологическую и т. д., а также удачные или неудачные сообщения самого произведения. Это определение также предлагает четыре критерия перевода: (1) передача сообщения; (2) передача духа и стиля оригинального произведения; (3) гладкий и естественный язык, полностью соответствующий нормам и условиям переводящего языка; (4) аналогичная реакция читателя. Между динамической эквивалентностью и формальным соответствием Ю. Найда подчеркивает динамическую эквивалентность, то есть рассмотрение перевода с точки зрения получателя (а не с точки зрения формы перевода). Под «динамической эквивалентностью» мы подразумеваем, что реакция получателя на перевод должна быть в основном такой же, как и реакция получателя

на оригинал. Ю. Найда считает, что объектом перевода является получатель, и чтобы судить о качестве перевода, нужно не только сравнить словесную форму перевода с оригиналом, но, прежде всего, посмотреть, как получатель перевода реагирует на перевод, и в то же время сравнить эту реакцию с возможной реакцией получателя оригинала на оригинал, чтобы понять, совпадают ли эти две реакции в основном [李田心, 2006, с. 64-68]. По мнению Ю. Найда, конечный критерий оценки качества перевода основан на трех аспектах: способность дать читателю (получателю) возможность правильно понять смысл оригинала, то есть «верность оригиналу»; легкость понимания; уместность формы, которая привлекает читателя (получателя) [谭载喜, 1984, с. 126]. Ю. Найда предложил концепцию «использования ближайшего естественного эквивалента», то есть «динамической эквивалентности», а позднее «функциональной эквивалентности», поскольку считал, что перевод должен служить получателю и позволять ему максимально точно понять смысл оригинала, что требует от переводчика максимально возможного использования приятной для получателя формы речи, соответствующей нормам выражения переводимого языка [张万防, 2015].

Классификация политической лексики в третьем томе книги «Си Цзиньпин о государственном управлении»

Китай – сложная страна, и многие политические слова уникальны для Китая и трудно поддаются четкому переводу. Перевод политической лексики требует от переводчика политического чутья, а также лингвистической грамотности, чтобы передать коннотации и подтекст политической лексики словами, понятными и читаемыми получателем сообщения. Поскольку третий том книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» вышел в 2020 году, политическая лексика в книге является весьма современной, а также сжатой, популярной и информативной.

Политические термины

Терминология представляет собой накопление знаний в предметной области и играет решающую роль в определении категорий внутри дисциплины и развития дисциплины. Стандартизация и унификация политической терминологии способствует внутреннему и внешнему распространению литературы центрального правительства, не только позволяя внутреннему населению понять ее и освоить, но и способствуя реализации стратегии «выхода за границу» для китайской культуры [郑述谱, 2011, с. 198].

Числовая политическая лексика

Речь генсека Си Цзиньпина проста для понимания. Политическая лексика в третьем томе книги «Си Цзиньпин о государственном управ-

лении» часто использует контрастные выражения, такие как трехсимвольные и четырехсимвольные формы, которые часто несут образы, глубоко прочувствованные и уникальные. Существует бесчисленное множество слов с цифрами, которые запоминаются, легко узнаются и впечатляют [赵欣, 2020]. Такие слова обычно являются аббревиатурами, поэтому часто используется буквальный перевод с комментариями, который сохраняет числовую форму оригинала и помогает читателю перевода понять его через примечания. Например, выражения «построить общество «сяокан» (средней зажиточности) к 100-летию КПК в 2021 году, также превращение Китая в «сильное, демократическое, цивилизованное, гармонизированное и современное социалистическое государство» к столетней годовщине со дня основания КНР в 2049 году была сокращена как «цель двухсот лет», выражения «Главных тезисов 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития Китайской Народной республики» была сокращена как «13-й пятилетний план развития (13-я пятилетка)», «тройное представительство», «одна страна, два строя», «три строгости и три реальности», «общая схема пятиединого строительства» и «четыре всесторонних аспекта» и т. д. Они в полной мере отражают принцип экономии и бережливости в терминологическом наименовании, то есть использование наиболее лаконичного языка для выражения понятий данной области знаний, с сжатой информацией и

обобщениями. В то же время такие термины часто встречаются в книге в прозаической или повторяющейся форме, что придает им дополнительную силу и убедительность.

Культурная политическая лексика

Политическая лексика с китайской культурой также в изобилии появляется в третьем томе книги «Си Цзиньпин о государственном управлении». Такая лексика яркая и образная, она вполне может приблизить читателя, одновременно глубоко и просто передавая политические понятия [肖水来, 2008, с. 129]. При переводе такой лексики переводчику необходимо внести коррективы как в содержание, так и в форму, чтобы обеспечить краткость перевода и в то же время передать глубокий смысл, чтобы у читателя перевода возникла реакция, аналогичная реакции читателя оригинала [江雨濛, 2016, с. 6]. Например, общие требования к учебно-практической деятельности, предложенные генеральным секретарем Си Цзиньпином, заключаются в том, чтобы все «посмотрели в зеркало, оправили одежду, сохраняли чистоту и избавились от болезней», с более глубоким смыслом самоочищения, самосовершенствования и самообновления; «страусиная политика» означает менталитет избегания, то есть не думать о решениях, даже если вы знаете, что проблема существует; «сеть связей и защитные зонтики»; «добрый для всех», «хороший для всех», «как трава — куда ветра подует, туда он и гнется» и т. д.

В третьем томе книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» также много культурных специализированных терминов, которые обычно богаты смыслом, представляя стоящие за собой исторические события или подразумеваемые значения, уникальные для традиционной китайской культуры. Эти слова часто называются культурными лакунами, и при переводе необходимо добавить пояснение или перефразирование, чтобы сделать их понятными для читателя перевода. Например, «опиумная война» – это агрессивная война, развязанная Великобританией против Китая в 1840-1842 годах, начало которой ознаменовало начало современной истории Китая и его вхождение в полуколониальное и полуфеодальное общество; «движение за новую культуру» было идеологическим освободительным движением против феодализма, инициированным некоторыми передовыми интеллектуалами в Китае в начале XX века, основным лозунгом которого было продвижение демократии и науки; «великая пролетарская культурная революция», известная как «Культурная революция», которая произошла с мая 1966 года по октябрь 1976 года, была гражданским беспорядком, который был неправильно начат лидерами и использован контрреволюционными группами, что привело к серьезным бедствиям для партии, страны и народов всех национальностей.

Язык – это развивающееся социальное явление, и он не может существовать отдельно от социальных

фактов. Развитие и расширение словарного запаса отражает изменения времени. Политическая лексика с китайской спецификой формируется под влиянием политических установок государства в разное время, часто появляется и быстро меняется, обладая характерными особенностями времени. Например, такие выражения генерального секретаря Си Цзиньпина, как «в борьбе с коррупцией не должно быть запретных зон, необходим полный охват и нулевая толерантность», «бить и по тиграм, и по мухам и охотиться на лис» и «помещение власти в клетку системы», стали очень популярными и востребованными выражениями в последние два года, отражая решительность правительства бороться с коррупцией. Другой пример: внешняя политика Китая изменилась с «мирного развития и взаимной выгоды» на «дипломатию великой державы с китайской спецификой»; термин «борьба с бедностью» был заменен на выражения «борьба за ликвидацию бедности» и «целевое сокращение бедности» и т. д. Изменение политической лексики отражает изменение политики. Важно отметить, однако, что периодичность словаря также относительно стабильна. Ф. де Соссюр, говоря о неизменности языковых знаков, указывает на то, что природа языковых систем слишком сложна, чтобы массы могли изменить язык, и что коллективная инерция инертна ко всем языковым инновациям [费尔德南·德·索绪尔著, 2009]. Таким образом, политическая лексика, хотя и являет-

ся продуктом своего времени, на определенном этапе стабильна и неизменна.

Подводя итог, можно сказать, что сильная обобщенность, актуальность, уникальность и сильные культурные коннотации являются более заметными чертами политической лексики с китайской спецификой [张鑫鹏, 2021]. Политические термины часто имеют специфические значения в более широком китайском контексте, и при переводе необходимо учитывать как уровень понимания читателя перевода, так и необходимость сохранить как можно больше формы оригинала. При переводе следует воспринимать политику как предпосылку, понимать цель партии и правительства как отправителя сообщения, предпочитать буквальный перевод, когда это возможно, и следить за тем, чтобы перевод точно и уместно передавал политическое сообщение.

Метод перевода политической лексики с китайской спецификой на русский язык в свете теории функциональной эквивалентности

Метод перевода политических терминов

Политические термины с китайской спецификой в основном относятся к политике партии и правительства, реформам, системам, стратегиям и новым вещам и явлениям, возникшим в политической сфере Китая, и носят более объективный характер. В связи с тем, что термины в основном передают актуальную

политическую информацию и делают акцент на рассуждениях, а не на эмоциях, поэтому большинство политических терминов часто переводится буквальным переводом. Буквальный перевод воспроизводит образ оригинала и сохраняет политические и культурные особенности нашей страны. Буквальный перевод повышает живость переводящего языка и приятен для иностранной аудитории.

Буквальный перевод

Пример 1: 社会主义核心价值观和中华优秀传统文化广泛弘扬, 群众性精神文明创建活动扎实开展。(习近平. 习近平谈治国理政(第三卷) [M]. 北京: 外文出版社, 2020. 4) [习近平, 2020, с. 6]

Перевод: Получили широкое распространение основные ценности социализма и лучшие достижения китайской традиционной культуры, основательнее разворачивались массовые мероприятия, нацеленные на развитие духовной культуры (здесь и далее приведены цитаты из книги «Си Цзиньпин о государственном управлении». Том III. КНР, Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2020 [Си Цзиньпин, 2020, с. 4]).

Здесь принят буквальный перевод «основные социалистические ценности», причем «основные ценности», в русском языке корень «основные» – основ, а слово «основа» означает «скелет, главный, фундаментальный, основание» (указывая на то, что что-то является самым

важным элементом). Словосочетание «основные ценности» переводится здесь как ценность, то есть «ценность, значение, сокровище», что не только точно отражает важность основных социалистических ценностей, но и соответствует русским выражениям, а содержание и форма соответствуют теории функциональной эквивалентности.

Пример 2: —70 年来, 我们始终着眼于中华民族整体利益和长远利益, 坚定维护国家主权和领土完整, 团结全体中华儿女, 坚决挫败各种制造“两个中国”、“一中一台”、“台湾独立”的图谋, 取得一系列反“台独”、反分裂斗争的重大胜利。 [习近平, 2020, с. 405]

Перевод: – За 70 лет мы, всегда исходя из общих и долгосрочных интересов китайской нации, неуклонно защищаем государственный суверенитет и целостность территории, объединяем всех сыновей и дочерей китайской нации, с твердостью разрушаем – замыслы «два Китая», «один Китай, один Тайвань» и «независимость Тайваня», и одержали ряд больших побед в борьбе против «независимости Тайваня» и сепаратизма [Си Цзиньпин, 2020, с. 600]

«Независимость Тайваня» – это политическое понятие, которое относится к политическому движению, стремящемуся к официальному международному признанию Тайваня как независимой, суверенной страны и выступающее против объединения Китая. В третьем томе книги «Си Цзиньпин о государственном управ-

лении» это переводится методом буквального перевода, в словаре русского языка «независимость» обычно сочетается со словом «государственная», государственная независимость означает политическую самостоятельность, суверенитет, отсутствие подчиненности и зависимости нации, народа, государства или страны. Выражение «независимость Тайваня» закрепилось в русском языке и принята россиянами. Поэтому использование буквального перевода соответствует теории функциональной эквивалентности.

Буквальный перевод плюс добавление

Пример 3: 要坚持人与自然和谐共生, 推动国际社会全面落实《巴黎协定》, 加快构筑尊崇自然、绿色发展的生态体系。 [习近平, 2020, с. 447]

Перевод: Мы должны придерживаться гармоничного сосуществования человека и природы, стимулировать международное сообщество на всестороннюю реализацию Парижского соглашения по климату, ускорять строительство экологической системы, которая ориентирована на уважение к природе и на «зеленое» развитие [Си Цзиньпин, 2020, с. 660].

Парижское соглашение по климату – это соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, регулирующее меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 года. Соглашение было подготовлено взамен Киотского протокола в ходе Конференции по климату в Париже и принято консенсусом 12 декабря

2015 года, а подписано 22 апреля 2016 года. Это слово не китайского происхождения, поэтому в русском языке оно имеет фиксированное выражение. В китайском языке существует только одно фиксированное выражение “巴黎协定”, в то время как в русском языке, Парижское соглашение, часто называемое Парижскими соглашениями по климату или Парижскими климатическими соглашениями, добавлено значение «климат», то есть здесь используется буквальный перевод плюс добавление. Переводчик этой книги выбрал наиболее часто употребляемое выражение, а именно Парижскими соглашениями по климату, чтобы читатель перевода мог точно и быстро понять информацию в оригинальном тексте в соответствии с теорией функциональной эквивалентности.

Пример 4: 创新驱动发展战略大力实施, 创新型国家建设成果丰硕, 天宫、蛟龙、天眼、悟空、墨子、大飞机等重大科技成果相继问世。[习近平, 2020, с. 3].

Перевод: Активно реализовывалась стратегия стимулирования развития за счет инноваций, огромное успехи были отмечены в работе над созданием государства инновационного типа, в частности, один за другим были достигнуты важнейшие результаты научно-технической деятельности, такие как космические лаборатории серии «Тяньгун», батискаф «Цзяолун», радиотелескоп «Тяньянь», спутник для зондирования частиц темной материи «Укун», экспериментальный спутник кванто-

вой связи «Моцзы», широкофюзеляжные самолеты и т. д. [Си Цзиньпин, 2020].

Здесь использован метод «буквальный перевод плюс добавление», и термины «космические лаборатории серии «Тяньгун», батискаф «Цзяолун», радиотелескоп «Тяньянь», спутник для зондирования частиц темной материи «Укун», экспериментальный спутник квантовой связи «Моцзы», – это не только названия наших научно-технических достижений, но и термины, взятые из китайской классической культуры, глубокий смысл которых можно понять с первого взгляда. Например, «Тяньгун» является космической лабораторией нашей страны, а его название происходит из китайской мифологии. «Тяньгун», также известный как небесный дворец, чертоги небожителей, – это дворец, в котором проживает император Небес. Названия наших достижений космической науки и техники взяты из китайских мифов и легенд, отражающих стремление китайского народа к небу на протяжении тысячелетий. Такое глубокое культурное наследие трудно перевести. Поэтому при переводе названия переводчик выбирает метод транскрипции, который в наибольшей степени сохраняет культурные особенности китайского языка и может вызвать интерес читателей переводного текста к китайской культуре, однако, используя только фонетические названия, читатель перевода легко запутается. Поэтому переводчик добавил после фонетического перевода существительное,

которое способствует легкому пониманию читателем перевода при сохранении китайских особенностей, то есть переводчик достиг как верности оригинальному тексту, так и легкости понимания, следуя теории функциональной эквивалентности.

Большое количество политической терминологии с китайской спецификой, относящейся к различным областям терминов, уже имеют фиксированные выражения в русском языке, поэтому часто используется метод «буквальный перевод», соответствующий языку перевода. Например, в области экономических систем: реформа финансовой налоговой и банковской системы (财税金融体制改革), финансовая система трансфертных платежей (财政转移支付制度); в области министерства внутренних дел и дипломатия: принцип одного Китая (一个中国原则), одна страна, два строя (一国两制), пять принципов мирного сосуществования (和平共处五项原则), независимая, самостоятельная и мирная внешняя политика (独立、自主、和平的外交政策); в области правовой системы: верховенство закона в государственном управлении (依法治国); в области охраны окружающей среды: основная госполитика экономики ресурсов и охраны окружающей среды (节约资源和保护环境基本国策) и т. д.

Метод перевода

числовой политической лексики

Числовая политическая лексика является особенностью китайского

языка и обычно используется для того, чтобы язык говорящего был кратким и понятным с первого взгляда, например:

*Буквальный перевод
с комментариями*

Пример 5: 后来, 毛泽东同志在《论十大关系》中提出正确处理沿海工业和内地工业的关系, 20 世纪 60 年代中期开展“三线”建设。[习近平, 2020, с. 269].

“三线”, 指三线地区。20 世纪 60 年代初期, 中共中央和毛泽东提出从战备需要出发, 根据战略位置的不同, 将我国各地区分为一、二、三线。三线地区泛指全国的战略大后方。[习近平, 2020, с. 275].

Перевод: Затем, товарищ Мао Цзэдун в выступлении «О десяти важнейших взаимоотношениях» выдвинул правильное регулирование отношений промышленности в приморских и внутренних районах, и в середине 60-х гг. XX века в стране развернулось строительство «Третьего фронта» [Си Цзиньпин, 2020, с. 407].

«Третий фронт»: это районы третьего фронта. В начальный период 60-х гг. прошлого века ЦК КПК и Мао Цзэдун выдвинули идею о делении всех районов страны на первый, второй и третий фронты, исходя из потребностей в боевой готовности и в соответствии с различными стратегическими положениями. Район третьего фронта обозначает глубокие стратегические тылы всей страны [Си Цзиньпин, 2020].

Движение Третьего фронта было масштабным промышленным развитием Китая в его внутренних районах, начиная с 1964 года, происходившим на фоне китайско-советского конфликта и американского наступления на юго-восточное побережье Китая. Термин «строительство третьей линии» не появлялся в газетах до 1980-х годов, потому что это было связано с секретностью. Современные молодые люди, скорее всего, даже не слышали о нем, если они не занимаются соответствующими исследованиями. Чтобы читатели хорошо поняли это выражение, переводчик использовал буквальный перевод с комментариями «Третьего фронта» и добавил в примечание соответствующую справочную информацию. Это обеспечивает формальное соответствие и точно передает смысл оригинального текста в соответствии с теорией функциональной эквивалентности.

Пример 6: 党中央反复强调，脱贫攻坚期内，扶贫标准就是稳定实现贫困人口“两不愁三保障”、贫困地区基本公共服务领域主要指标接近全国平均水平。[习近平，2020，с. 155].

“两不愁三保障”，指不愁吃、不愁穿，义务教育、基本医疗和住房安全有保障。[习近平，2020，с. 158].

Перевод: ЦК партии неоднократно подчеркивал, что в период выполнения сложнейшей работы по ликвидации бедности основные критерии работы заключаются в том, чтобы стабильно реализовывать цель устранения «двух забот» и осу-

ществления «трех гарантий», а также в том, чтобы главные показатели в сфере основных общественных услуг в бедных районах приблизились к среднему уровню всей страны [Си Цзиньпин, 2020, с. 229].

Устранение «двух забот» и осуществление «трех гарантий»: освобождение от забот о пище и одежде, обеспечение обязательным образованием, основным медицинским обслуживанием и безопасным жильем [Си Цзиньпин, 2020, с. 236].

Устранение «двух забот» и осуществление «трех гарантий» – это основные требования и ключевые показатели для выхода сельской бедноты из бедности. Устранение «двух забот» означает, что сельская беднота не будет беспокоиться о еде и одежде; осуществление «трех гарантий» означает, что им будет гарантировано обязательное образование, базовое медицинское обслуживание и безопасность жилья. Переводчик перевел их прямо как «двух забот» и «трех гарантий», добавив отглагольное существительное перед каждым выражением в предложении, чтобы сделать предложение гладким и в то же время соответствовать оригиналу по форме. Для уточнения устранение «двух забот» и осуществление «трех гарантий» переводчик добавил комментарии, дополняющие справочную информацию, которой не хватает читателю перевода, чтобы он мог понять содержание оригинала, что соответствует теории функциональной эквивалентности.

Пример 7: 坚持照镜子、正衣冠、洗洗澡、治治病的要求，开展党

的群众路线教育实践活动和“三严三实”专题教育。[习近平, 2020, с. 6].

Перевод: Стоя на позиции, сохраняя задаваемое требование «посмотри в зеркало, оправь одежду, сохраняй чистоту и избавься от болезней», были развернуты практические мероприятия по воспитанию в духе партийной линии масс и специальные воспитательные мероприятия «три строгости и три реальности» – строгое самосовершенствование, строгое употребление власти и строгая самодисциплина, честность в планировании дела, честность в созидательной работе и честность в отношениях с людьми [Си Цзиньпин, 2020, с. 10]

В оригинальном тексте выражение «три строгости и три реальности» относится к необходимости для руководителей и кадров на всех уровнях развивать и продвигать передовой опыт. Это типичная числовая политическая лексика с китайской спецификой. В переводе выражение “三严三实” прямо переведено как «три строгости и три реальности», что формально соответствует оригинальному тексту, указывая на то, что перевод «верен оригинальному тексту». Конечно, буквальный перевод «три строгости и три реальности» обеспечил бы формальную эквивалентность, но вызвал бы путаницу у читателя перевода, поэтому в тексте добавляется подробное толкование концепции «три строгости и три реальности»: «строгое самосовершенствование, строгое употребление власти и строгая самодисциплина, честность в планировании

дела, честность в созидательной работе и честность в отношениях с людьми». Стоит отметить, что переводчик подробно останавливается на понятиях «три строгости и три реальности» только тогда, когда они впервые появляются в этой книге, во всех остальных главах они прямо переведены как «три строгости и три реальности». Таким образом, в целом перевод достигает как формальной, так и содержательной эквивалентности, сохраняя стиль выражения языка оригинала и позволяя русскоязычному читателю понять смысл оригинала, что свидетельствует о том, что перевод следует теории функциональной эквивалентности.

Пример 8: 五年来, 我们统筹推进“五位一体”总体布局、协调推进“四个全面”战略布局。[习近平, 2020, с. 2].

Перевод: За истекшее пятилетие мы на основе единого планирования внедряли общую схему пятиединого строительства, согласованно осуществляли стратегическую концепцию «четырёх всесторонних аспектов» [Си Цзиньпин, 2020, с. 3].

«Общая схема пятиединого строительства» – это общая схема построения социализма с китайской спецификой, включающая экономическое строительство, политическое строительство, культурное строительство, социальное строительство и строительство экологической цивилизации. В переводе звучит как «общая схема пятиединого строительства», но такой буквальный перевод может вызвать проблемы у читателей с недостаточным уровнем

знаний, поэтому к переводу было добавлено примечание для дальнейшего разъяснения «общая схема построения социализма с китайской спецификой, включающая экономическое, политическое, культурное, социальное и экоцивилизационное строительство».

Четыре всеобъемлющих принципа, относящиеся к стратегическому плану социалистического дела с китайской спецификой, включают всестороннее построение среднезажиточного общества, всестороннее углубление реформ, всестороннее обеспечение законности в государственном управлении и всестороннее ужесточение внутрипартийного управления. В данном переводе используется буквальный перевод с комментариями, во-первых, для достижения формальной эквивалентности, и в то же время, чтобы минимизировать языковые и культурные барьеры и сохранить понимание китайской характерной лексики читателем перевода в соответствии с пониманием читателя оригинала, переводчик добавляет комментарии, чтобы русский читатель смог полностью понять смысл перевода. Таким образом, перевод следует теории функциональной эквивалентности и достигает хорошего результата.

Объяснительный перевод

Пример 9: 由此可见，乡村振兴是包括产业振兴、人才振兴、文化振兴、生态振兴、组织振兴的全面振兴，是“五位一体”总体布局、“四个全面”战略布局在“三农”工作的体现。[习近平, 2020, с. 259].

Перевод: Отсюда видно, что подъем села – это всесторонний подъем, включающий в себя возрождение производства, кадров, культуры, экологии и организации, это конкретное воплощение общей схемы «пятиединого» строительства и стратегической концепции «четырех всесторонних аспектов» в работе, касающейся сельского хозяйства, села и крестьянства [Си Цзиньпин, 2020, с. 389].

“三农” относятся к сельскому хозяйству, селу и крестьянству. Является жизненно важной отраслью в Китае, в которой заняты более 300 млн фермеров. Китай занимает первое место в мире по сельскохозяйственному производству. Словосочетание “三农” глубоко отражает то значение, которое государство и правительство придают сельскому хозяйству, и ряд политических мер. Здесь переводчик выбрал объяснительный перевод, интерпретируя “三农” как сельское хозяйство, село и крестьянство, чтобы читатель перевода мог быстро понять его смысл, в соответствии с теорией функциональной эквивалентности.

Пример 10: ——70年来，我们顺应两岸同胞共同愿望，推动打破两岸隔绝状态，实现全面直接双向“三通”，开启两岸同胞大交流大交往大合作局面，两岸交流合作日益广泛，相互往来日益密切，彼此心灵日益契合。[习近平, 2020, с. 404].

Перевод: – За 70 лет мы, действуя по общей воле соотечественников обоих берегов Тайваньского пролива, содействовали прекраще-

нию разобщения между двумя берегами, всесторонне наладили прямые двусторонние почтовые, транспортные и торговые связи между двумя берегами, создали новую ситуацию углубленных обменов, тесных связей и расширенного сотрудничества между соотечественниками двух берегов [Си Цзиньпин, 2020, с. 599].

“三通” означает прямые двусторонние почтовые, транспортные и торговые связи между двумя берегами. Такие обобщенные термины очень распространены в китайском языке, и в оригинальном контексте, поскольку этот термин еще не был объяснен, буквальный перевод прямого значения может вызвать замешательство у читателей на другом языке, не понимающих китайский контекст, и создать барьеры для понимания. Поэтому переводчик принял метод объяснительного перевода, дав конкретное объяснение термина в переводе, переведя его как «прямые двусторонние почтовые, транспортные и торговые связи между двумя берегами», что, отбрасывая форму оригинала, добавляет недостающую информацию и позволяет читателю легче понять смысл перевода. Это соответствует теории функциональной эквивалентности.

Буквальный перевод плюс сбавление

Пример 11: 我们秉持“两岸一家亲”的理念，尊重台湾现有的社会制度和台湾同胞生活方式，愿意率先同台湾同胞分享大陆发展的机遇。 [习近平, 2020, с. 44].

Перевод: Руководствуясь концепцией «два берега – одна семья», мы уважаем существующий общественный строй Тайваня и образ жизни тайваньских соотечественников, готовы делиться с ними шансы, принесенные развитием материкового Китая [Си Цзиньпин, 2020, с. 76].

В китайском языке слово “两岸” означает землю по обе стороны водного потока, но с развитием времени слово “两岸” теперь относится конкретно к двум сторонам Тайваньского пролива; слово “一家亲” также является уникальным выражением в китайском языке. Перевод оригинального текста как «два берега – одна семья» – здесь употребляется буквальный перевод плюс сбавление, поскольку в контексте несколько раз упоминаются две стороны Тайваньского пролива. В переводе не приводится подробное изложение смысла двух сторон Тайваньского пролива и опущен перевод слова “亲”, что свидетельствует о том, что перевод следует принципу функциональной эквивалентности. Переводчик отбросил части оригинального текста, чтобы читателю было легче понять смысл перевода, который соответствует смыслу оригинального текста, и это является отражением теории функциональной эквивалентности.

Вот еще примеры аналогичных числовых политических выражений: «Договоренности 1992 года (九二共识)», «Учеба и действия (两学一做)», «Четыре основных принципа (四项基本原则)», «трехшаговая стратегическая цель (三步走)», «четыре со-

знания (四个意识)», «четыре уверенности (四个自信)», «три собрания и один урок (三会一课)», «четыре вредных поветрия (四风)» и т. д. Большинство этих терминов являются аббревиатурами, и буквальный перевод был бы труден для понимания читателем, хотя оригинальная форма была бы сохранена лучше; если используется вольный перевод, читатель легче поймет перевод, но оригинальная форма будет утрачена, и функциональная эквивалентность не будет достигнута. Поэтому все числовые политические слова переводятся с помощью буквального перевода с комментариями или объяснительного перевода, что позволяет читателю перевода точно понять содержание оригинального текста при сохранении его формы, что отвечает основному требованию функциональной эквивалентности.

Метод перевода культурной политической лексики

История китайской культуры насчитывает более 5 000 лет и настолько глубока, что ораторы часто используют культурные явления или аллюзии, чтобы говорить о политике в запоминающейся и понятной форме, например:

Буквальный перевод

Пример 12: 面对波谲云诡的国际形势、复杂敏感的周边环境、艰巨繁重的改革发展稳定任务，我们必须始终保持高度警惕，既要高度警惕“黑天鹅”事件，也要防范“灰犀牛”事件；既要有防范风险的先手，也要有应对和化解风险挑战的高招；

既要打好防范和抵御风险的有准备之战，也要打好化险为夷、转危为机的战略主动战。[习近平，2020，с. 220].

Перевод: Мы должны постоянно сохранять высокую бдительность, то есть как относиться к событиям типа «Черный лебедь» с повышенной бдительностью, так и предотвращать появление «серых носорогов», уметь не только заблаговременно вырабатывать эффективные меры предосторожности, но и своевременно составлять превосходные планы по реагированию на риски и вызовы и их устранению, не только достаточно подготовлено вести борьбу по предотвращению рисков и противостоянию им, но и качественно вести стратегически активный бой, который сможет менять общую ситуацию к лучшему [Си Цзиньпин, 2020, с. 326].

Понятие события «Черный Лебедь» (“Black swan” incidents) ввел в обращение математик и экономист Нассим Николас Талеб. Это событие, которое изначально кажется редким и труднопрогнозируемым, а задним числом представляется вполне логичным. Понятие появления «серых носорогов» (The Gray Rhino) придумала Мишель Вукер (Michele Wucker) – экономист и специалист по рискам. Появление «серых носорогов» – это очевидное, высоковероятное, но неоднократно упускаемое из виду событие, которое потенциально может закончиться крупным кризисом. Эти два понятия не китайского происхождения, а смысл, который они подразумевают, унифици-

рован на международном уровне, поэтому переводчик выбрал метод буквального перевода, который сохраняет оригинальную форму и не вызывает трудностей в понимании у читателей перевода. Поэтому он соответствует теории функциональной эквивалентности.

Пример 13: 在浙江工作期间, 我曾经把“红船精神”概括为开天辟地、敢为人先的首创精神, 坚定理想、百折不挠的奋斗精神, 立党为公、忠诚为民的奉献精神。[习近平, 2020, с. 498].

Перевод: В ходе работы в провинции Чжэцзян я обобщал «Дух Красной лодки» как инициативы и стремления сотворить мир и смелости быть первопроходцем, это целеустремленный и непоколебимый дух борьбы, а также дух самопожертвования и самоотдачи, с которым партия создана на общее благо и находится у власти во имя народа [Си Цзиньпин, 2020, с. 732].

Историческое решение о создании КПК было принято на борту «красной лодки» (так называли речные и озерные лодки определенного типа в этом регионе Китая), плывущей по местному озеру Наньху. Именно здесь зародился «дух Красной лодки». Дух Красной лодки – один из красных революционных духов. Поскольку фраза является объяснением понятия «дух Красной лодки», переводчик использовал буквальный перевод. «Красная лодка» может создать визуальное и живописное понимание для читателя перевода, позволяя ему мысленно представить, как это было, когда

Коммунистическая партия заседала на лодке. Буквальный перевод вызывает у читателя переводного текста такую же реакцию, как и у читателя оригинала, и поэтому соответствует теории функциональной эквивалентности.

Пример 14: 1980年, 邓小平同志在总结“文化大革命”的教训时就指出: “领导制度、组织制度问题更带有根本性、全局性、稳定性和长期性。”[习近平, 2020, с. 136].

Перевод: В 1980 году товарищ Дэн Сяопин, обобщив уроки «Культурной революции», сказал: «Система руководства и система организации имеют более коренное и всеобщее значение, носят устойчивый и длительный характер» [Си Цзиньпин, 2020, с. 165]. «Культурная революция» – это политическое событие, произошедшее в нашей стране в период с 1966 по 1976 год. Здесь оно переводится как «культурная революция», то есть культурная, цивилизованная. Этот способ перевода точно передает смысл оригинала и эффективно передает политический характер слова.

Пример 15: 要继续坚持“老虎”、“苍蝇”一起打, 重点查处不收敛不收手的违纪违法问题。[习近平, 2020, с. 548].

Перевод: Надо продолжать упорную борьбу и против «тигров» и против «мух» и сосредоточить внимание на расследовании и наказании за несдержанное и непрекращающееся нарушение дисциплины и закона [Си Цзиньпин, 2020, с. 813].

Слово «тигр» в оригинальном тексте относится к «коррупцированным людям на высоких и влиятельных должностях», а «муха» – к «коррупцированным людям на низких должностях». Это означает, что «мы полны решимости расследовать и рассматривать дела о дисциплинарных нарушениях, совершенных ведущими кадрами, а также эффективно решать проблемы вредных поветрий и коррупции, которые происходят вокруг масс». В переводе слова «老虎» и «苍蝇» переведены прямо, то есть «тигр» и «муха», а выражение «били и по тиграм, и по мухам и охотились на лис (打虎、拍蝇、猎狐)» используется как буквальный перевод, который сохраняет оригинальный вкус китайского языка и в то же время удовлетворяет любопытство иностранной аудитории, так что читатели оригинального текста и читатели перевода будут реагировать одинаково. Это передает смысл оригинального произведения, сохраняя форму оригинала в соответствии с теорией функциональной эквивалентности.

*Буквальный перевод
с комментариями*

Пример 18: 要推进社会治理现代化, 坚持和发展“枫桥经验”, 健全平安建设社会协同机制, 从源头上提升维护社会稳定能力和水平。[习近平, 2020, с. 222].

20 世纪 60 年代初, 浙江诸暨枫桥干部群众创造了“发动和依靠群众, 坚持矛盾不上交, 就地解决, 实现捕人少, 治安好”的“枫桥经验”。

此后, “枫桥经验”在实践中不断丰富发展, 特别是中共十八大以来形成了特色鲜明的新时代“枫桥经验”。其内涵是, 坚持和贯彻党的群众路线, 在党的领导下, 充分发动群众、组织群众、依靠群众解决群众自己的事情, 做到“小事不出村、大事不出镇、矛盾不上交”。[习近平, 2020, с. 224].

Перевод: Необходимо продвигать модернизацию социального управления, отстаивать и развивать «опыт поселка Фэнцзяо», оздоравливать механизм координации действий заинтересованных сторон общества по созданию «спокойного» государства и принципиальным образом повышать способность и уровень обеспечения социальной стабильности [Си Цзиньпин, 2020, с. 330].

Опыт поселка Фэнцзяо: В начале 1960-х гг. кадровые работники и народные массы поселка Фэнцзяо г. Чжуцзи пров. Чжэцзян сформулировали фэнцзяоский опыт, включающий следующие моменты: «мобилизовать народные массы, опираться на них, придерживаться разрешения противоречий на месте, не передавая вышестоящим инстанциям, поддерживать хороший общественный порядок при малом количестве арестованных» [Си Цзиньпин, 2020, с. 333]. Впоследствии такой «опыт поселка Фэнцзяо» непрерывно обогащался и развивался на практике, особенно со времени XVIII съезда КПК сформировался в яркую особенность новой эпохи. Его смысл заключается в необходимости отстаивать и претворять в жизнь партийную линию масс,

под руководством партии как следует мобилизовывать и организовывать народные массы, так и разрешать дела народа, опираясь на их силы, добиваясь того, чтобы «маленькие дела не выходили из деревни, большие дела – из поселка, а противоречия не передавались вышестоящим инстанциям» [Си Цзиньпин, 2020, с. 333].

В отличие от аббревиатур “三农” и “三通”, “Фэнцяо” – это название местности, и «опыт поселка Фэнцяо» содержит богатую историческую и политическую информацию, включая историческое происхождение, основной дух, две ключевые точки, наследие и развитие «опыт поселка Фэнцяо» и т. д. Эту информацию невозможно объяснить в тексте с помощью выражений или предложений, поэтому переводчик использовал буквальный перевод с комментариями, чтобы кратко объяснить «опыт поселка Фэнцяо» в примечаниях. Это позволяет сохранить красоту оригинального текста и облегчить чтение и понимание текста читателем перевода в соответствии с теорией функциональной эквивалентности.

Заключение

В данной статье в качестве теоретической основы используется теория функциональной эквивалентности Ю. Найды, затем дается классификация политической лексики, встречающейся в третьем томе книги «Си Цзиньпин о государственном управлении», и подводятся итоги исследования метода перевода книги

на русский язык на основе анализа примеров.

Произведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

(1) Перевод политических терминов обычно осуществляется методом буквального перевода. Буквальный перевод требует отсутствия культурного барьера для понимания между исходным и переводным языками, а также полной и точной передачи основных семантических понятий на переводящий язык.

(2) Буквальный перевод с комментариями является основным методом перевода политической лексики с китайской спецификой, но он встречается реже и в основном используется для перевода политических терминов, поэтому политические термины с фиксированными выражениями обычно переводятся методом буквального перевода; числовая политическая лексика обычно является аббревиатурой, так как часто используется метод буквального перевода с комментариями для того, чтобы читатель перевода мог точно понять содержание, сохраняя при этом форму оригинала; культурная политическая лексика часто содержит исторические аллюзии или другую информацию и поэтому часто переводятся методом буквального перевода или методом буквального перевода с комментариями.

Третий том книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» в качестве политического эссе, является более строгим, чем другие книги, и анализ предыдущих примеров показывает, что наиболее используе-

мый переводчиками метод перевода – буквальный перевод, а наименее используемый – буквальный перевод плюс сбавление. Таким образом, перевод может адекватно передать смысл и достичь максимальной формальной эквивалентности,

учитывая при этом языковые привычки и чувства читателя. Поэтому можно сказать, что теория функциональной эквивалентности является руководством к переводу книги «Си Цзиньпин о государственном управлении».

Библиографический список

1. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении [М] . Том III. КНР, Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2020.
2. Nida, Eugene Albert. The theory and practice of translation. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2004.
3. Nida, Eugene Albert. Language and culture: contexts in translating. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2001.
4. Nida, Eugene Albert. Toward a science of translating. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2004.
5. Nida, Eugene A., and Charles R. Taber. The Theory and Practice of Translation, With Special Reference to Bible Translating. Leiden: Brill. 1969.
6. 鲍晓英, 中国文化“走出去”之译介模式探索——中圆外文局副局长兼总编辑黄友义访谈录, 《中国翻译》2013 (5): 62-65
7. 江雨濛. 《习近平谈治国理政》中国特色用语的俄译策略研究[D]. 北京外国语大学, 2016.
8. 科任娜. 俄语功能修辞学. 外语教学与研究出版社. 1982. 249.
9. 李田心. 关于奈达翻译标准的涵义及翻译. 外语与翻译 13.1 (2006): 64-68.
10. 刘颖. 奈达的功能对等理论在政论文翻译中的应用——以 2014 年《习近平谈治国理政》为例[J]. 文教资料, 2016(33):32-33.
11. 司显柱, 曾剑平. 对外政治话语翻译: 原则、策略、成效——以《习近平谈治国理政》的英译为例[J]. 上海翻译, 2021(02):18-24.
12. 索绪尔. 普通语言学教程[M]. 高名凯译. 北京: 商务印书馆, 2009: 103-104.
13. 谭载喜. 奈达论翻译[M]. 北京: 中国对外翻译出版社, 1984, 126.
14. 习近平. 习近平谈治国理政(第三卷) [M] . 北京: 外文出版社, 2020.
15. 肖水来. 政治文献中中国特色词汇的翻译[J]. 湖北社会科学, 2008(10): 129-132.
16. 张万防. 翻译理论与实践简明教程[M]. 武汉: 华中科技大学出版社, 2015, 28-29.
17. 张鑫鹏. 文化翻译观视阈下的中国特色词汇英译研究——以 2018-2020 年政府工作报告英译为例[D]. 吉林: 吉林大学, 2021.
18. 郑述谱. 当代中国俄语名家学术文库 郑述谱集[M]. 哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2011, 198.
19. 赵欣. 《习近平谈治国理政》中汉语四字格俄译研究[D]. 哈尔滨: 黑龙江大学, 2020.
20. 赵颖. 《当代西方翻译理论导读》[M]. 成都: 西南交通大学出版社, 2010, 3.

21. 庄绎传. 程镇球——翻译政治文献的老专家[J].中国翻译,1995(04): 42-43.

Reference list

1. Si Czin'pin. Si Czin'pin o gosudarstvennom upravlenii = Xi Jinping. Xi Jinping. The Governance of China[M]. Tom III. KNR, Pekin : Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah, 2020.
2. Nida, Eugene Albert. The theory and practice of translation. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2004.
3. Nida, Eugene Albert. Language and culture: contexts in translating. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2001.
4. Nida, Eugene Albert. Toward a science of translating. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2004.
5. Nida, Eugene A., and Charles R. Taber. The Theory and Practice of Translation, With Special Reference to Bible Translating. Leiden: Brill. 1969.
6. 鲍晓英, 中国文化“走出去”之译介模式探索——中圆外文局副局长兼总编辑黄友义访谈录, 《中国翻译》2013 (5); 62-65
7. 江雨濛. 《习近平谈治国理政》中国特色用语的俄译策略研究[D]. 北京外国语大学, 2016.
8. 科任娜. 俄语功能修辞学. 外语教学与研究出版社. 1982. 249.
9. 李田心. 关于奈达翻译标准的涵义及翻译. 外语与翻译 13.1 (2006): 64-68.
10. 刘颖. 奈达的功能对等理论在政论文翻译中的应用——以 2014 年《习近平谈治国理政》为例[J].文教资料,2016(33):32-33.
11. 司显柱,曾剑平.对外政治话语翻译:原则、策略、成效——以《习近平谈治国理政》的英译为例[J].上海翻译,2021(02):18-24.
12. 索绪尔. 普通语言学教程[M]. 高名凯译. 北京: 商务印书馆, 2009: 103-104.
13. 谭载喜. 奈达论翻译[M]. 北京: 中国对外翻译出版社, 1984, 126.
14. 习近平. 习近平谈治国理政(第三卷) [M]. 北京: 外文出版社, 2020.
15. 肖水来. 政治文献中中国特色词汇的翻译[J]. 湖北社会科学, 2008(10): 129-132.
16. 张万防. 翻译理论与实践简明教程[M]. 武汉: 华中科技大学出版社, 2015, 28-29.
17. 张鑫鹏. 文化翻译观视阈下的中国特色词汇英译研究——以 2018-2020 年政府工作报告英译为例[D]. 吉林: 吉林大学, 2021.
18. 郑述谱. 当代中国俄语名家学术文库 郑述谱集[M]. 哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2011, 198.
19. 赵欣. 《习近平谈治国理政》中汉语四字格俄译研究[D]. 哈尔滨: 黑龙江大学, 2020.
20. 赵颖. 《当代西方翻译理论导读》[M]. 成都: 西南交通大学出版社, 2010, 3.
21. 庄绎传. 程镇球——翻译政治文献的老专家[J].中国翻译,1995(04): 42-43.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted on 30.03.2023; approved after reviewing 03.05.2023; accepted for publication on 26.05.2023

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_66
EDN FNHGDY

**Образ Родины как константа русской этнической картины мира
(историко-литературный контекст)**

Анна Анатольевна Забияко^{1✉}, Фэн Ишань²

¹Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры, Амурский государственный университет, г. Благовещенск.

²Ассистент кафедры русского языка, Чаньчунский университет, КНР, провинция Цзилинь, г. Чанчунь

¹a.a.scienca@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²1024495050@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-5823-1889>

Аннотация. В статье представлен лексико-семантический, историко-философский, литературоведческий анализ истории формирования представлений о родине в русской этнической картине мира. Авторы исследуют истоки зарождения представлений о родине в русском сознании, его связи с идеей обильности, чадородия, матери, рождающей и непорочной, земли предков (отечества), родной земли, Русской земли, противостоящей чужому пространству. Аргументацией культурно-исторических разысканий выступают данные языка, фольклора, древнерусской литературы и литературы XVIII–XX вв.

Образ Родины в лирическом сознании в наиболее сгущенной форме отражает народные надежды и чаяния в определенный социально-культурный период развития. Авторы обращаются к творчеству В. Тредиаковского, Г. Державина, Е. Баратынского, М. Лермонтова, Ф. Тютчева и поэтов «серебряного века» (А. Блока, А. Белого, А. Ахматовой). Контекст русской лирики XVIII–XX вв. позволяет сделать выводы о том, что архетипические основы представлений о родине наиболее интенсивно проявляются в ситуации «вне родины», утраты родной земли либо грозящей России внешней опасности. Парадоксальным представляется «случай» Анны Ахматовой – ее чувство Родины выдержало все испытания, перенесенные поэтессой, отразив глубинные основания народных представлений о Родине-матери, родной земле, об Отчизне и чужбине. Религиозные коннотации в представлениях о Родине воплощаются в ранней лирике Ахматовой в образах китежанки, боярыни Морозовой, кликуши. Тридцатые годы XX в. усиливают трагические мотивы в творчестве поэтессы, при этом ее лирическая героиня избегает искушения «утешного зова» из чуждаля. Военные годы объединяют стоическое чувство Родины лирического «я» Ахматовой – отражая общенародный патриотический порыв.

Ключевые слова: образ Родины; отчизна; чужбина; русская этническая картина мира; фольклор; лирические коннотации; патриотизм

Для цитирования: Забияко А. А., Фэн Ишань Образ Родины как константа русской этнической картины мира (историко-литературный контекст). 2023. № 2 (16). С. 66-82. http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_66.
<https://elibrary.ru/FNHGDY>.

Original article

The image of Motherland as a constant of the Russian ethnic worldview (historical and literary context)

Anna A. Zabayako¹✉, Feng Yishan²

¹Doctor of philology, professor, head of the Department of literature and history of world arts, Amur state university, Blagoveshchensk.

²Assistant lecturer at the Department of the Russian Language, Changchun University, PRC, Jilin Province, Changchun

¹a.a.sciencia@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²1024495050@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-5823-1889>

Abstract. The article presents a lexical-semantic, historical, philosophical and literary analysis of the history of forming ideas about the motherland in the Russian ethnic worldview. The authors explore the origins of ideas about the motherland in the Russian mind, its connection with the idea of abundance, fertility, chaste mother giving birth, ancestral land (fatherland), native land, Russian land, opposing to foreign space. The argumentation of cultural and historical researches is based on linguistic data, folklore, ancient Russian literature and XVIII-XX centuries literature. The image of the Motherland in the lyrical consciousness reflects in the most condensed form people's hopes and aspirations in a particular socio-cultural period of development. The authors turn to the works of V. Trediakovsky, G. Derzhavin, E. Baratynsky, M. Lermontov, F. Tyutchev and the poets of the Silver Age (A. Blok, A. Bely, A. Akhmatova). The Russian lyrical context of the XVIII-XX centuries suggests that the archetypal foundations of the idea about motherland are most intensely manifested in the situation "away from the motherland", the loss of the native land or external danger to Russia. The "case" of Anna Akhmatova is paradoxical – her sense of motherland helped the poet withstood all the trials and reflected the deep foundations of people's beliefs about Motherland, native land, about homeland and foreign land. Religious connotations in Akhmatova's ideas about Motherland are embodied in her early lyrics in the images of Kitezhanca (Woman of Kitezhanca), Boyarynya Morozova, and klikusha (the hysteric). The thirties of the XX century intensified the tragic motifs in the poetess's work, with her lyrical heroine avoiding the temptation of a "consolation call" from a foreign land. The wartime years strengthened Akhmatova's stoic sense of the motherland in her lyrical self – reflecting the nationwide patriotic impulse.

Keywords: image of the Motherland; homeland; foreign land; Russian ethnic picture of the world; folklore; lyrical connotations; patriotism

For citation: Zabayako A. A., Feng Yishan The image of Motherland as a constant of the Russian ethnic worldview (historical and literary context). *World of Russian-*

Введение

Представления о *родине* зависят от самого народа, того исторического опыта, который вложили поколения в семантику данной лексики. Существует определенная закономерная связь данного понятия с историей развития государственности, политической системы и этнического самосознания населения той или иной страны.

Родина – ключевая идея русской языковой картины мира, тесно связанная с национальным сознанием; константа этнического сознания, отраженная в языке, русском фольклоре и литературном творчестве.

Методы исследования

Обращение к этимологической реконструкции понятия «родина» в русской этнической картине мира сочеталось с лексико-семантическим анализом. При этом авторы последовательно опирались на культурно-исторический, историко-литературный методы в сочетании с аналитическим реферированием работ предшественников – историков, религиоведов, филологов и философов.

Результаты исследования

Этимологические реконструкции понятия «родина» в русской картине мира

Слово *родина* восходит к праславянской основе «род» (**rodъ*) [Трубачев, 1957]. «Род» (укр. *pid*, болг., сербохорв. *род*, словен.,

чешск. *rod* и т.д.) в славянской и родственной им группе языков связан с лексическими значениями «(обильный) урожай», «процветание», «плодородие», «многочисленная семья». Эти значения восходят к др.-инд. *vṛādhant* («поднимающийся») и целой группе однокоренных слов со значением *роста, умножения, набирания сил* [Фасмер, 1996].

Славянский Род – покровитель рода (семьи), споспешник продолжения рода, ойкуменическое божество; персонифицированное представление о преемственности поколений, берущих начало от общих предков [Забияко, 2004, с. 262-263] – воплощает в себе «идею рода, отжившего и нарождающегося», уходящую корнями в глубокую древность за пределы отдельной семьи [Веселовский, 1889, с. 181]. В Киевской Руси культ Рода продолжил свое существование не только в частных границах отдельных родов, но как общественный «культ княжеских родоначальников» [Жомарович, 1960] – очевидно, здесь берет начало представление о *родине* как государствообразующей категории.

От основы «род» произошли праславянские, старославянские и древнерусские корни с лексическим значением «поколение, происхождение, семья» [Арбатский, 1970, с. 26]. Последующее развитие семантики приводит к тому, что от представлений о *родине* как о *семье*

(укр., блр., *rodina* чешск., *rodzina* польск.), *обилии плодов* (сербохорв.), *месте рождения* (болг.) в русской картине мира исходят и закрепляются значения: *место рождения (семьи)*, *земля предков – отцов («отчина»)*, *родные места* [Фасмер, 1996].

В содержательной структуре концепта «родина» в современных толковых словарях выделяются следующие компоненты, характеризующие его ценность для носителей русского этнического сознания: родная страна (земля); край отцов (место, где человек родился, где живут его родные и близкие); место возникновения чего-либо, колыбель; страна чьего-либо рождения или чьих-либо предков; Родина, Отечество как страна, в которой человек родился и гражданином которой он является; Отечество, Отчизна (слова торжественной, возвышенной речи) [Даль, 2000; Ушаков, 2000; Ожегов, 2009].

Синонимами «родины» выступают слова и словосочетания «отечество», «отчизна», «родная земля», «родная сторона (сторонка)», «родной край», «мать», «дом», «колыбель», «родное пепелище» [Александрова, 2001, с. 436].

Антонимами – «чужбина», «чужая страна (земля)», «чужедалье», «заграница» [Львов, 1984, с. 247]. То есть, «не-родина» – место, населенное чужими, чужаками, чужая земля, которая далеко от своей земли, а также то, что противопоставлено *родине* как государству (своей

земле) и отделено границей, находится за ее пределами. Не случайно русское слово «чужбина» в своем лексико-семантическом континууме связано со словом «судьбина», обозначая не только место, но и тяжкую долю в чужой стороне, в чужедалейней стране.

Исторические этапы формирования представлений о Родине в древнерусском сознании

Представления о родине, выходящие за пределы сельской общины, *рода*, княжества, начинают формироваться в русском этническом сознании в период становления Киевской Руси как единого государства – об этом свидетельствуют данные фольклора и древнерусской литературы. В IX–X вв. слова «Русь», «Русская земля» в значении «родина» начинают применяться по отношению ко всей территории восточных славян – от Карпат до Дона, от Ладоги до Причерноморья [Повесть ... , 2012, с. 239-240; Рыбаков, 1971, с. 157]: *«Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславович, и Давыд Святославович, и брат его Олег, и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: "Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между ними идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый вла-*

деет отчиной своей..." И на том целовали крест: "Если отныне кто на него пойдет, против того будем мы все и крест честной". Сказали все: "Да будет против того крест и вся земля Русская"» [Повесть ..., 2012, с. 186]. В этот период складывается русский героический эпос – былины о богатырях, своего рода старейшинах рода, защитниках родины (всей земли Русской). При этом патриотизм богатырей не совпадает с отношением к родине князя Владимира, демонстрирующего эгоизм и узко-местнические интересы («Илья Муромец и Соловей Разбойник»).

В годы княжеских усобиц представление о Русской земле как общей территории, сплоченной вокруг Киева, общей родины, сужается до представлений об «отчине» – унаследованного от отцов надела земли. Узкое понимание родины – «Русской земли» – становится новой политической реальностью [Робинсон, 1980, с. 226], однако Андрей Боголюбский мечтает вернуть прежнее толкование понятия из предания в жизнь. Именно при нем возникает обозначение князя как «самодержца всея Руси» [Робинсон, 1980, с. 226] – ментальная интенция к возвращению «широкой» концепции «Русской земли». В годы монгольского нашествия был нанесен большой урон этническому сознанию русских. Ради выгод для собственной отчины местнически настроенные князья не видят ничего постыдного в заклю-

чении союза с нерусским государем [Забияко, 2002, с. 241].

В годы распада и раздробленности государственности возникает в народном сознании амбивалентное отношение к Родине: «на чужой сторонке словно в домовинке» (в гробу), «чужа сторона – дремучий бор» // «хоть в орде, да в добре», «где не жить, лишь бы сыту быть», «велика Русская земля, а правде нигде нет места» и др. На долгие столетия идея «Русской земли» как территории, объединяющей всех русских людей, дискредитирована бедами и лишениями, принесенными децентрализованным государством, корыстью власть предержащих. Происходит постепенное разделение единой восточнославянской общности на Великую, Малую и Белую Руси. С начала XIV в. великокняжеский стол перемещается в Москву, туда же перемещается резиденция митрополита – снова меняется представление о Русской земле с точки зрения географических и территориальных координат – возникает образ Московской Руси как родины всех русских людей. Как подчеркивают исследователи, «на протяжении всего русского средневековья – от раннего до позднего – этническое самосознание русских формировалось вокруг образа Русской земли, в котором запечатлелся опыт самосозидания народа и строительства государства» [Забияко, 2002, с. 243]. Образ Родины в русском этническом сознании изначально был неотделим от идеи

сильной государственной власти и единения русских людей (родных по происхождению, по территории).

Мифологический контекст осмысления образа родины русским этническим сознанием и его отражение в фольклоре и литературе

Памятники фольклора и древнерусской письменности воссоздают общую картину: былинные богатыри, как и страстотерпцы-подвижники, готовы сложить голову за всю Русь, понимая, что тем самым защищают и отчий дом.

В духовном стихе о Егории Храбром герой попадает в Русскую землю и застаёт ее в первозданном хаосе: там «леса дремучие», «горы толкучие», «что нельзя Егорью проехать». И Егорий Храбрый поступает в соответствии со своим предназначением «культурного героя»: благодаря вере своей наводит на «Русской земле» порядок [Большой стих ... , 1995].

Канонизированные после крещения Руси страстотерпцы Борис и Глеб, павшие жертвой княжеской усобицы, превращаются в народном сознании в заступников Земли русской [Повесть ... , 2012].

Исследователи образа родины выделяют несколько архетипических представлений о родине в русской этнической картине мира, природа которых отражает ментальность этноса. Это, прежде всего, *материнский архетип*. В духовном стихе о Голубиной книге Рус-

ская земля определяется как «*Светла Русь земля – всем землям мать*». В различных фольклорных жанрах встречается образ Матери Сырой земли. Мать-сыра земля предстает созидающим началом: она рождает все сущее, оберегает, любит, растит, страдает. В представлении о родине, считают ученые, воплотился архетип Великой Богини Матери – отсюда выражение «родная земля» и особое отношение к ней [Телия, 1999]. Языковые примеры такого отношения – *родина вскормила, родина возрастила, родина воспитала*, в то же время и у человека есть обязательства по отношению к матери, к родине, к родной земле – горячо любить, защищать родину, быть ее достойным сыном и т. д. [Телия, 1999].

Родина – мать, «любящая, самая родная и любимая, не способная предать свое дитя», кормилица и заступница [Рябов, 2001; Забияко, 2002]. В образе Матери-земли как женщины слились образы сестры, жены, невесты. От этого родства всех русских людей и возникает характерное обращение – «братья и сестры», потому что мать общая – родная земля. В отношении с родной нет посредников, что сильно влияет на особое отношение русского человека к родине [Балеевских, 2007, с. 35]. Главное в мифологическом сознании русского человека – правильная (в мифологическом понимании) устроенность Родины, религиозная праведность, божественное присутствие, чистота

и «светлость» (в значении *свято-сти* и духовного созидания) – в «Слове о Законе и Благодати митрополита Илариона» [Слово о законе ... , 1997], позднее – в «Задонщине» [Задонщина, 1999].

Данные тезисы корректируют некоторые современные спекуляции по поводу неправомерности объединения в русском этническом сознании идеи родины как родной земли и государства как формы существования Родины.

Но только после падения монгольского ига и усиления Московской Руси в XV в. на фоне ослабления Византии укрепляются и реально подтверждаются интуиции народных сказителей и православных авторов. Возникает мифологизированная идея «Москвы – Третьего Рима» (цикл повестей об Азовском осадном сидении) [Плюханов, 1995, с. 175].

Противостоит «матушке Руси» как земному пространству в древнерусском мифологическом сознании царство Дьявола, Сатаны, Антихриста.

Во времена Раскола образ Святой Руси обретает черты «потаенной святости». Именно в этот период возникает образ града Китежа – «древлеправославной Руси», скрывшейся от взоров неправедных церковников [Зеньковский, 1995]. Позднее этот образ будет пере-

осмыслен в литературе как религиозная мифологема Родины.

Соединением личного духа и духа народа определяется то чувство и степень осознания своего отношения к родине, что именуется *патриотизмом*. Патриотическое восприятие Родины начинает формироваться в соответствии с этапами становления российской государственности [Забияко, 2002].

Семантические значения понятия «родина» в поэтической рефлексии русских лириков XVIII – первой половины XX вв.

Образ родины в русской литературе многомерен: «Ни одно из них [определений. – Авт.], взятое само по себе, не составляет Родины: ни пространственное рядом-жительство людей, ни кровная связь происхождения, ни национальная и расовая принадлежность, ни привычный быт, ни хозяйственное единение, ни природа, ни общность положительного права или государства» [Ильин, 1995].

Но литература (особенно лирика) наиболее концептуально фиксирует индивидуально-психологические и в то же время универсальные этнические константы понимания этого образа. Одним из первых в русской литературе к образу родины обращается В. К. Третьяковский, находящийся в то время на учебе в Сорбонне:

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны...
Россия мати! Свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный...
Чада достойны таковой мати,
Везде готовы за тебя стати...

Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

(«Стихи похвальные России») [Третьяковский, 1972, с. 110-111].

Несмотря на несовершенный слог и неровный ритмический рисунок, В. К. Третьяковский точно схватывает глубинные значения, присущие русскому пониманию «родины» – самодостаточной, изобильной, «светлой» в значении

«святой», матери своих «чад», готовых за свою мать «стати».

Слово «родина» в значении «отечество» впервые упоминает, вспоминая о Казани, Г. Р. Державин в 1798 г.:

Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про *родину, отечество драгое*,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!

[«Арфа», Державин, 2021, с. 105].

Настоящим «компендиумом» заложенных в слове «родина» древних и литературных смыслов предстает стихотворение Е. Баратынского, написанное в 1821 г. Его образ родины вмещает представления о «земле рода» (*поля моих отцов; родной своей стране*), родной земле, доме (о дом отеческой; / *в моей безвестной хате*), семье (в *кругу друзей своих, в кругу*

семьи своей, / Я буду издали глядеть на бури света), святости родной земли (*священный сердцу кров, домашние иконы*), земле, обильной плодами (*плодами сочными обильно воздадут / От гряд и заступа спешу к полям и плугу*), месте, где завершается жизненный цикл каждого человека, но не прекращается смена поколений:

В тени их отдохнёт мой правнук молодой;
Там дружба некогда сокроет пепел мой,
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой, и мирную цевницу

[Баратынский, 1974, с. 347].

Как видно, пробуждение архетипических установок, актуализация сыновнего чувства к родине присущи русским поэтам, находящимся вдали от родной земли.

Дифференцированное отношение к родине – *государству* и *родной земле* начинается с откровений М. Ю. Лермонтова («Прощай, немытая Россия / Страна рабов, страна господ» / «Люблю Отчизну я, но странною любовью / Не победит ее рассудок мой...») [Лермонтов, 1972, с. 182; с. 178]). В лирике XIX–XX вв. лермонтовский посыл о «странной любви» к Отчизне принимает то ярко выраженные отличительные черты (в творчестве Н. А. Некрасова), то философскую направленность (Ф.И. Тютчев «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить. У ней осо-

бенная статья, в Россию можно только верить», 1866) [Тютчев, 1974, с. 58]. Загадочность тютчевской максимы в «малой форме» дает повод самым разным интерпретациям. Один полюс склоняется к мысли о мессианской идее трактовки образа России [Голышева, 2012], другой – к иррационализму русского национального характера. По мнению В.В. Кожинова, Россия в понимании Тютчева существует только благодаря вере самих русских людей. Когда потеряна вера, быстро разрушается и сама страна [Кожин, 2009].

Конец XIX в. с его народническими увлечениями сформировал опрошенный, до знаковой фигуры крестьянки, униженной и забитой, образ родины:

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя своею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей –
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,
Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

(И. Бунин. Родине. 1891) [Бунин, 1973, с. 46-47].

«Передвижнический» персонафицированный образ родины, открытый И. Буниным [Цветкова,

2012], у Есенина еще более снижен, несмотря на гимнические восклицания в заглавии:

О Родина, о новый
С золотою крышей кров,
Труби, мычи коровой,
Ревь телком громов
(«О Родина!») [Есенин, 1983, с. 258].

Обращаясь к перевозданной семантике слова (*родовой дом (кров), земля, обильная приплодом; мать*), С. Есенин соединяет высокое и низкое: иконописную цветопись (метонимически намекающую на святость, «благодать» родины) и «пороки, пьянство и разбой», присущие разгульной матери.

Брожу по синим селам,
Такая благодать,
Отчаянный, веселый,
Но весь в тебя я, мать.

Люблю твои пороки,
И пьянство, и разбой,
И утром на востоке
Терять себя звездой.

(«О Родина!») [Есенин, 1983, с. 258].

Архетипическое женское начало, присущее образу родины, в творчестве поэтов «серебряного века» обретает амбивалентные черты. Родина – ключевая тема в творчестве А. Блока, в его лирике образ родины – Руси, России – становится органическим развитием идеи софийности, Вечной Женственности: «О Русь моя! Жена моя, до боли...»:

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой -
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

(«Родина») [Александр Блок ... , 1990, с. 262-263].

В лирике Андрея Белого «родина злая» обладает страшной хтонической силой, убивая своих детей:

Рыдай, буревая стихия
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, –
Безумствуй, сжигая меня!

(«Родине») [Александр Блок ... , 1990, с. 337].

Особенное развитие образ родины обретает в лирике Анны Ахматовой: Н. А. Николина, опираясь на частотный словарь имен Ст. Гиля (Осло, 1974 г.), пишет о том, что «в стихах Ахматовой слово Родина повторяется 9 раз <...>. Эти слова не принадлежат к наиболее частотным в творчестве Ахматовой, однако слово *земля* <...> входит в состав ключевых в ее поэзии <...>. Именно слово *земля* (одно или в сочетании с определением родная) наиболее часто используется в творчестве Ахматовой для обозна-

чения Родины» [Николина, 1989, с. 72]. Тема родины появляется уже в ранней лирике поэтессы, превращаясь впоследствии в настоящую метатему. С образом родины у поэтессы связан образ праха предков // одновременно дорожной пыли, в которой приходится идти лирической героине-страннице по бескрайним просторам ее земли. Ахматовский образ родины ритмически перекликается с лермонтовским признанием в «странной любви» к Отчизне:

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти господя моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская *скудная земля*.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы.
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

(1913) [Ахматова, 1990, с. 60].

Родина у Ахматовой – женского рода, обретающая амбивалентные черты «спокойных загорелых баб» и одновременно кликуш – марги-

нальных персонажей русской этнической культуры, пророчащих в своей бесноватости:

И, согнувшись, бесслезно молилась
Ей о слепеньком мальчике мать,
И кликуша без голоса билась,
Воздух сиюсь губами поймать.
(«Плотно сомкнуты губы сухие...», 1913) [Ахматова, 1990, с. 62].

Лирическая героиня Ахматовой признается после революции, что не вняла «голосу», который «звал утешно», и не оставила Россию в годину страшных испытаний. Инфернальные коннотации этого «зова» («Мне голос был. Он звал утешно...» [Ахматова, 1999, с. 110]) напрямую соотносятся с народными представлениями о чужбине как об обители Дьявола.

В 1920–30 гг. образ родины в творчестве поэтессы трагичен – несмотря на то, что Ахматова употребляет по отношению к родине эпитет «великая», сквозными образами ее лирики становятся образы смерти, боли, крови и страдания [Николина, 1989]. Религиозные коннотации в образе Родины воплощаются в образах боярыни Морозовой, китежанки:

От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщенья зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Преодо мною шла на восток

[Ахматова, 1990, с. 344].

Стойкий образ Родины-матери выкристаллизуется в лирике А. А. Ахматовой в годы Великой Отечественной войны. Година тяжелейших испытаний заострила в сознании лириков все дремлющие архетипические смыслы, присущие русской этнической картине мира. Лирика самой неконъюнктурной и, вероятно, самой бедствующей на Родине поэтессы в концентрированном виде обнажила те базовые установки, что двигали сердцами и порывами русских людей в те годы.

Отдельной темой исследования заслуживает лирическая рефлексия образа Родины в творчестве поэтов эмиграции. Трагический разрыв с землей отцов, утрата родных могил и родной культуры породили целое направление в лирике поэтов-беженцев [Сваровская, 2008].

Заключение

Образ родины в картине мира русского человека связан с архетипом Матери, обладающим характеристиками вневременности и вечности. Родина в образе земли предков не зависит от политических, экономических изменений, она находится вне времени, является родиной и древним славянам, и современным русским людям. Безусловна ее любовь к детям – родина любит всех своих детей вне зависимости от их различий, воспитывает их и заботится, жалеет и прощает. Отечество (государство) выступает в роли отца, противоположного начала.

В представлениях о Родине для русских совместились исторический, мифологический, религиозный смыслы, нашедшие отражение в язы-

ке, фольклоре и литературе – все эти значения в разной степени интенсивности нашли окказиональное концептуальное воплощение в русской лирике. Образ родины в творчестве

русских лириков XVIII–XX вв. стал не просто проекцией их патриотических чувств – но и призмой, высвечивающей их этнические и патриотические установки.

Библиографический список

1. Александр Блок. Андрей Белый. Диалог поэтов о революции / сост. М. Ф. Пьяных. Москва : Высшая школа, 1990. 687 с.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник / под. ред. Л. А. Чешко. Москва : Русский язык, 2001. 568 с.
3. Арбатский Д. И. Основные способы толкования значений слова // Русский язык в школе. 1970. № 3. С. 26–31.
4. Ахматова А. А. Мне голос был. Он звал утешно... // Поэты Серебряного века. Москва : Терра, 1999. С. 110.
5. Ахматова А. А. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения и поэмы. Москва : Правда, 1990. 448 с.
6. Балеевских О. Ю. «Родина-Мать»: значение образа матери в формировании патриотизма // Сумма философии. 2007. № 7. С. 35–40.
7. Баратынский Е. А. Родина // Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 105 : Русская поэзия XIX века. Москва : Художественная литература, 1974. С. 346–347.
8. Большой стих о Егории Храбром // Селиванов Ф. М. Русские народные духовные стихи. Йошкар-Ола : Марийский университет, 1995. С. 27–31.
9. Бунин И. А. Родине // Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 140 : Стихотворения. Рассказы. Повести / Под ред. С. Чулкова. Москва : Художественная литература, 1973. С. 46–47.
10. Веселовский А. Н. Судьба-доля в народных представлениях славян // Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха : Сборник отделения русского языка и словесности. Т. 46, № 6. Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1889. С. 173–260.
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. Москва : Русский язык, 2000. 779 с.
12. Державин Г. Р. Стихотворения 1774–1816 гг. Подробный иллюстрированный комментарий. Москва : РГ-Пресс, 2021. 256 с.
13. Есенин С. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Москва : Правда, 1983. 384 с.
14. Забияко А. П. Начала древнерусской культуры. Москва : Пайдейя : Московские учебники, 2002. 478 с.
15. Забияко А. П. Религия славян // История религии : в 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. И. Н. Яблокова. Москва : Высшая школа, 2004. С. 236–286.
16. Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 6 : XIV – середина XV века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Санкт-Петербург : Наука, 1999. С. 106–119.
17. Ильин И. А. Родина и мы. Смоленск : Посох, 1995. 511 с.
18. Кожин В. В. Тютчев. Москва : Молодая гвардия, 2009. 480 с.

19. Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1960. Т. 16. С. 84–104.
20. Лермонтов М. Ю. Прощай, немытая Россия // Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 93 : Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени / Под ред. С. Чулкова. Москва : Художественная литература, 1972. С. 184.
21. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л. А. Новикова. Москва : Русский язык, 1984. 384 с.
22. Николина Н. А. Образ Родины в поэзии А. Ахматовой // Русский язык в школе. 1989. № 2. С. 72–79.
23. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Л. И. Скворцова. Москва : Мир и образование, 2020. 1376 с.
24. Плюханов М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. Санкт-Петербург : Акрополь, 1995. 336 с.
25. Повесть временных лет / Пер. с древнерус. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова, А. М. Введенского, Л. В. Войтовича. Санкт-Петербург : Вита Нова, 2012. 512 с.
26. Робинсон А. А. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. Москва : Наука, 1980. 336 с.
27. Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. Москва : Наука, 1971. 261 с.
28. Рябов О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. Москва : Ладомир, 2001. 202 с.
29. Сваровская А. С. Чувство родовой сопричастности в лирике первой волны русской эмиграции // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2008. № 9. С. 67-91.
30. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 1 : XI–XII века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. Санкт-Петербург : Наука, 1997. С. 26–63.
31. Теля В. Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина» // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. Москва : Индрик, 1999. С. 466–476.
32. Третьяковский В. К. Стихи похвальные России // Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 57 : Русская поэзия XVIII века / Под ред. С. Чулкова. Москва : Художественная литература, 1972. С. 110–111.
33. Трубачев О. Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 86–96.
34. Тютчев Ф. И. Умом Россию не понять // Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 106 : Русская поэзия XIX века / Под ред. С. Чулкова, И. Щербаковой. Москва : Художественная литература, 1974. С. 58.

35. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. Москва : Астрель ; АСТ, 2000. 1424 с.
36. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. Т. 3. Санкт-Петербург : Terra-Азбука, 1996. 832 с.

Reference list

1. Aleksandr Blok. Andrej Belyj. Dialog pojetov o revoljucii = Andrei Bely. A dialogue of poets on revolution / Sost. M. F. P'janyh. Moskva : Vysshaja shkola, 1990. 687 s.
2. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo jazyka : praktičeskij spravochnik = Dictionary of synonyms of the Russian language : a practical handbook / pod. red. L. A. Cheshko. Moskva : Russkij jazyk, 2001. 568 s.
3. Arbatskij D. I. Osnovnye sposoby tolkovanija znamenij slova = Basic ways of interpreting lexical meanings // Russkij jazyk v shkole. 1970. № 3. S. 26–31.
4. Ahmatova A. A. Mne golos byl. On zval uteshno... = Akhmatova A.A. I heard a voice. It came, beguiling // Pojety Serebrjanogo veka. Moskva : Terra, 1999. S. 110.
5. Ahmatova A. A. Sochinenija = Works : v 2 t. T. 1 : Stihotvorenija i pojemy. Moskva : Pravda, 1990. 448 s.
6. Baleevskih O. Ju. «Rodina-Mat'»: znachenie obraza materi v formirovanii patriotizma = "Motherland": the importance of the maternal image in the formation of patriotism // Summa filosofii. 2007. № 7. S. 35–40.
7. Baratynskij E. A. Rodina = Baratynsky E.A. Motherland // Biblioteka vseмирnoj literatury : v 200 t. T. 105 : Russkaja poezija XIX veka. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1974. S. 346–347.
8. Bol'shoj stih o Egorii Hrabrom = The great verse about Egoriy the Brave // Selivanov F. M. Russkie narodnye duhovnye stihi. Joshkar-Ola : Marijskij universitet, 1995. S. 27–31.
9. Bunin I. A. Rodine = To the Motherland // Biblioteka vseмирnoj literatury : v 200 t. T. 140 : Bunin I. A. Stihotvorenija. Rasskazy. Povesti / Pod red. S. Chulkova. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1973. S. 46–47.
10. Veselovskij A. N. Sud'ba-dolja v narodnyh predstavlenijah slavjan = Fate-destiny in folk beliefs of the Slavs // Veselovskij A. N. Razyskanija v oblasti russkogo duhovnogo stiha : Sbornik otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti. T. 46, № 6. Sankt-Peterburg : Tipografija Imperatorskoj akademii nauk, 1889. S. 173–260.
11. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka = Explanatory dictionary of the living great Russian language : v 4 t. T. 2. Moskva : Russkij jazyk, 2000. 779 s.
12. Derzhavin G. R. Stihotvorenija 1774–1816 gg. Podrobnij illjustrirovannyj komentarij.= Poems 1774-1816. Detailed illustrated commentary. Moskva : RG-Press, 2021. 256 s.
13. Esenin S. Sobrańie sochinenij = Collected works : v 3 t. T. 2. Moskva : Pravda, 1983. 384 s.
14. Zabijako A. P. Nachala drevnerusskoj kul'tury = The origins of the ancient Russian culture. Moskva : Pajdejja : Moskovskie uchebniki, 2002. 478 s.
15. Zabijako A. P. Religija slavjan = Religion of the Slavs // Istorija religii : v 2 t. T. 1 / Pod obshh. red. I. N. Jablokova. Moskva : Vysshaja shkola, 2004. S. 236–286.
16. Zadońshhina = Zadońshchina (beyond the Don river) // Biblioteka literatury Drevnej Rusi : v 20 t. T. 6 : XIV – seredina XV veka / Pod red. D. S. Lihacheva,

- L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. Sankt-Peterburg : Nauka, 1999. S. 106–119.
17. Il'in I. A. Rodina i my = Motherland and we. Smolensk : Posoh, 1995. 511 s.
 18. Kozhinov V. V. Tjutchev = Tyutchev. Moskva : Molodaja gvardija, 2009. 480 s.
 19. Komarovich V. L. Kul't roda i zemli v knjazheskoj srede XI–XIII vv. = The cult of family and land in the principdom of XI–XIII centuries // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. Moskva ; Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. T. 16. S. 84–104.
 20. Lermontov M. Ju. Proshhaj, nemytaja Rossija = Farewell, unwashed Russia // Biblioteka vseмирnoj literatury : v 200 t. T. 93 : Lermontov M. Ju. Stihotvorenija. Pojemy. Maskarad. Geroj nashego vremeni / Pod red. S. Chulkova. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1972. S. 184.
 21. L'vov M. R. Slovar' antonimov russkogo jazyka / Pod red. L. A. Novikova. Moskva : Russkij jazyk, 1984. 384 s.
 22. Nikolina N. A. Obraz Rodiny v poezii A. Ahmatovoj = The image of Motherland in A. Akhmatova's poetry // Russkij jazyk v shkole. 1989. № 2. S. 72–79.
 23. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory dictionary of the Russian language / Pod red. L. I. Skvorcova. Moskva : Mir i obrazovanie, 2020. 1376 s.
 24. Pljuhanov M. B. Sjuzhety i simvoly Moskovskogo carstva. = Plots and symbols of the Moscow kingdom. Sankt-Peterburg : Akropol', 1995. 336 s.
 25. Povest' vremennyh let = The Russian Primary Chronicle / Per. s drevnerus. D. S. Lihacheva, O. V. Tvorogova ; komment. A. G. Bobrova, S. L. Nikolaeva, A. Ju. Chernova, A. M. Vvedenskogo, L. V. Vojtovicha. Sankt-Peterburg : Vita Nova, 2012. 512 s.
 26. Robinson A. A. Literatura Drevnej Rusi v literaturnom processe srednevekov'ja XI–XIII vv. Oчерki literaturno-istoričeskoj tipologii. = Literature of ancient Russia in the literary process of the Middle Ages XI–XIII centuries. Essays on literary and historical typology. Moskva : Nauka, 1980. 336 s.
 27. Rybakov B. A. «Slovo o polku Igoreve» i ego sovremenniki. = The Tale of Igor's Campaign and its contemporaries. Moskva : Nauka, 1971. 261 s.
 28. Rjabov O. V. «Matushka-Rus'»: opyt gendernogo analiza poiskov nacional'noj identičnosti Rossii v otečestvennoj i zapadnoj istoriosofii = "Mother Russia": gender analysis of the search for Russia's national identity in Russian and Western historiography. Moskva : Ladomir, 2001. 202 s.
 29. Svarovskaja A. S. Chuvstvo rodovoj soprichastnosti v lirike pervoj volny russkoj jemigracii = Sense of kinship in the lyrics of the first wave of Russian emigration // Russkaja literatura v HH veke: imena, problemy, kul'turnyj dialog. 2008. № 9. S. 67–91.
 30. Slovo o zakone i blagodati mitropolita Kievskogo Ilariona = Metropolitan Hilari- on of Kiev on the law and grace // Biblioteka literatury Drevnej Rusi : v 20 t. T. 1 : XI–XII veka / Pod red. D. S. Lihacheva, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. Sankt-Peterburg : Nauka, 1997. S. 26–63.
 31. Telija V. N. Refleksy arhetipov soznanija v kul'turnom koncepte «rodina» = Re- flexes of mind's archetypes in the cultural concept of "homeland" // Slavjanskije jetjudy. Sbornik k jubileju S. M. Tolstoj. Moskva : Indrik, 1999. S. 466–476.

32. Trediakovskij V. K. Stihi pohval'nye Rossii = Poems of praise to Russia // Biblioteka vseмирnoj literatury : v 200 t. T. 57 : Russkaja poezija XVIII veka / Pod red. S. Chulkova. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1972. S. 110–111.

33. Trubachev O. N. K jetimologii nekotoryh drevnejshih slavjanskih terminov rodstva = On the etymology of some ancient Slavic kinship terms // Voprosy jazykoznanija. 1957. № 2. S. 86–96.

34. Tjutchev F. I. Umom Rossiju ne ponjat' = Russia cannot be known by the mind // Biblioteka vseмирnoj literatury : v 200 t. T. 106 : Russkaja poezija XIX veka / Pod red. S. Chulkova, I. Shherbakovoj. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1974. S. 58.

35. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory dictionary of the Russian language: v 4 t. T. 3. Moskva : Astrel' ; AST, 2000. 1424 s.

36. Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka = Etymological dictionary of the Russian language: V 4 t. T. 3. Sankt-Peterburg : Terra-Azbuka, 1996. 832 s.

Статья поступила в редакцию 25.03.2023; одобрена после рецензирования 01.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted on 25.03.2023; approved after reviewing 01.05.2023; accepted for publication on 26.05.2023

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_83
EDN QBDYPT

**Роль курсива в художественном тексте:
на материале повести Л. Н. Андреева «Мысль»**

Дарья Дмитриевна Якушева

Магистр филологии, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, г. Москва
ddyakusheva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8109-4513>

Аннотация. Автор статьи обращается к мало исследованной области формирования графической изобразительности и выразительности текста как коммуникативной среды и среды формирования художественной образности в литературном тексте. Конкретным объектом анализа стал курсив, определяемый стандартом как наклонный вправо типографский шрифт. Роль курсива в текстах разного вида приобретает конкретную специфику и в значительной степени зависит от общей стилистической принадлежности текста. Особый случай представляет художественный текст. В пространстве художественного произведения курсив наделяется особыми как коммуникативными, так и эстетическими функциями. В качестве материала исследования был выбран текст повести русского писателя Л. Н. Андреева (1871–1991) «Мысль». В тексте повести прием выделения путем курсива тесно связывается с функцией выделения так называемого «чужого слова» (термин М. Бахтина), лежащей в особой области анализа стилистики художественного текста и связанной с субъективацией авторского повествования. Курсив рассмотрен в комплексном анализе композиционного и идейно-философского своеобразия исследуемого произведения. Будучи графическим средством, он априори содержит в себе функцию выделительную, цель которой в привлечении внимания читателя, при этом в художественном тексте заключительная маркированная фраза обладает «внутренним ударением». Автор текста может прибегать к такому средству, во-первых, для того, чтобы продублировать ранее уже сказанную мысль, чтобы читатель постарался увидеть в ней некоторый подтекст. Во-вторых, таким образом может быть подчеркнута чужая интонация, «чужое слово», и в таком случае необходимо проанализировать построение всего высказывания и связать его с идейной линией текста. Методоло-

© Якушева Д. Д., 2023

*Роль курсива в художественном тексте:
на материале повести Л. Н. Андреева «Мысль»*

83

гически работа базируется на концепции универсальной диалогичности текста, разработанной М. М. Бахтиным.

Ключевые слова: Л. Н. Андреев; М. М. Бахтин; курсив; параграфемика; анализ художественного текста; «чужое» слово; монологическое слово; диалогизм; субъективизация повествования

Для цитирования: Якушева Д. Д. Роль курсива в художественном тексте: на материале повести Л. Н. Андреева «Мысль». № 2 (16). С. 83-99. http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_83. <https://elibrary.ru/QBDYPT>.

Original article

The role of italics in a literary text: L.N. Andreev's story "Thought"

Daria D. Yakusheva

Master of philology, junior researcher, A.M. Gorky Institute of world literature, RAS, Moscow

ddyakusheva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8109-4513>

Abstract. The author of the article addresses an insufficiently studied area of textual graphic representativeness and expressiveness as a communicative medium and a medium forming artistic imagery in a literary text. The focus of the analysis is italics, defined by the standard as a right-slanting typographic font. The role of italics in texts of various kinds acquires specificity and depends largely on the overall stylistics of the text. Literary text makes a special case. In literary space, italics acquire special functions, both communicative and aesthetic. The text of the story "Thought" by the Russian writer L. N. Andreev (1871-1991) has been chosen as the material for research. The reason for this choice is that in the text of the story the method of italicizing is closely connected with that of highlighting the so-called "alien word" (M. Bakhtin's term), belonging to a special field of literary text stylistic analysis and connected with subjectifying the author's narrative. Being a graphic tool, italics a priori contains a highlighting function, the purpose of which is to attract the reader's attention, while in a literary text the final marked phrase has an "internal stress". The author of the text can resort to such a means in order to duplicate a previously said thought, so that the reader can see some subtext in it. Besides, in this way someone else's intonation, "someone else's word" can be emphasized, and in such a case it is necessary to analyze the construction of the entire statement and connect it with the ideological line of the text. Methodologically, the work is based on the concept of the universal dialogicity of the text, developed by M. M. Bakhtin.

Keywords: Leonid Andreev; Michail Bakhtin; italics; paragraphemic; literary text analysis; "alien" word; monologue; dialogue; dialogicity; narrative subjectification

For citation: Zabayako A. A., Feng Yishan The image of Motherland as a constant of the Russian ethnic worldview. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 2(16): 83-99. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_83. <https://elibrary.ru/QBDYPT>.

Введение

В настоящей работе мы обращаемся по существу к двум аспектам культурологического и филологического исследования: к анализу проблем авторской субъективации при создании текста художественного произведения, в частности, к роли так называемого «чужого слова» (термин, введенный Бахтиным), чем в свое время плодотворно занимались В. В. Виноградов [Виноградов, 1971; 1980], Б. А. Успенский [Успенский, 2000], Ю. М. Лотман [Лотман, 1996], М. М. Бахтин [Бахтин, 1997], А. И. Горшков [Горшков, 2008], а с другой стороны, к проблеме параграфемии, связанной с использованием курсива как особого рода шрифта в художественном тексте, где он становится инструментом реализации как коммуникативной, так и эстетической функции. Проблема использования курсива в художественном тексте разработана мало, укажем здесь работы И. М. Борисовой [Борисова, 2005; 2006; 2014], Л. Я. Гинзбург [Гинзбург, 1980], В. Н. Захарова [Захарова, 1979]. Методологически существенную помощь оказывают нам наработки М. М. Бахтина в области речеведения и анализа текста с точки зрения его концепции имманентной диалогичности высказывания как основы сообщения. Поставлена задача показать, как курсив помогает раскрытию процесса трансформации психики Керженцева, главного героя повести Леонида Андреева «Мысль»,

в результате чего происходит раздвоение личности и формируются определенные бинарные оппозиции внутри ее.

Результаты исследования

Михаил Бахтин, анализируя монологическое слово героя Ф. М. Достоевского, отмечает, что эпистолярной форме свойственно напряженное предвосхищение чужого слова: в письме адресант, формулируя ту или иную мысль, тревожно вслушивается в высказывание и находит внутри него такие пустоты, или лакуны, которые потенциально могли бы спровоцировать воображаемого «другого» на ответную реплику [Бахтин, 2002]. В зависимости от обстоятельств, это обращение к отсутствующему собеседнику может быть более или менее интенсивным, однако бесспорным остается тот факт, что на тон и стиль текста, а также на его концептуальное содержание влияет некто, стоящий «за» сознанием героя. Вследствие этой особенности монологическое слово в художественном тексте вмещает в себя сразу несколько голосов, которые можно «раздробить» путем лингвистического эксперимента. В самовысказывании героя могут присутствовать два и более структурно-стилистических конструкта, и каждый из них принадлежит к разным сознаниям (или их едва приметному «призраку», поскольку «чужой» открыто не воплощается через речь,

но лишь заявляет о своем существовании и своем влиянии на персонажа). Бахтин иллюстрирует эту мысль на примере героя Достоевского Макара Девушкина, речевая манера которого изменяется под воздействием «чужого социального (обобщенного) взгляда». Приведем несколько высказываний с оглядкой на этого «другого»: «Ну, вот это мой уголочек. Ну, так вы и не думайте, маточка, чтобы тут что-нибудь такое иное и таинственный смысл какой был» [Достоевский, 2013, с. 26], «Правда, есть квартиры и получше, – может быть, есть и гораздо лучшие, – да удобство-то главное; ведь это я все для удобства, и вы не думайте, что для другого чего-нибудь» [Достоевский, 2013, с. 26]. Отношение «маточки» управляет экзистенцией героя, его нравственным, личностным обликом, на который не должна пасть ни тень каких-либо подозрений со стороны «другого».

Тема межличностной коммуникации, такого свойства сознания, как интенциональность, индивидуально раскрывалась в разных философских традициях, поэтому подход к данной проблеме в классических трудах феноменологии будет один, а в работах экзистенциалистов (Сартра, Кьеркегора) – другой. Если раньше в центре внимания были взаимоотношения человека с миром, то философскую мысль середины 60-х годов прошлого столетия отличает сфокусированность на паре «субъект-субъект». В книге

«Философия диалога Мартина Бубера» Т. П. Лифинцева отмечает: «По мнению Бубера, Я ничего не может сказать о себе, не соотнеся с Другим» [Лифинцева, 1999, с. 42]. Как ранее было отмечено, взгляд «другого» обнаруживает существование, особым образом закрепляет место в мире. Это можно проследить как в текстах Достоевского, так и Леонида Андреева («Мысль», «Елеазар», «Нет прощения» и др.).

В статье «Читатель», касающейся образа адресата и читателя, Николай Гумилев пишет об обращенности к некоторому слушателю, которым может оказаться не только другой собеседник или некая мистическая сила (например, Бог), но и он сам: «Часто этот слушатель он сам, и здесь мы имеем дело с естественным раздвоением личности» [Гумилев, 1990, с. 61]. Такую раздвоенность мы можем обнаружить в анализируемой повести, и один из способов достичь такого эффекта связан с таким разделом лингвистики, как параграфемика. Известно, что пунктуация, пунктуационное варьирование внутри художественного текста наделяется эстетической функцией и участвует в композиционно-смысловом построении повествования. Смыслопорождающая роль курсива в лингвистике и литературоведении оценивается и изучается по-разному. В художественном произведении такое выделительное средство обладает информативностью, требующей особого способа де-

шифровки высказывания. В Толковом словаре русского языка это понятие описано весьма ограничено, и, как представляется, оно может и должно быть расширено: «Наклонный (вправо) типографский шрифт, подобный рукописному почерку» [Толковый словарь ... , 1935, с. 820]. Оказываясь внутри литературного нарратива, это параграфное средство порождает в сознании читателя ряд вопросов, в ходе чего раскрывается дополнительный пласт смысла произведения. В статье «Слово и курсив в “Преступлении и наказании”», к которой мы впоследствии обратимся, В. Н. Захаров пишет: «В художественном тексте слово часто получает дополнительные (эмоционально-стилистические), а иногда и новые значения» [Захаров, 1979, с. 21], и далее выделяет курсив как такой способ расширения многозначности высказывания.

Информационно-прагматический потенциал курсива задает определенный ход всему последующему восприятию текста. Его можно назвать дополнительным коммуникативным актом, который включает в себя несколько компонентов. Первый – аллокуция, означающая определенное намерение адресанта, которое преследуется им в процессе сообщения. Выбирая курсив в качестве выделительного знака, повествователь внутри текста также руководствуется личными мотивами. Второй компонент – перлокутивный акт, связанный с адре-

сатом и его интерпретацией высказывания: два субъекта либо приходят к единой мысли, либо расходятся в понимании по тем или иным причинам. Задача читателя заключается в погружении в «двойное повествование», которое образуется за счет включения в текст курсива. Сообщение, зашифрованное автором, имеет ряд свойств, среди которых выделяются информационные, воздействующие и фатические. Необходимо определить функцию курсива в повести «Мысль», поскольку этот прием связывается с центральным объектом исследования – концепцией «другого», который проявляется на разных уровнях художественного текста (информативно-смысловом, композиционном, стилистическом и др.).

Обратимся к уже упомянутой статье Захарова о роли курсива в романе Достоевского «Преступление и наказание». Автор отмечает, что преимущественно таким образом выделяются слова, которые лишены именного и/или предметного значения (к примеру, указательное местоимение «это», наречие «тогда», существительные «проба, дело» и др.). Именно они вытесняют в сознании Раскольникова другие, иногда проявляющие себя так называемые «понятия-табу» («убийство», «грабеж» и т. п.). Цель такого замещения – в ограждении/охранении не только героев, но и читателей: как замечает Захаров, это мера предостереже-

ния, которая нужна для того, чтобы напоминать о нравственном непреложном законе, который нарушается главным героем романа. Кроме классификации выделенных слов в тексте Достоевского, в статье отмечается структурно-образующая роль курсива. «Курсив отмечает наиболее существенные черты этого сложного и противоречивого процесса» [Захаров, 1979, с. 22-23] – под «этим» подразумевается процесс мучительной трансформации сознания Раскольникова. В тексте Леонида Андреева нужно не только отметить особенности выделяемых слов/словосочетаний/предложений, но и предположить роль в развитии сюжета. Постараемся обосновать включенность таких конструкций в теорию «диалогичности».

В статье «Отображение сокровенного смысла» В. Г. Гак [Гак, 2004] анализирует такое языковое явление, как фразовая асимметрия, которая возникает тогда, когда не согласуются друг с другом коммуникативная задача говорящего/пишущего и семантическая наполненность высказывания. Между ними образуется пустое место, которое занимает «сокровенный смысл», или невыразимое, имеющее несколько способов проявлений в тексте. К таким средствам можно отнести косвенные высказывания, но кроме них возможно использование курсива, который должен презентировать определенный смысловой комплекс, расширяющий

основное высказывание героя. За выделенным выражением скрывается особая реальность художественного мира, таким образом закодированная. На конкретных примерах из повести Леонида Андреева попробуем установить соотношенность между высказыванием, никак не маркированным, и дополнительной фразой, звучащей как бы «поверх» основного текста.

Поскольку «записки» героя повести «Мысль» Антона Керженцева, составляющие особенность структуры текста, разбиваются на листы, проанализируем для начала все фразы, выделенные курсивом, из первой записи: их всего три. Первый случай использования курсива связан с произошедшим пять лет назад «унижением», как это характеризует главный герой: «И тогда напомните ей: *пятого сентября она засмеялась*» [Андреев, 1990, с. 384]. Керженцев, рассказывая, как он получил отказ от Татьяны Николаевны, словно бы продолжает свое воспоминание, но в этом чувствуется «дописывание» истории, хотя это остается в рамках предположения. Он говорит, что эта встреча закончилась долгим мучительным смехом, который заставлял его содрогаться: «Рука моя осталась в воздухе, она засмеялась, и долго смеялась. Столько, сколько ей хотелось. Но потом все-таки извинилась» [Андреев, 1990, с. 384]. Кроме того, мы узнаем странные обстоятельства, в которых происходила эта встреча: позже автор

записок добавляет, что это случилось в шесть часов вечера по петербургскому времени, а время он запомнил потому, что ясно видел вокзальные часы и расположение стрелок на них. К этому стоит прибавить такую особенность его самовысказывания, как возможность развертывания в диалог: «Если она будет отказываться, – а она будет отказываться, – то напомните, как это было» [Андреев, 1990, с. 384]. В его реплике не столько предвосхищение возможной реакции со стороны «другого», сколько утверждение за чужое сознание. Однако относится ли это высказывание к общему воспоминанию или к его конкретной детали, ставшей роковой – смеху (который можно назвать «сардоническим»)?

Отдельный вопрос касается экзистенциально-онтологической природы смеха. В текстах Леонида Андреева часто скрещиваются мотив «чистого безумия» и мотив «абсурдного смеха» – они представляют собой ядро экспрессионистского стиля писателя. Исследователи его творчества отмечают, что одним из главных художественных методов экспрессионистов (и самого Андреева как их предтечи) является изображение не индивидуального человека, а абстрактной стихийной силы, какого-то отвлеченного понятия, наполненного множеством смыслов. Это можно проследить на материале таких произведений Андреева, как «Красный смех», «Он. Рассказ неизвестного» и «Мысль». Во всех этих

текстах мотив смеха является доминирующим, создающим такое художественное пространство, субстратом которого можно назвать хаос, исключенность героя из действительности и перенесение его за рамки «нормального». Именно поэтому в «Мысли» хохот приобретает гиперболический характер, не соответствующий ситуации и логически из нее не выводимый: складывается ощущение раздвоенности образа Татьяны Николаевны. Смех становится самостоятельной, но бессубъектной сущностью, заключенной в глазах: «Извините, пожалуйста, – сказала она, а глаза ее смеялись» [Андреев, 1990, с. 384]. В связи с этим обратимся к книге Л. В. Карасева «Философия смеха», а именно к главе, в которой смех рассматривается как универсалия в контексте противостояния блага и зла. Интересной кажется цитата, приводимая им из романа Достоевского «Бесы»: «О карикатура! Помилуй, кричу ему, да неужто ты себя такого, как есть, людям взамен Христа предложить желаешь? Il rit. Il rit beaucoup, il rit trop. У него какая-то странная улыбка. <...> Il rit toujours» [Карасев, 1996, с. 61]. Оснований полагать, что в тексте Леонида Андреева таким образом проявляет себя инфернальная сила (как пишет Карасев, «бесу положено смеяться») и что воплощена она в образе Татьяны Николаевны, нет. Тем не менее смех семантизируется как средство деструкции, но нужно определить, нет ли здесь феномена «отзеркаливания», что при-

сущее многим текстам писателя. В одной из глав у Карасева замечено, что смех корректно рассматривать не как проявление зла, не как источник, а как его «отраженность». Возможно предположить, что описанной Керженцевым реакции Татьяны Николаевны в действительности могло не быть: фигура «другого», вобравшая какие-то слабые черты демонического, является тем самым результатом «отражения». Для этого явления необходимо подобрать описание: это приписывание «чужому» взгляду своих глубинных переживаний, страхов, желаний. Уместно вспомнить рассказ Андреева «Нет прощения», в котором главный герой, Митрофан Васильевич Крылов, засмотревшись на курсистку и начав вживаться в мысли «другого», действительно претерпевает как внешние, так и внутренние изменения: «Думает, сыщик: под кофточкой-то, должно быть, бумажонки какие-нибудь. <...> Каким-то чрезвычайно подлым жестом втянув голову в плечи, Митрофан Васильевич придал своей физиономии то особенное, хитро-пакостное выражение, какое, по его мнению, должно быть у настоящего шпиона...» [Андреев, 1990, с. 559-560].

Действительно ли герой «Мысли» сумасшедший или это лишь маска/роль – однозначного ответа на этот вопрос пока нет. Однако, предполагая у него болезнь, мы можем усмотреть в том роковом моменте, отмеченном непрекращающимся смехом, самый её исток,

неочевидный для самого Керженцева. Подобно тому, как встреча с Лизаветой Ивановной предрешила исход «дела» Родиона Раскольникова («Первоначальное изумление его мало-помалу сменилось ужасом, как будто мороз прошел по спине его» [Достоевский, 1973, с. 52]), Антон Игнатьевич, отвергнутый «другим», который, по видимому, являлся важным «онтологическим основанием», переживает болезненное состояние «раздробленности». Не потому ли это происходит на вокзале, который символически может быть прочитан как срединность между уходом/исчезновением и возвращением/прибытием, но в контексте метафизического (или даже мифологического) знания. И не потому ли циферблат разделен строго пополам, показывая шесть часов, актуализируя архетип «верх-низ»? Вводя в повествование такой темпоральный концепт, автор порождает в читательском сознании оппозицию положительного, высшего (семантика «верха» как абсолюта, «горный мир») и отрицательного, низшего (семантика «низа» как падение/низвержение). Поэтому можно предположить, что это – индивидуальное восприятие героем времени, отмеченное «катастрофичностью, роком»: «Алексей Константинович был убит также ровно в шесть часов. Совпадение странное, но могущее открыть многое догадливому человеку» [Андреев, 1990, с. 384].

Кажется неслучайным использование такого социокультурного локуса, как вокзал, в пространстве которого герой делает предложение и получает на него отказ: «По петербургскому, добавляю я, потому что мы находились тогда на вокзальной платформе, и я сейчас ясно вижу большой белый циферблат и такое положение черных стрелок: вверх и вниз» [Андреев, 1990, с. 384]. Именно здесь происходит встреча-расставание: нет указаний на движение (как, например, в известном стихотворении Николая Гумилева трамвай уносит лирического героя в потусторонний мир), но есть художественная сочлененность/ сплавленность деталей, позволяющая предположить духовную, нравственную катастрофу Керженцева. В приведенной цитате отметим также семантику цвета, усиливающую ощущение разрыва/раскола: белый как гармонизирующее главенствующее начало и черный как противопоставленная ему пара.

Переходим ко второй фразе, отмеченной курсивом: «Не убил бы я Алексея и в том случае, если бы критика была права и он действительно был бы таким крупным литературным дарованием. <...> Но Алексей не был талантом» [Андреев, 1990, с. 386]. Здесь важно учитывать общего концептуально-философского контекста, поэтому неизбежно обращение к идейному «прообразу» текста, а именно к роману Достоевского «Преступление и наказание», к вопросу Раскольни-

кова «тварь ли я дрожащая или право имею». Важной представляется связь этих двух писателей, на которую обращает внимание В. Беззубов в книге «Леонид Андреев и традиции русского реализма». Он, в частности, призывает учитывать, что в период с 1898–1907 гг. влияние Достоевского на Андреева не так сильно ощущалось, но если та или иная тема становилась для них общей, то происходило идейное переосмысление и переписывание: «Когда же Андреев обращался к сходной с Достоевским проблематике, он стремился идейно отмежеваться от него» [Беззубов, 1984, с. 81].

Для Керженцева задачей было не уподобиться человеку, «жалко и так нелепо погибшему» (под которым подразумевается Родион), не сгореть в агонии страха и мук совести: «И я очень долго, очень внимательно останавливался на этом вопросе, представляя себя, каким я буду после убийства» [Андреев, 1990, с. 387]. Целью его «дела» можно назвать совершение преступления без наказания, симуляция безумия как средства избежания правосудия, стирание институции морали и нравственности. Верным «спутником» он считал Мысль, которая в этой повести становится полноправным действующим лицом, хотя корректнее назвать ее «нематериальной сущностью», как бы отделенной от сознания героя. Именно ее всемогущество должно было управлять рас-

судком Керженцева. До момента «перелома» она характеризуется им следующим образом: «И разве я не чувствовал своей мысли, твердой, светлой, точно выкованной из стали и безусловно мне послушной?» [Андреев, 1990, с. 392]. Она – его раба, напарница в игре «с жизнью и смертью» [Андреев, 1990, с. 404], однако впоследствии, обретшая собственную волю и почти окончательно разьединившись с героем, восстает против него.

Вернемся к анализируемой фразе. Она важна в контексте всего отрывка, в котором Керженцев пытается найти обоснование своему решению: он не убил бы его, не будь Алексей, во-первых, таким хилым и таким жалким, во-вторых, если бы в нем была хоть доля дарования, которая стала бы необходимой для общества и человечества вообще. И в самом конце абзаца, в котором приводятся эти размышления, появляется словно иная интонация, завершающая Мысль: она ставит воображаемую точку в цепочке оправданий свершившегося преступления. Этот «чужой голос», как его можно истолковывать, приобретает характер всезнания: Алексей не обладал литературным талантом, в нем не было никакой необходимости, и именно поэтому законно принятое Керженцевым решение его убить, поскольку человечество ничего не теряет. В связи с этим стоит отдельно отметить мотив вседозволенности, вытекающий из веры в себя как безграничной выс-

шей воли, силы, уравнение с Богом: «Точно Бог: не видя – я видел, не слушая – я слышал, не думая – я сознавал» [Андреев, 1990, с. 406]. И через этот же мотив выражается одна из главных мыслей Леонида Андреева: душа человека подобна беспросветной мгле, или бездне, в которой пробуждается неконтролируемое зло. Беззубов предполагает, что писателю могло быть известно выступление Достоевского по поводу «Анны Карениной» Л. Н. Толстого. Вслед за ним приведем цитату из «Дневника писателя» за 1877 г.: «...ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая остается та же, что ненормальность и грех исходит из нее самой» [Достоевский, 1878, с. 188-189].

Третья фраза с курсивом: «Мне безумно тяжело, как ни одному в мире человеку, и волосы мои седеют – но это другое. *Другое*. Страшное, неожиданное, невероятное в своей простоте» [Андреев, 1990, с. 388]. «Другое» в прозе Леонида Андреева сложно однозначно определить: это универсальное понятие, которое обладает сразу несколькими дефинициями. «Другим» может быть обозначено психоэмоциональное состояние, отличное от «нормального» по некоторым признакам. Оно может рождаться в «пограничной ситуации», о которой писал Карл Ясперс в работе «Введение в философию»: она характеризуется неприкосновенностью, что означает невозможность чело-

века никак повлиять на нее изнутри, она вводит в состояние беспомощности и ощущения тяжести бытия. Центральное ощущение, испытываемое человеком, – это отрешенность: от обыденной жизни, от привычных взглядов – происходит нарастание ужасной, кажущейся бесосновательной, тревоги.

Концепт «другое/иное» возможно также сопоставить с такой категорией эстетики, как «возвышенное», по-разному трактуемой в трудах Иммануила Канта и Эдмунда Бёрка. Поэтому можно сказать, что «другое» (или «иное») приобретает форму философского понятия, используемого для описания чувствования потустороннего, которое лишено именного и предметного выражения. В тексте Андреева оно тесно связывается с идейно-композиционным своеобразием, которое определяется жанровой поэтикой.

Бахтин в главе, посвященной роли речи героев у Достоевского, анализируя диалогические отношения, выделяет условия/обстоятельства их появления и развития. Они возможны не только, например, между разными языковыми стилями и диалектами, но и внутри цельного высказывания, принадлежащего одному субъекту. Оно дробится на несколько частей, каждая из которых представляет собой отдельно существующую, внутренне завершенную и отличную от других мысль. К каждому из элементов фразы могут быть выстроены диалогические отношения:

какое-то одно слово, концентрирующее в себе смысловую напряженность, становится двуголосным. Бахтин характеризует «чужое» слово как медленно подкрадывающееся и вкрадчиво нашептывающее – оно может уверенно маскироваться под собственные мысли героя, однако на деле представлять собой независимый, обладающий своей потенциальной силой. По замечаниям литературоведа, это одно из главных свойств текста Достоевского. Описывает его Бахтин так: «Нашептывание чужим голосом в ухо героя его собственных слов перемещенным акцентом и результирующее, неповторимо своеобразное сочетание разнонаправленных слов и голосов в одном слове» [Бахтин, 2002, с. 248].

Мысль Керженцева в повести Леонида Андреева облекается в самостоятельную форму, происходит почти буквальное отщепление от сознания героя. Если в некоторых случаях выделенные таким образом фразы воспринимаются читателем как продолжение мыслей героя, то впоследствии, в отдельных отрывках, этот чужеродно звучащий голос приобретает некоторые субъектные характеристики: «Но оно молчало, оно уже не хотело» [Андреев, 1990, с. 415], «Безумное одиночество, когда я не знаю, кто я, одинокий, когда моими устами, моей мыслью, моим голосом говорят неведомые *они*» [Андреев, 1990, с. 418]. В приведенных высказываниях можно наблюдать как физиче-

ское воплощение, появление местоимения «они», которые описываются Керженцевым как «неведомые» ему, так и психоэмоциональную самостоятельность, выраженную в волевом стремлении-проявлении. Однако оговоримся, что элементов фантастического в этом тексте Андреева нет: будучи в состоянии крайнего напряжения и внутреннего диссонанса, герою только кажется, что мысль, некогда ему послушная, отделяется от него, однако все происходит в рамках одного сознания. Таким образом, этот имагинативный объект поначалу вербально проявляется, но затем сводится к нулю и теряется из виду ближе к концу повести, к последнему монологу Керженцева: «Кто сильный даст мне руку помощи? Никто. Никто. Где найду я то вечное, к чему я мог бы прилепиться со своим жалким, бессильным, до ужаса одиноким "я"? Нигде» [Андреев, 1990, с. 418].

Стоит отметить особые случаи употребления курсива, которые выделяются на фоне остальных тем, что имеют принципиально важное значение для конструирования смыслового поля повести. В приведенных далее примерах создается устойчивая система оппозиций, в ней заложено потенциальное сопротивление (соединение в одном высказывании двух «голосов»), которое становится важной частью жанровой природы текста (вследствие этого – и композиционной структуры). В связи с этим выделяются сле-

дующие предложения: «*Но Алексей не был талантом*» [Андреев, 1990, с. 386], «*Эта мысль о грозной опасности моего опыта*» [Андреев, 1990, с. 392], «...не кажется ли вам, что уже не мною только был осужден на смерть Алексей, а и кем-то другим?» [Андреев, 1990, с. 405]. Кроме них важны и те, что выделяются в самостоятельные реплики, будто принадлежащие Мысли как самостоятельному герою повести: «*А весьма возможно, что доктор Керженцев действительно сумасшедший. Он думал, что он притворяется, а он действительно сумасшедший. И сейчас сумасшедший*» [Андреев, 1990, с. 408], «*«Ты думал, что ты притворяешься, а ты был сумасшедшим. Ты маленький, ты злой, ты глупый, ты доктор Керженцев. Какой-то доктор Керженцев, сумасшедший доктор Керженцев»*» [Андреев, 1990, с. 409-410].

В тексте есть несколько высказываний, курсив которых необходим для того, чтобы выделить соединяющее звено между сознанием Керженцева и других персонажей. К ним относится, например, следующая мысль: «*Именно голову и именно этой штукой намеревался я просадить, а теперь эта самая голова рассуждала, как это выйдет*» [Андреев, 1990, с. 403]. Кроме того, в ряде случаев курсив не используется, однако высказанное вслух одни из персонажей предположение становится роковым, словно заимствуется из сознания Керженцева, опережая его дей-

ствии. Это происходит в сцене убийства мужа Татьяны Николаевны, когда та не в силах выговорить почти ни слова и предупредить Алексея о задуманном: «Она думает, что я хочу убить тебя этой штукой» [Андреев, 1990, с. 406].

Интересны для дальнейшего изучения некоторые фразы, выделенные курсивом, которые требуют особой дешифровки и которые трудно сразу интерпретировать. Мы выделим два случая: «*Также прошу вас следить, чтобы не коптели лампы*» [Андреев, 1990, с. 402] и «Завесьте так же, как вы завешиваете их тогда, когда в доме стоит покойник. *Завесьте!*» [Андреев, 1990, с. 409].

Заключение

Курсив акцентирует внимание на фразе, которая должна восприниматься как дополнительный смысловой сегмент текста: происходит сгущение высказывания. Можно дать ему определение: «эмфатический курсив». В. Г. Адмони в книге «Система форм речевого высказывания» [Адмони, 1994] выделяет несколько признаков, которые связывают структуру всего художественного текста со структурой предложения. Один из них – это принцип напряжения. Утверждается, что если это подлинно художественный текст, то он должен захватить внимание читателя и не отпускать до самого финала. К. А. Филиппов в «Лингвистике текста» обращает внимание на то,

что «тексты воспринимаются читателем (или слушателем) не мгновенно, одновременно, а постепенно, обычно по мере движения текста от его начала к его концу. Но подлинное, адекватное восприятие текста становится возможным лишь после завершения процесса ознакомления с текстом, когда выявляется вся система отношений, организующих текст, во всей их полноте» [Филиппов, 2003, с. 95].

Адмони также замечает, что предложение в некоторых языках строится по аналогичному принципу: «В более широком плане это сказывается в общем стремлении поместить семантически наиболее важную (по аспекту познавательной установки говорящего) часть предложения, сообщающую нечто новое, “рему”, чем бы они ни была выражена, в самом конце предложения» [Адмони, 1994, с. 130]. Это имеет определенное значение для темы курсива в прозе Леонида Андреева. Как было сказано, курсив, будучи графическим средством, априори содержит в себе функцию выделительную, цель которой заключается в привлечении внимания читателя. Аналогично мысли об особенности построения высказывания, в художественном тексте заключительная маркированная фраза обладает «внутренним ударением». Поясним, что это может означать. Во-первых, автор может прибегнуть к такому средству для того, чтобы продублировать ранее уже сказанную мысль: так читатель

может обнаружить скрытый подтекст, который ранее не видел. Во-вторых, таким образом может быть подчеркнута чужая интонация, чужое слово, и в таком случае необходимо проанализировать построение всего высказывания (в том числе стилистическое своеобразие, если оно присутствует) и связать его с идейной линией текста (можно ли, к примеру, увидеть противоречия между маркированной фразой и всем остальным смысловым слоем произведения). С этим можно связать третий признак общности между художественным текстом и предложением, который выделяется Адмони. Под этой чертой он полагает «наличие у них обоих многослойности значений, лексических и грамматических, налегающих друг на друга» [Адмони, 1994, с. 131]. Он называет это базматиче-

ской структурой (нем. die Bathysmatik).

Таким образом, главный вывод применительно к особенностям употребления курсива автором повести «Мысль» сводится к тому, что курсив, понимаемый как маркер «чужого слова», показывает процесс трансформации психики главного героя повести: монологическое высказывание на протяжении всего повествования, обнажаясь, накаливается до тех пор, пока внутренний раскол не приведет к противостоянию двух «я» внутри Керженцева. Это выражается не только через оппозицию «здоровое/больное» относительно психического состояния, но и через такие возможные пары как «мой закон/всеобщий нравственный закон», «безнаказанность/правосудие» и др.

Библиографический список

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. Санкт-Петербург : Наука, 1994. 151 с.
2. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 1. Рассказы 1898–1903 гг. / Редкол.: И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; Вступ. статья А. Богданова; Сост. и подгот. текста В. Александрова и В. Чувакова. Москва : Художественная литература, 1990. – 639 с.
3. Бахтин М.М. Проблема текста // М.М. Бахтин. Собр. соч. : в 7 тт. Т. 5. Работы 1940-х – нач. 1960- гг. Москва : Наука, 1997. С. 306–328, 618–647.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского. Работы 1960-70-х гг. // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. Москва : Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. 505 с.
5. Беззубов В. Леонид Андреев и другие. Таллин : Ээсти раамат, 1984. 336 с.
6. Борисова И. М. К вопросу о специфике функционирования курсива в стихотворной речи (На материале поэзии Н. А. Некрасова) // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2005. № 11. С. 32–38.
7. Борисова И. М. Графический облик поэзии Ф. И. Тютчева // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2006. № 11. С. 8–12.
8. Борисова И. М. О композиционной роли графических формантов в поэме М. Ю. Лермонтова «Демон» // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2014. № 11. С. 8–13.

9. Виноградов В. В. О теории художественной речи. Москва : Высшая школа, 1971. 240 с.
10. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. Москва : Наука, 1980. 575 с.
11. Гак В. Г. Отображение сокровенного смысла // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. Москва : Языки славянской культуры, 2004. С. 489–496.
12. Гинзбург Л. Я. Об одном пушкинском курсиве // Вопросы литературы. 1980 № 4. С. 310–311.
13. Горшков А. И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. Москва : Изд-во Литер. ин-та им. А. М. Горького, 2008. 544 с.
14. Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии / Сост. Г. М. Фридлиндер (при участии Р. Д. Тименчика). Вступ. ст. Г. М. Фридлиндера. Подготовка текста и коммент. Р. Д. Тименчика. Москва : Современник, 1990. 383 с.
15. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. / [сочинение] Ф. М. Достоевского. Санкт-Петербург : типография В. Ф. Пуцыковича, 1878. 326 с.
16. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.]. Т. 5. Повести и рассказы. 1862–1866; Игрок: Роман / текст подгот. и примеч. сост. Е. И. Кийко Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1973. 407 с.
17. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 35 томах. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. Бедные люди. Повести и рассказы. 1844–1846. Санкт-Петербург : Наука, 2013. 813 с.
18. Захаров В. Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 1979. № 4. С. 21–27.
19. Карасев Л. В. Философия смеха. Москва : Рос. гуманитар. ун-т., 1996. 224 с.
20. Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера Москва : ИФРАН, 1999. 133 с.
21. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1996. 846 с.
22. Толковый словарь русского языка: В 3 томах. Т. 1 / сост.: Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, В. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. Москва : Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935. 828 с.
23. Успенский Б. А. Поэтика композиции. Санкт-Петербург : Азбука, 2000. 348 с.
24. Филиппов К. А. Лингвистика текста: Курс лекций. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 336 с.

Reference list

1. Admoni V. G. Sistema form rechevogo vyskazyvanija = The system of speech act forms. Sankt-Peterburg : Nauka, 1994. 151 s.
2. Andreev L.N. Sbranie sochinenij = Collected works: V 6 tt. T. 1. Rasskazy 1898–1903 gg. / Redkol.: I. Andreeva, Ju. Verchenko, V. Chuvakov; Vstup. stat'ja A. Bogdanova; Sost. i podgot. teksta V. Aleksandrova i V. Chuvakova. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. – 639 s.

3. Bahtin M.M. Problema teksta = The problem of text // M.M. Bahtin. *Sobr. soch.* : v 7 tt. T. 5. *Raboty 1940-h – nach. 1960- h gg.* Moskva : Nauka, 1997. S. 306–328, 618–647.
4. Bahtin M. M. Problemy pojetiki F. M. Dostoevskogo. *Raboty 1960-70-h gg.* = Problems of F.M. Dostoyevsky's poetics. Works 1960s-70s // Bahtin M. M. *Sobr. soch.*: V 7 t. T. 6. Moskva : Russkie slovari: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 505 s.
5. Bezzubov V. Leonid Andreev i drugie = Leonid Andreev and others. Tallin : Jejesti raamat, 1984. 336 s.
6. Borisova I. M. K voprosu o specifike funkcionirovanija kursiva v stihotvornoj rechi (Na materiale poezii N. A. Nekrasova) = On specific functioning of italics in poetic speech (Based on N. A. Nekrasov's poetry) // *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta.* 2005. № 11. S. 32–38.
7. Borisova I. M. Graficheskij oblik poezii F. I. Tjutcheva = The graphic image of F. I. Tyutchev's poetry // *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta.* 2006. № 11. S. 8–12.
8. Borisova I. M. O kompozicionnoj roli graficheskikh formantov v pojeme M. Ju. Lermontova "Demon" = On the compositional role of graphic formants in M.Y u. Lermontov's poem "The Demon" // *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta.* 2014. № 11. S. 8–13.
9. Vinogradov V. V. O teorii hudozhestvennoj rechi = On the theory of literary speech. Moskva : Vysshaja shkola, 1971. 240 s.
10. Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. O jazyke hudozhestvennoj prozy* = Selected works. On the language of literary prose. Moskva : Nauka, 1980. 575 s.
11. Gak V. G. Otobrazhenie sokrovennogo smysla = Depicting the innermost meaning // *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura: Sb. st.* Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. S. 489–496.
12. Ginzburg L. Ja. Ob odnom pushkinskom kursive // *Voprosy literatury.* 1980 № 4. S. 310–311.
13. Gorshkov A. I. *Russkaja stilistika i stilisticheskij analiz proizvedenij slovesnosti* = Russian stylistics and a stylistic analysis of literary works. Moskva : Izd-vo Liter. in-ta im. A. M. Gor'kogo, 2008. 544 s.
14. Gumilev N.S. *Pis'ma o russkoj poezii* = Letters about Russian poetry / Sost. G. M. Fridlender (pri uchastii R. D. Timenchika). Vstup. st. G. M. Fridlendera. Podgotovka teksta i komment. R. D. Timenchika. Moskva : Sovremennik, 1990. 383 s.
15. Dostoevskij F. M. *Dnevnik pisatelja za 1877 g.* / [sochinenie] F. M. Dostoevskogo. = The writer's diary of 1877 / [written] by F. M. Dostoyevsky. Sankt-Peterburg : tipografija V. F. Pucikovicha, 1878. 326 s.
16. Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t.* = Complete works: in 30 vols. / AN SSSR, Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom); [redkol.: V.G. Bazanov (otv. red.) i dr.]. T. 5. *Povesti i rasskazy. 1862-1866; Igrok: Roman / tekst podgot. i primech. sost. E. I. Kijko* Leningrad : Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1973. 407 s.
17. Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* = Complete works and letters: v 35 tomah. 2-e izd., ispr. i dop. T. 1. *Bednye ljudi. Povesti i rasskazy. 1844—1846.* Sankt-Peterburg : Nauka, 2013. 813 s.
18. Zaharov V. N. *Slovo i kursiv v «Prestuplenii i nakazanii»* = The word and italics in *Crime and Punishment* // *Russkaja rech'.* 1979. № 4. S. 21–27.

19. Karasev L. V. Filosofija smeha. = Philosophy of laughter. Moskva : Ros. gumanit. un-t., 1996. 224 s.
20. Lifinceva T. P. Filosofija dialoga Martina Bubera.= Martin Buber's philosophy of dialogue. Moskva : IFRAN, 1999. 133 s.
21. Lotman Ju. M. O pojetah i poezii: Analiz pojeticheskogo teksta. = On poets and poetry: The analysis of poetic text. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 1996. 846 s.
22. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: = Explanatory dictionary of the Russian language: V 3 tomah. T. 1 / sost.: G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, V. V. Tomashevskij, D. N. Ushakov; pod redakciej prof. D. N. Ushakova. Moskva : Gos. in-t «Sovetskaja jenciklopedija», 1935. 828 s.
23. Uspenskij B. A. Pojetika kompozicii.= The poetics of composition. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2000. 348 s.
24. Filippov K. A. Lingvistika teksta: Kurs lekcij.= Linguistics of text: a course of lectures. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003. 336 s.

Статья поступила в редакцию 24.03.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 26.05.2023.
The article was submitted on 24.03.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication on 26.05.2023

Научная статья
УДК 821.161.1-93/930.253; 008(1-6)
DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_100
EDN RYDQSK

**Рецепция культурологом Запада и Востока
в русской литературе рубежа XIX – начала XX столетий**

Николай Николаевич Иванов

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. В работе рассмотрена актуальная научная историко-литературная, историко-культурная проблематика: отражение, рецепция культурологом, мифем Запада и Востока в художественном сознании русских поэтов и писателей рубежа XIX – начала XX столетий: отчасти в символизме и преимущественно в неореализме, его ценностных установках, эстетике и поэтике на уровнях мотивов, архетипов, микрообразности.

Проблема рассмотрена в контексте художественно-онтологических и эстетических характеристик русской литературы обозначенного периода, а также литературы 1920–1930-х годов. Выдержаны монографический и тематический подходы к материалу, что позволило преодолеть искусственный разрыв наследия писателей на периоды и увидеть творческий поиск в единстве их мировоззренческих и эстетических устремлений.

В статье систематизированы личностно-биографические и типологические историко-литературные мотивы влечения русских мастеров слова к Востоку и Западу, конкретизирован мотив преодоления ментальных противоречий между ними; описаны порождённые обозначенной тенденцией художественные типы; последние представлены в контексте творческой эволюции писателей. Выдержанная в статье методология анализа, интерпретации художественных сочинений, публицистики, эпистолярная обусловила оригинальный взгляд на проблему писательского мастерства, дополнение сложившихся представлений о внутренней динамике литературного процесса. Откорректированы также научные точки зрения на преемственность разных периодов в русской литературе: рубеж веков, 1917 год,

1920–1930-е годы. Даны новые оценки многим не только известным, но и не введённым в широкий научный, читательский оборот произведениям.

Раскрытые тесные и плодотворные связи мироощущения, творчества поэтов, писателей с мифемами Запада и Востока позволили увидеть совсем другие, нежели принято считать, ориентиры литературы в постижении национальных традиций, противоречий интеллигентского сознания, духовного бытия русского человека.

Ключевые слова: русский неореализм; традиции в русской литературе, культуре; духовный мир русского человека; концепты национального бытия в искусстве; рецепция культурологом Запада и Востока в русской литературе; поэтика прозы; миф, мотив, архетип

Для цитирования: Иванов Н. Н. Рецепция культурологом Запада и Востока в русской литературе рубежа XIX – начала XX столетий. № 2 (16). С. 100-116. http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_100. <https://elibrary.ru/RYDQSK>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

Reception of culturologemes of the West and the East in Russian literature at the turn of XIX – early XX centuries

Nikolai N. Ivanov

Doctor of philological sciences, professor, department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The work deals with the actual scientific historical, literary and cultural problems: reflection and reception of culturologemes, mythemes of the West and the East in the artistic mind of Russian poets and writers at the turn of XIX – early XX centuries: partly in Symbolism and predominantly in Neorealism, in its attitudes, aesthetics, and poetics at the levels of motifs, archetypes, and micro-imagery.

The problem is considered in terms of artistic, ontological, and aesthetic characteristics of Russian literature of the above mentioned period, as well as the literature of the 1920s-30s. Monographic and thematic approaches to the material help to overcome the artificial division of the writers' heritage into periods and to see their creative pursuits in the unity of their world outlook and aesthetic aspirations.

The most significant results of the study are as follows: personal biographical and typological historical-literary motifs of the Russian writers' attraction to the East and the West are systematized and the motive of overcoming mental contradictions between them is specified; the artistic types generated by this trend are described and presented in the context of the writers' creative evolution. The methodology of the analysis, interpretation of literary works, journalism, epistolary works, determined an original view of

the problem of creative writing, supplementing the existing ideas about the internal dynamics of the literary process. The author has revised scientific points of view on the continuity of different periods in Russian literature (the turn of the century, 1917, the 1920s-1930s) and given new assessments of many works, not only well-known, but also not presented to a broad circle of scientists and readers.

Close and fruitful connections of Russian writers' worldviews and their works with the mythemes of the West and the East reveal, unlike it used to be generally accepted, quite different literary landmarks in comprehending national traditions, intelligentsia's mental contradictions and the Russians' spiritual existence.

Keywords: Russian Neorealism; traditions in Russian literature, culture; the spiritual world of the Russians'; concepts of national existence in art; reception of culturologemes of the West and the East in Russian literature; poetics of prose; myth; motive; archetype

For citation: Ivanov N. N. Reception of culturologemes of the West and the East in Russian literature at the turn of XIX – early XX centuries. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 2(16): 100-116. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_100. <https://elibrary.ru/RYDQSK>.

Введение

Положение России в Мире – особое. Наблюдаемые сегодня цивилизационные сдвиги имеют глубинные корни, уходящие в народные традиции, сложные, не описываемые линейной геометрией сферы духовного бытия и национального сознания русских людей. Вопросы о России, русском народе, находящиеся между Западом и Востоком не только географически, но и духовно, остающиеся при этом самодостаточными, уникальными и одновременно, как писал Ф. М. Достоевский, всемирными, поставлены русской философией, искусством, публицистикой, по меньшей мере, уже в середине XIX столетия; пульсацию этого нерва напряжённого поиска наблюдаем в сочинениях К. Н. Леонтьева и Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского, братьев Аксаковых и Л. Н. Толстого.

Памятен и легендарный панмонголизм В. Соловьёва, магнетически влиявший на мироощущение русского символизма, прежде всего, А. А. Блока; не остались в стороне ключевые фигуры футуризма – например, В. Хлебников. Глубокие, уникальные интерпретации поднятой проблемы наблюдаем в творчестве М. Горького, Л. Н. Андреева, М. М. Пришвина, И. А. Бунина, многих других выдающихся отечественных мастеров слова.

Русскую литературу, изобразительное искусство, театр мудрость Запада и мудрость Востока интересовали в возможных проекциях на скрытые потенции общества, человека. Важно учитывать, что в творческой среде идеологемы, мифемы Запада и Востока осмысливались неоднозначно. Это определялось и личностными устремлениями, и эстетическими принципами, и,

наконец, субъективными взглядами, пристрастиями, симпатиями. Но, в любом случае, мы видим талантливые высокохудожественные произведения литературы, живописи, театра. Противоречиями, прежде всего, ценностного характера пронизано само интеллигентское сознание рубежа веков, однако русская литература преодолела схематичные, надуманные версии Запада как воплощения индивидуализма, а Востока – симфонизма. В обоих были открыты энергии разума и гармонии, путь к высшей духовности, проявлен, как говорил Н. К. Рерих, далёкий взгляд вперёд, обращённые к России концепции мира и человека.

Полагаем, что современного исследователя литературы заинтересует конспективный обзор намеченных здесь вопросов.

Культурная оппозиция

«Запад – Восток»

в художественном сознании русской литературы

*Рецепция русской литературой
рубежа XIX – начала XX столетий
культурологем Запада и Востока
как художественно-эстетическая
тенденция*

Напряжённый художественно-эстетический поиск характеризует литературу рубежа XIX – начала XX столетий: обновление повествовательных форм, апелляция к различным верованиям, философским системам, всякого рода школам мудрости и знания [Иванов, 2020]. Тен-

денция охватила не только неореализм и символизм, но даже футуризм. Она состояла в новом прочтении, открытии мифа, народной культуры, христианства в его неохристианском изводе, языческой культуры в изводе неоязыческом. Тенденция была порождена стремлением русской творческой интеллигенции поновому, с учётом реалий рубежа веков, пересмотреть, откорректировать поставленные, но нерешённые литературой XIX века проблемы: ценности личностного бытия, человек и его место в мире, перспективы развития нации. На этой волне и возникло влечение к мифемам, культурологемам Запада и Востока.

Неповторимый в каждом направлении, индивидуальности, отдельном произведении интерес к Западу и Востоку имеет определённую типологию. Исключительность творческих персоналий начала XX столетия не отменяет глубинных связей между ними. Художественное сознание русского символизма, неореализма, каждое по-своему, впитало сакральные смыслы масонства, эзотерики, антропософии, даосизма, дзен-буддизма. М. М. Пришвин, вспоминая одно из первых своих посещений Петербургского религиозно-философского общества в сопровождении А. М. Ремизова, отметил, как Ремизов неформально разделил бывавших там философов, поэтов, писателей на *своих* и *иностранцев*: свои – Розанов, он, Ремизов; *иностранцы, сектанты* в русской ли-

тературе – Мережковский, Блок [Пришвин, Наши берега ... ; Пришвин, Письмо Ремизову ...]. Подоплёка такого субъективно-эмоционального деления угадывается, но мысль, культурологемы Запада влияли на художественное сознание более широкого круга творческой интеллигенции.

Уникальным порождением западной мысли является эзотерика. Это синтетичное учение во многом, однако, взаимодействует с философией Востока. Праотец эзотерики – библейский Адам [Колесов, 2009], имевший последователей в лице пифагорейцев и орфиков, алхимиков и розенкрейцеров; в этом ряду достойных мудрецов можно лицезреть и Платона, и Гермеса Трисмегиста. На рубеже XIX – XX столетий эзотерические идеи развивали Р. Штайнер, Е. П. Блаватская. Эзотеризм, антропософия были востребованы русской литературой, философией, культурой; центром интереса к ним стало Петербургское религиозно-философское общество. Лекции, эксперименты Штайнера по расширению сознания существенно повлияли на личность молодого поэта и прозаика А. Н. Толстого, о чём он восторженно сообщал из Германии своими многочисленным респондентам [Переписка А. Н. Толстого. Т 1, 1989].

В отличие от А. М. Ремизова или М. М. Пришвина, М. Горького сложно отнести к частым гостям Петербургского религиозно-философского общества. Более то-

го, уже в советскую эпоху истории литературы открылись его противоречивые и даже негативные суждения в адрес представителей этого легендарного собрания русской творческой интеллигенции. Тем не менее Горький свободно ориентировался в теории и практике эзотеризма, антропософии, масонства, что подтверждает, в частности, характер помет на полях книг, изученных нами в его личной библиотеке в Москве в особняке Рябушинского [Личная библиотека А. М. Горького в Москве, 1981]. Подходы Горького к «живому знанию» были разносторонними; обширен и разнотемный круг его чтения, охвативший антропософию и эзотерику, индуизм и дзен-буддизм, даосизм и современную Горькому науку о человеке: «Мир как воля и представление», «Духовидение» А. Шопенгауэра, Трактаты даосских мудрецов, «Книга перемен», «Рефлексы головного мозга» И. Павлова.

Западные мессианство и исключительность: между масонством, ницшеанством и учителем Христом. Оппозиция культуры и жизни. Учитель-мессия в интерпретации М. Горького и М. Пришвина

В западной культурной традиции сформировалось и масонство; русские писатели предложили свои художественной версии этого учения, одним из таких авторов был М. Горький. Горьковские рефлексии относительно проблематики масонства буквально рассыпаны по

страницам и автобиографической трилогии, и навеянных странствиями, бродяжеством циклов рассказов, например, «По Руси». Развёрнута масонская тема и в повести «Жизнь Клим Самгина».

Юного Алексея Пешкова масонская мудрость захватила гипнотически; истории о вольных каменщиках очаровали его. Чтение тайных книг осмыслено как один из этапов духовного роста автобиографического героя повести «В людях». Улавливается даже некая претензия на исключительность, причастность к посвящённым, в отличие от профанов, находящихся за пределами масонского круга.

Юноше лестно оказаться в поле притяжения Адама или орфиков, узреть себя в тени Фауста. Подобное каплям мёда желанное знание формирует личность. История Адама, получившего мудрость Свыше, тонко, ассоциативно отзывается в сюжете повести «В людях». В финале же автобиографической трилогии, в повести «Мои университеты», звучат другие мотивы, но подготовленные предшествующими. Добравшись до берегов Каспия, примкнув к небольшой артели рыболовов, герой Горького входит в мир ещё более широкий, чтобы реализовать миссию учительства. Если в повести «В людях» он учился, постигал книжную премудрость, если в повести «Мои университеты» снова учился, ещё более осваивая, как он писал, «тугие узлы и петли загадок бытия», то

по завершении трилогии он готов учить сам. Упоминание Каспия, артели рыболовов – это аллегорические отсылки к евангельской истории, включение в свой текст текста чужого, но узнаваемого: призвание Христом первых учеников из артели рыболовов на море Галилейском. Горький не настаивает на этой параллели открыто, но сопоставление прочитывается. Алексей Пешков вступает в новый круг развития, где его, уже познавшего мудрость, ждут великие дела: не учение, но учительство. Логичное завершение пути главного героя в повести, но только не в литературной его судьбе. Финал трилогии открыт.

Несколько ранее, в 1913 году, Горький укрупнил, детализировал ряд фактов своей биографии в повести «Хозяин», наполнил её сакральным смыслом. Странствуя по Руси, Алексей пришёл в Казань; в преддверии зимы нужно было искать крышу и хлеб. Так он оказался в булочной Василия Семёнова. Формально, сюжетно излагается постижение профессии хлебопёка, знакомство с трудным бытом простых русских людей, очень далёких от архетипа богочеловека. Аллегорично же писатель ненавязчиво вводит в повествование, варьирует глубинные библейские смыслы, а бытовые детали получают бытийное наполнение: мука, закваска, хлеб – все детали архетипичны и накладываются на евангельские речения о хлебе едином, о пище

телесной и духовной, о тонкой грани между телом и душой.

Горький представлял жизнеустройство идеальным, если оно сотворено по законам искусства, красоты. И такая тенденциозность – следствие писательских предпочтений: книга, книжность доминируют над жизнью; идеальный мир выше материального. Идеализация книги, знания, идея учителя – ведущие личностные характеристики М. Горького – человека, мыслителя. Первая часть автобиографической трилогии, повесть «Детство», начата около 1914 года. Учитель – это человек культуры, но Пешков не был таким официально. Он не имел никакого, подтверждённого дипломом образования, не владел иностранными языками, не играл на музыкальных инструментах. Прожив в Италии более 13 лет, не выучил итальянского – одного из самых простых европейских языков. Латынь, как известно, основа европейской университетской образованности. Любопытный факт: евангельские аллюзии прочитываются даже в биографии М. Горького. Алексей Максимович мог поприветствовать на итальянском рыбаков на пристани в Сорренто, куда ходил за свежей рыбой; первые ученики Христа были простыми необразованными людьми, рыбаками, например, но стали христианским подвижниками.

Роль демиурга, мироустроителя Горький, называвший себя человекопоклонником, отводил человеку

будущего; однажды он написал Л. Н. Толстому, что его человек – это «вместилище Бога живого», которого он понимал как «неукротимое стремление к совершенствованию, к истине и справедливости» [Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 2, 1987, с. 377]. В этом письме отчётливо просматриваются исключительно западные философские индивидуализм, волюнтаризм – нищезанятие. Отражением, точнее, воплощением данной философии станут героини-индивидуалисты, нищезанятцы так называемых ранних романтических рассказов Горького: «Старуха Изергиль», «Челкаш» и других. Заявленная позиция продублирована в письмах бесчисленным горьковским адресатам, например, Е. К. Малиновской, 1904 г.: «Вера в силы мысли – живое, постоянно, вместе с мыслью растущее чувство, гордое и свободное – это вера человека в себя самого <...> Гармония в человеке – слияние чувства и мысли в одно пламя, в одну могучую сущность» [Переписка М. Горького. Т. 1, 1986, с. 250]. И вновь при упоминании пламени как личностной характеристики человека возникает тема огнепоклонничества, возможно, христианская, возможно, ещё более древняя – зороастрийская; а где-то рядом – образное воплощение столь величественной идеи – сердце Данко.

Аналогичный по тематике материал, но в ином оценочном поле, представлен в сочинениях, дневни-

ках М. М. Пришвина. Потомственным аристократом как И. Бунин, как А. Н. Толстой, он не был [Нежданый, как цветок над бездной, 2020]. Дворянин в 3 поколении: из купцов елецких, но дед, по отцу, Дмитрий, купил дворянское имение; далее Михаил Дмитриевич – второе поколение дворян, далее Михаил Михайлович – дворянин в третьем колене. Пришвин, однако, противоречие культуры (книги) и жизни (земли) видел глубже Горького, трактовал его иначе. В Елецкой гимназии Пришвин учился у Василия Розанова, затем в Риге, затем в Лейпциге, в том же университете, в котором учился Гёте, о чём автор этих строк писал не раз; Пришвин очень неплохо владел языком Фауста и Гёте – немецким. Трагизм противоречия культуры, интеллигентского мессианства, учительства и жизни, построенной от земли, Пришвин развернул в повести «Мирская чаша»; показал недалёковидность, опасность модели жизнедеятельности по культурным идеологемам, художественным законам. Движение, ход, ритм жизни определяют законы иные: солнцеворот, рост зерна; зерно растёт, пока солнце совершает небесный круг, медленно, и ускорить это движение революционными методами и невозможно, и преступно. Ещё преступнее переделывать природу человека. Горький думал по-другому. Лейтмотивом этой повести стал тезис о народе, живущем хлебом и только хлебом, об интеллигенции, предпочитающей

книгу, но книгой сыт не будешь. Главный герой – учитель Алпатов – выслушивает контрдовод относительно учительства. Народный аргумент состоит в том, что учитель, как Христос, может ходить, учить и не работать. И за подобными утверждениями Пришвин усмотрел противоречие как между интеллигенцией и народом, так и между культурой и жизнью.

В 1920 – 1930-е годы Горький оказался в самом центре идеологов и творцов нового мира и, следуя духу времени, оставаясь верным идеалистическим (умозрительным, отвлечённо-книжным) представлениям о человеке, увлёкся проектами физического бессмертия и вечной жизни, победы над природой и смертью [Спиридонова, 2016]. Противоречие между социальным и личным ушло на второй план. Идеи писателя о власти разума над «всеми тайными силами» земного богатства вдохновляли создание так называемого Института человека – вполне реального и конкретного проекта. К людям подобного типа Горький причислял и «мудреца» М. Пришвина, в книгах которого читатель встречает не природу, а «Землю, Великую Матерь нашу» [Горький, 1949 – 1955. Т. 24, с. 266; Иванов, 2022].

*Романтика Востока.
Панмонголизм. Две души
русского человека*

В сторону Востока русские литераторы смотрели не менее при-

стально, чем на Запад. Интерпретации, однако, были совершенно различными. Панмонголизм В. Соловьёва стал эпиграфом поэмы А. Блока «Скифы», 1918 г.: «Панмонголизм! Хоть имя дико, но нам ласкает слух оно...». Александр Блок – петербургский университетский интеллигент, западный человек, каким его видел А. Ремизов, с весомой долей немецкой крови, за Уралом никогда не бывавший, но поэма избилует восточноцентристскими акцентами, вектор Русского Мира в ней направлен на Восток, миллионам людей Запада противопоставлены тьмы Востока.

М. Горькому импонировала аксиома о религиозном дуализме русского народа, в нашей оценке – спорная; в его версии этот дуализм – как христианство и язычество, так и Запад и Восток, открытые им в национальной истории, культуре, русском христианстве, в мифологии и фольклоре и знаковых для Горького людских типах, подвергшихся пристальному авторскому исследованию.

В этом плане показательна статья «Две души», опубликованная в декабрьском номере журнала «Летопись» за 1915 год. Горький назвал человека Востока рабом и слугой своей фантазии, творцом основных религий и противопоставил его человеку Запада – вождю и хозяину своей мысли. Развивая это противопоставление, Горький как и ранее, как будет и позднее, следует своей концепции культуры, дей-

ствия, активности как критериев в отношении к человеку и подводит читателя к главному, заявляя, что «у нас, русских, две души: одна – от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя <...> а рядом с этой бессильной душой живет душа славянина» [Горький, 1918, с. 180]. В этой статье, как и в письме Малиновской, Горький, характеризуя духовный мир, прибег к огненной символике, когда говорил о душе славянина, которая может вспыхнуть и гореть красиво и ярко.

Оппонируя автору статьи «Две души», Л. Н. Андреев увидел и в ней, и в журнале «Летопись» философию того самого славянина, пассивного и бездеятельного, «мрачный пессимизм, слабование и пассивность которого столь настойчиво противопоставляются яркой активности воюющего Запада» [Андреев, 1916, с. 110]. 9 марта 1916 г. Горький, очень расстроенный, писал В. Брюсову по поводу статьи: «Я знаю, что статья написана неумело и что вообще публицистика – не моя работа» [Горький, 1949 – 1955. Т. 29, с. 354].

В творчестве Горького широко представлен тип бродяг [Леднева, 2008]. «Всё это – никудышный народ, мечтатели, ожидающие счастливого случая, доброй улыбки судьбы, или – лентяи, опьяненные широким простором богатой земли, пленники русской страсти к бродяжеству» [Горький, 1987. Т. 4, с. 406, 407]. География бродяг подчинена мотиву поисков иного цар-

ства: «По стене хаты расплзлись трещины и вместе с язвами выкрошившейся известки сделали стену картой какой-то неведомой страны» [Горький, 1987. Т. 4, с. 433].

Вот горьковские интерпретации русской истории и фольклора как отражение национального пессимизма и фатализма, продуцированных менталитетом Востока. В июле 1910 г., за пять лет до статьи «Две души», он запрашивал у профессора Н. Ф. Сумцова книгу А. А. Потебни «О доле и сродных с нею существах», чуть позже настойчиво конкретизировал свой интерес: «Я искал эту книгу четыре года <...> Статью Потебни «О доле и сродных и т. д.» искал два года <...> Нет ли у Потебни статей, аналогичных статье «О доле», не знаете ли Вы других авторов, писавших о доле, судьбе, подсудьбинках? Очень прошу ответить» [Горький, 1949 – 1955. Т. 29, с. 226]. В январе 1912 г. он обратился к Д. Н. Овсяннико-Куликовскому: «Три Ваши книги получил <...> Очень просил бы прислать и Ваши работы по мифологии» [Горький, 1949 – 1955. Т. 29, с. 214]. В плане расстановки акцентов красноречиво письмо этнографу З. И. Харциеву, май 1912 г.: «Странное дело: века народ русский поёт и плачет о Доле, века тщится одолеть Судьбу и подчиняется ей, побеждённый, а наши фольклористы по сей день не дали сборника «Песен о Доле» <...> Надобно бы нам заняться изучением корней психики и мироощуще-

ния народа-то нашего!» [Горький, 1949 – 1955. Т. 29, с. 241].

Русские типы, захваченные буддийскими идеями: национальный гений Л. Н. Толстой; величайший интуитивист современности – Н. Рерих

Смерть Л. Н. Толстого стала для М. Горького сильным ударом: их связывали давняя дружба, тесные писательские отношения. Отметим одну, типологическую, сторону его реакции, развёрнутой в письме супруге – Е. П. Пешковой. В письме, как в публицистической статье, Горький рассуждает о восточном, славянском, русском, пассивизме. Письмо сочинено за пять лет до статьи «Две души». «Ты знаешь, как ненавистна мне эта проповедь пассивного отношения к жизни, ты должна понять, как пагубны буддийские идеи в стране, насквозь пропитанной фатализмом <...> Но, как национальный гений, он отразил в себе все дурные свойства нации, все уродства, нанесённые ей историей, и его проповедь – отрыжка древности глубокой, кипение татаро-финской крови, коя, видимо, химически враждебна Западу» [Переписка Горького. Т. 1, 1989, с. 425]. Концепция фатализма страны выглядит как надуманной, так и глубоко продуманной: возможно, где-то вычитанной или от кого-то услышанной ещё в молодости. Примечательно, что мотивов национального фатализма, осмысливаемых бы автобиографическим

героем, в повести «Мои университеты» не встречается.

В одном из писем А. В. Луначарскому: «У лучших представителей нашей литературы – преобладает мироощущение фаталистическое и <...> такие колоссы, как, например, Толстой, – вполне национальны. Весь русский фольклор пропитан фатализмом: возьмите учение о судьбе, Долях, Горе-Злочастье и общее, всюду в сказках и песнях выраженное убеждение в том, что воля человека – бессильна в борьбе с окружающими её таинственными и непобедимыми волями <...> русская интеллигенция наиболее дееспособна и духовно бодра именно тогда, когда она живет активными идеями и настроениями Запада. Тут – как бы борьба двух кровей: арийской – славянской, побуждающей к возрождению и слиянию с Западом – и монгольской – отравленной фатализмом, стремящейся к покою» [Переписка Горького. Т. 1, 1989, с. 441, 442].

Адепта Востока Н. К. Рериха М. Горький называл «прорицателем», «величайшим интуитивистом современности» [Кузнецова, 2000, с. 224]. Н. Рерих оставил воспоминания, написал о М. Горьком два очерка; оба – в Индии: «Горький», 1936; «Голос Горького», 1941. Допускаем, что интерес Горького к личности, искусству Рериха продиктован стремлением увидеть в творчестве «величайшего интуитивиста» отражение или воплощение «двух душ» русского человека, но уже в иной, нежели у самого Алексея

Максимовича, версии. В принадлежности Рериха к типу русско-славянско-восточному Горький не сомневался.

10 октября 1947 г. Рерих написал бывшему секретарю Л. Н. Толстого В. Булгакову: «Во-первых, А М выказывал мне много дружества и называл великим интуитивистом. Во-вторых, семь картин «Красного Всадника – Гималайские, и я почувял, что в них А М тянулся к Востоку» [Булгаков, 1969, с. 290 – 291]. Узнав о смерти Горького, Рерих пишет в очерке о нём: «Через все уклоны жизни, всеми путями своего разностороннего таланта Горький шёл путём русского народа, вмещая всю многогранность и богатство души народной» [Рерих. Из литературного наследия, 1974, с. 399, 400]. В очерке «Друзья» Н. К. Рерих в числе своих друзей называет и Л. Н. Андреева [Беликов, 1968].

Малоизвестный факт: в годы идеологического неприятия творчества Н. Рериха советской властью Горький буквально спас несколько его картин, разместив их в столовой на своей даче в Горках, позднее передал Художественному музею родного города. В настоящее время эти картины можно увидеть среди других работ Рериха в экспозиции Нижегородского государственного художественного музея (всего восемь): картина «Соглядатаи», 1900; эскиз декорации к опере А. Бородина «Князь Игорь»; «Половецкий стан»; «Тропа прямоезжая», 1912; несколько других.

В середине 1920-х Рерих с семьёй совершил экспедицию на Восток: Индия, Китай, Монголия. Экспедиция длилась несколько лет. Тогда же была написана серия картин «Майтрейя»: «Мошь пещер», «Твердыни стен», «Шепоты пустыни (Сказ о Новой Эре)», «Знамя грядущего», «Майтрейя победитель», «Конь счастья». Эти картины и спас Горький.

В картинах Рериха доминируют золотистый, лимонный, багряный и оранжевый цвета. Эти картины дополнили представления Горького о Востоке: природе, истории, мифологии Индии, Китая, Тибета.

На картине «Соглядатаи» разведчики-кочевники, посланцы степи, внимательно изучают из-за укрытия русский город. Лиц не видно, и о реакция можно лишь догадываться. Вероятно, они потрясены новым, чудным миром. Картина является обобщённым рассказом о встрече двух цивилизаций – Востока и Запада, при этом в роли Запада выступает русский, славянский, город. Эта картина тематически перекликается с другой – «Половецкий стан».

Эскиз декорации к опере А. Бородин «Князь Игорь» отсылает зрителя как в русское Средневековье, так и в героические эпохи древности; о сказочной, мифологической древности, о героическом былинном прошлом говорит и картина «Тропа прямоезжая».

Серия картин «Майтрейя» детализирует индийскую мифологию. Рерих созвучен Горькому по всем

означенным выше направлениям: имеются в виду горьковские выкладки относительно теории двух душ русского человека. В каком-то смысле, и небезосновательно, Горький узнал в Рерихе того самого кочевника-монгола, о котором он, Горький, писал много и настойчиво.

«На меня оно всегда так действует: сердце до слез радо, ликует: ой, как это хорошо, и до чего наше, русское, мое! А разум сердится, свирепо кричит: да ведь это же бесформенная путаница слепых чувств, нелепейшее убожество, с этим жить – нельзя, не создашь никакого «прогресса»! И – начинается бесплодное борение двух непримиримых отношений к России: не то она несчастная жертва истории, данная миру для жестоких опытов <..> не то Русь сама себя научает тому, как надо жить <..> Отсюда видишь, что Русь, при всей душевной спутанности своей, чувствует жизнь острее, шире, а к издевкам её относится более человечески обидчиво, чем, напр., немец. Может быть, и бестолковые, но мы более бесстрашно пытаемся развязать тугие узлы и петли загадок бытия» [Переписка Горького. Т. 2, 1986, с. 165, 166, 167].

Русский интеллигент Клим Самгин

Название журнала «Летопись», на страницах которого была опубликована статья «Две души», отражает позицию редакции, направленность журнала: спокойное, размеренное повествование о событиях окружающей действительности.

В повествовательной манере выдержана и окурковская диалогия М. Горького – романы «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина». В такой же манере беспристрастного повествования написан и главный труд Горького – книга об истории русской интеллигенции, не роман, а именно повесть, «Жизнь Клим Самгина». Главный герой Клим Самгин не живёт «активными идеями и настроениями Запада», не стремится к слиянию с ним, сложно предположить наличие у него арийской крови.

Вступая в профессиональную журналистику, литературу, М. Горький в качестве корреспондента оказался на Нижегородской торгово-промышленной выставке и в национальном павильоне открыл для себя исполнительницу былин Арину Федосову, затем посвятил ей очерк «Вопленица». Примерно то же проделал и Самгин; автобиографический мотив очевиден. В подтверждение приведем впечатления Самгина: «Федосова начала сказывать о ссоре рязанского мужика Ильи Муромца с киевским князем Владимиром. Самгин, снова очарованный, смотрел на колдовское, всеми морщинами говорящее лицо <...> Умом он понимал, что ведь матёрый богатырь из села Карачарова, будучи прогневан избалованным князем, не так, не этим голосом говорил, и, конечно, в зорких степных глазах его не могло быть такой острой иронической усмешечки» [Горький, 1949 – 1955. Т. 8, с. 773].

Воспитание Клим не отличалось почвеннической направленностью, обострённого интереса к русской истории, культуре он не проявлял. Скорее всего, Самгин не знал былинной географии, чего не скажешь о М. Горьком, наделившем мифологизированного персонажа былинного эпоса теми чертами, которых тот изначально не имел. Поэтому *случайное* переселение Ильи из Муром в Рязань объяснимо, объяснимо и антропологические неточности: «зоркие степные» глаза Ильи могут быть и раскосыми, как у Майтрейи на картинах Рериха, а кровь не арийская, но с хорошей примесью степной: татарской, половецкой, и тогда наличие души «от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя», наличие монгольской крови, «отравленной фатализмом, стремящейся к покою», будет доказано. Самгин не отличается ни дееспособностью, ни духовной бодростью, не живёт он активными идеями и настроениями Запада. Героическое былинное прошлое, о котором рассказала вопленица Арина Федосова, оттеняет слабость, безволие Самгина. Горький словно «прикрылся» невведением Самгина, чтобы развернуть свои культурософские идеи и воспроизвести концепцию двух душ в образе типичного среднего русского интеллигента.

Заключение

Разностороннее изучение русской литературы рубежа XIX – начала XX столетий со стороны

сформулированной нами проблемы позволило получить значимые научные результаты. Культурологи в данной работе понимались как те ценностные, исторически сложившиеся знаковые сущности Запада и Востока, которыми определяются как индивидуальные, личностные характеристики человека, так и тенденции, закономерности национального бытия. В этом смысле культурологи Запада и Востока выступают в роли узнаваемых маркеров. Мифемы – смылоразличительные мифологизированные представления о Западе и Востоке. Русскую литературу интересовали, прежде всего, место человека среди других людей, обращённость к Небу и Земле, жизненная позиция и предназначение личности, отношение к деянию, активность и пассивизм, инструменты достижения счастья. Охватить в одной работе столь широкий круг вопросов нереально, но конкретно проговорить содержательную сторону рецепции русской литературой культурологом, мифем Востока и Запада удалось.

В статье представлена лишь часть работы по изучению эпистолярная, дневников, художественных произведений М. Горького, М. Пришвина, Л. Андреева, но и

она убеждает в правоте сделанных заключений: Запад и Восток воспринимались индивидуально, неповторимо, часто дискуссионно, но всегда талантливо и глубоко. Идеализируя культуру Запада, зная как таковое, М. Горький последовательно разрабатывал художественные типы, охваченные мессианскими идеями учительства, просвещения. Герои, воплотившие авторские устремления, отмечены исключительностью, могут быть противопоставлены окружению, толпе. И он же, Горький, с наименьшей убедительностью и глубиной писал об интуиции и интуитивизме как высочайших достижениях человеческого духа. Обе грани открытий писатель проецировал на внутренний мир русского человека, традиции и перспективы национальной жизни. М. Пришвин сходные вопросы формулировал и разрешал по-своему. Думаем, что очертить типологические сходства и отличия между разными творческими индивидуальностями нам удалось. Полагаем также, что последующая разработка намеченного здесь направления существенно дополнит сложившиеся представления и о творчестве отдельных авторов, и о всей русской литературе первых десятилетий XX века.

Библиографический список

1. Андреев Л. Н. О «Двух душах» М. Горького // «Современный мир». 1916. № 1. отд. 2, С. 108–112.
2. Беликов П. Ф. Рерих и Горький // Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 217. Труды по русской и славянской филологии. XIII. Горьковский сборник. Тарту : Тартуский университет, 1968. С. 251–265.

3. Булгаков В. Ф. Встречи с художниками. Ленинград : Художник РСФСР, 1969. 302 с.
4. Горький А. М. Две души // Горький А. М. Статьи. 1905–1916. Петроград : Парус, 1918. 212 с. С. 174–187.
5. Горький М. Собрание сочинений : [в 30 томах]. Москва : ГИХЛ, 1949 – 1955.
6. Горький М. Собрание сочинений : [в 12 томах]. Москва : Современник, 1987.
7. Иванов Н. Н. Культурный мифопоэтический код Востока в творчестве М. Пришвина: русский корень жизни Жень-шень // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3. С. 139–150.
8. Иванов Н. Н. Философия, эстетика и поэтика творчества Михаила Пришвина : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.
9. Князева В. П. Н. Рерих. Москва : Искусство, 1968. 160 с.
10. Колесов Е. Н. 13 врат эзотерики. История эзотерических учений от Адама до наших дней. Пенза : Золотое сечение, 2009. 244 с.
11. Кузнецова И. Н. А. М. Горький и Н. К. Рерих // Максим Горький на пороге XXI столетия / Горьковские чтения, 1998 г. Том II. Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2000. С. 223 – 227.
12. Леднева Т. П. Проблема поэтики раннего М. Горького в критическом и историко-литературном осмыслении 1920-2000-х гг. (статья вторая) // Вестник Удмуртского государственного университета. Вып. 3. История и филология. Ижевск : РИО УДГУ, 2008. С. 109–122.
13. Личная библиотека А. М. Горького в Москве / Описание в двух книгах. Москва : Наука, 1981.
14. Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1987.
15. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Санкт-Петербург : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. 1903. 530 с.
16. Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют. Семейный дискурс русской и мировой литературы: монография / науч. ред. Е. М. Болдырева. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 271 с.
17. Переписка А. Н. Толстого : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1989.
18. Переписка М. Горького : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1986.
19. Пришвин М. М. Наши берега / из книги «Искусство как образ поведения» ЦГАЛИ. ф. 2569 /Н. Н. Замошкина / оп. 1. ед. хр.535. л. 3.
20. Пришвин М. М. Письмо А. М. Ремизову. 21 ноября 1909 г. ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд Ремизова. № 634. оп. 1. ед. хр.175.
21. Рерих Н. К. Из литературного наследия / под ред. М. Т. Кузьминой. Москва : Изобразительное искусство, 1974. 534 с.
22. Рерих Н. К. Письмо В. Ф. Булгакову от 10 октября 1947 г. // Булгаков В. Ф. Встречи с художниками. Ленинград : Наука, 1969. С. 290 – 291.
23. Спиридонова Л. А. Настоящий Горький: мифы и реальность. 2-е издание, измен. Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 2016. 384 с.

Reference list

1. Andreev L. N. O «Dvuh dushah» M. Gor'kogo = On Two Souls by M. Gorky // «Sovremennyj mir». 1916. № 1. otd. 2, S. 108–112.
2. Belikov P. F. Rerih i Gor'kij = Roerich and Gorky // Uchjonye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 217. Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. XIII. Gor'kovskij sbornik. Tartu : Tartuskij universitet, 1968. S. 251–265.
3. Bulgakov V. F. Vstrechi s hudozhnikami. = Meetings with artists. Leningrad : Hudozhnik RSFSR, 1969. 302 s.
4. Gor'kij A. M. Dve dushi = Two Souls // Gor'kij A. M. Stat'i. 1905–1916. Petrograd : Parus, 1918. 212 s. S. 174–187.
5. Gor'kij M. Sobranie sochinenij = Collected works: [v 30 tomah]. Moskva : GIHL, 1949 – 1955.
6. Gor'kij M. Sobranie sochinenij = Collected works: [v 12 tomah]. Moskva : Sovremennik, 1987.
7. Ivanov N. N. Kul'turnyj mifopojeticheskij kod Vostoka v tvorcestve M. Prishvina: russkij koren' zhizni Zhen'-shen' = Cultural mythopoetic code of the East in M. Prishvin's works: the Russian root of life ginseng // Mir russkogovorjashhijh stran. 2022. № 3. S. 139–150.
8. Ivanov N. N. Filosofija, jestetika i pojetika tvorcestva Mihaila Prishvina = Philosophy, esthetics and poetics in Mikhail Prishvin's work: monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 175 s.
9. Knjazeva V. P. N. Rerih. = Roerich. Moskva : Iskusstvo, 1968. 160 s.
10. Kolesov E. N. 13 vrat jezoteriki. Istorija jezotericheskijh uchenij ot Adama do nashih dnejj = 13 gates of esotericism. A history of esoteric teachings from Adam to the present day. Penza : Zolotoe sechenie, 2009. 244 s.
11. Kuznecova I. N. A. M. Gor'kij i N. K. Rerih = A.M. Gorky and N.K. Roerich // Maksim Gor'kij na poroge XXI stoletija / Gor'kovskie chtenija, 1998 g. Tom II. Nizhnij Novgorod : NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2000. S. 223 – 227.
12. Ledneva T. P. Problema pojetiki rannego M. Gor'kogo v kriticheskom i istoriko-literaturnom osmyslenii 1920-2000-h gg. (stat'ja vtoraja) = Problems of early M. Gorky's poetics in critical and historical-literary reflection in the 1920s-2000s (second article) // Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 3. Istorija i filologija. Izhevsk : RIO UDGU, 2008. S. 109–122.
13. Lichnaja biblioteka A. M. Gor'kogo v Moskve = A.M. Gorky's private library in Moscow / Opisanie v dvuh knigah. Moskva : Nauka, 1981.
14. L. N. Tolstoj. Perepiska s russkimi pisateljami = L. N. Tolstoy. Correspondence with Russian writers: [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1987.
15. Maksimov S. V. Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila. = Evil, unknown and holy power. Sankt-Peterburg : Tovarishhestvo R. Golike i A. Vil'borg. 1903. 530 s.
16. Nezhdannij, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnij i ujut: semejnij diskurs russkoj i mirovoj literatury = Unexpected, like a flower above the abyss, family hearth and comfort: the family discourse of Russian and world literature: kollektivnaja monografija / nauchn. red. E. M. Boldyreva. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 271 s.
17. Perepiska A. N. Tolstogo = A.N. Tolstoy's correspondence: [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989.

18. Perepiska M. Gor'kogo = M. Gorky's correspondence: [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986.

19. Prishvin M. M. Nashi berega / iz knigi «Iskusstvo kak obraz povedenija» CGALI. f. 2569 /N. N. Zamoshkina /. op. 1. ed. hr.535. l. 3 = Prishvin M. M. Our Shores / from the book "Art as a Way of Behavior" RGALI. f. 2569 / N. N. Zamoshkina /. inventory 1. storage unit 535. p. 3.

20. Prishvin M. M. Pis'mo A. M. Remizovu. 21 nojabrja 1909 g. OR GPB im. M. E. Saltykova-Shhedrina. Fond Remizova. № 634. op. 1. ed. hr.175 = Prishvin M. M. A letter to A. M. Remizov. November 21, 1909. Manuscript Department. State Public Library n. a. M.E. Saltykov-Shchedrin. Remizov Fund. No. 634. 1. storage unit 175.

21. Rerih N. K. Iz literaturnogo nasledija = From the literary heritage / pod red. M. T. Kuz'minoy. Moskva : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1974. 534 s.

22. Rerih N. K. Pis'mo V. F. Bulgakovu ot 10 oktjabrja 1947 g. = A letter to V.F. Bulgakov of October 10, 1947 // Bulgakov V. F. Vstrechi s hudozhnikami. Leningrad : Nauka, 1969. S. 290 – 291.

23. Spiridonova L. A. Nastojashhij Gor'kij: mify i real'nost' = True Gorky: myths and reality. 2-e izdanie, izmen. Nizhnij Novgorod: OOO «BegemotNN», 2016. 384 s.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 30.04.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted on 04.04.2023; approved after reviewing 30.04.2023; accepted for publication on 26.05.2023

Научная статья
УДК 821.161.1.09+929
DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_117
EDN TJXSTC

Культурная символика рыцарства в пьесе М. А. Булгакова «Бег»

Ольга Александровна Казьмина

Кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков
Юго-Западного университета КНР, КНР, г. Чунцин
ljolya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7095-4182>

Аннотация. В статье представлено исследование культурной символики рыцарей и рыцарства в драме М. А. Булгакова «Бег». Создававшаяся по договору с МХАТом для постановки на сцене пьеса включает несвойственные для драматургических произведений элементы, представляющие интерес как для литературоведов, так и для культурологов и исследователей театра, в сферу научных интересов которых входит изучение жанрового своеобразия драмы.

Основное внимание уделяется анализу архетипа рыцаря в произведении, что позволяет найти невидимые нити, соединяющие булгаковский текст с мировой литературой и культурой. Исследуются связи «Бега» с творчеством немецких романтиков, испанского писателя Сервантеса, русских классиков А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, символистов и др.

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что «Беге» представлено несколько персонажей рыцарей, в разной степени связанных с главной героиней Серафимой Корзухиной. Выделяются такие архетипические образы как «рыцарь бедный», «скупой рыцарь», «Дон Кихот» и др. Исследование показало, что архетип рыцаря является особенно богатым и сложным, представляя идеалы мужества, чести и самоотверженности, которые были отмечены в литературе и культуре на протяжении веков. Анализируя архетип рыцаря в тексте произведения, можно выявить способы, которыми М. А. Булгаков опирается на эту традицию и взаимодействует с ней в своем собственном уникальном стиле. Данная статья может прояснить затрагиваемые темы произведения, а также его место в более широком литературном и культурном контексте.

Ключевые слова: М. А. Булгаков; «Бег»; МХАТ; культурная символика; рыцарь; архетип; Прекрасная Дама; внедраматургические элементы

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Казьмина О. А. Культурная символика рыцарства в пьесе М. А. Булгакова «Бег». № 2 (16). С. 117-129.
http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_117. <https://elibrary.ru/TJXSTC>.

© Казьмина О. А., 2023

Original article

Cultural symbolism of chivalry in M.A. Bulgakov's play *Flight*

Olga A. Kazmina

Candidate of philological sciences, associate professor at the Institute of foreign languages, Southwest University, China. PRC, Chongqing
ljolya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7095-4182>

Abstract. The article presents a study of the cultural symbolism of knights and chivalry in M. A. Bulgakov's drama *Flight*. The play, created under contract with the Moscow Art Theatre for performing on stage, includes some unusual elements which are of interest to both literary critics and experts in culture and theater studies, whose scientific interests include studying the genre specificity of the drama. The focus in the article is made on analyzing the archetype of the knight in the play, which enables one to find the invisible links that connect Bulgakov's text with world literature and culture. The author investigates the connections of *Flight* with the works of the German Romantics, the Spanish writer Cervantes, the Russian classics A. S. Pushkin, F. M. Dostoevsky, N. V. Gogol, Symbolists, etc.

The analysis in the article has led to the conclusion that *Flight* presents several characters-knights, connected to certain extents with the protagonist Serafima Korzukhina. Such archetypal images are highlighted as “the poor knight”, “the miserly knight”, “Don Quixote”, etc. The study shows that the archetype of the knight is a particularly rich and complex one, representing ideals of courage, honor, and selflessness that have been celebrated in literature and culture throughout the centuries. Analyzing the archetype of the knight in the text of the play, it is possible to see how M. A. Bulgakov relies on this tradition and interacts with it in his own unique style. This article can clarify the issues raised in M. A. Bulgakov's work, as well as its place in the broader literary and cultural context.

Keywords: M. A. Bulgakov; “*Flight*”; Moscow Art Theatre; cultural symbolism; knight; archetype; Beautiful Lady; extra-dramaturgical elements

This article was prepared for publication thanks to support of the Center for Studying Russian-Speaking Countries at Southwest University, the PRC Ministry of Education

For citation: Kazmina O. A. Cultural symbolism of chivalry in M.A. Bulgakov's play *Flight*. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 2(16): 117-129. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_117. <https://elibrary.ru/TJXSTC>.

Введение

Пьеса М. А. Булгакова «Бег» (1928) представляет интерес и для литературоведов, и для историков театра, и для культурологов. Написанная для постановки на сцене, она синтезирует эпический и дра-

матический жанры литературы. В «Бег» включены несвойственные для драматургии элементы, например, и сама пьеса, и каждый сон (акт) открывается новым эпиграфом, тем самым создается внутренний сюжет произведения, который

невозможно показать на сцене, он имеет смысл только внутри драматического текста, и соответственно уловим только читателями. «По сути, это некий рудимент мотивной повествовательной структуры внутри драматического текста» [Бердяева 2002, с. 98]. О жанровом своеобразии «Бега» и «превращения» пьесы в драматическую поэму написан ряд исследований [Гудкова 1989; Иваницкий 2022; Немцев 2002; Петров 1988; Тамарченко 1990 и др.].

Кроме эпиграфов, детальные описательные ремарки, которые невозможно сыграть на сцене, а следовательно, драматург их адресовал читателю, а не театральному зрителю, также разрушают установленные жанровые границы и каноны. Благодаря своим художественным особенностям, «Бег» по праву относится к величайшим произведениям мировой драматургии, и не случайно был любимой пьесой М. А. Булгакова. [Булгакова 1988, с. 38]. Но вместе с этим, данная особенность драматургического произведения сыграла и отрицательную роль, подобная ориентированность на прочтение стала одним из оснований по которым пьеса не была допущена до постановки на сцене МХАТа в 1928 г. Подробнее об этом: [Смелянский, 1986; Чудакова, 1988; Химич, 2003].

Очевидно, что М. А. Булгаков неоднократно обращался к переосмыслению ее сюжета, и поэтому в существующих собраниях сочи-

нений можно встретить два варианта финала: 1928 года (на который мы ссылаемся в данной статье) и переработанный драматургом вариант 1937 года. О вариантах «Бега» написано в примечаниях к пьесе [Гудкова, 1989].

Исследователи не оставляли без внимания пьесу «Бег», среди работ известных булгаковедов и театроведов можно выделить статьи А. Аскольдова «Восемь снов» [Аскольдов, 1957], В. В. Гудковой «О чем рассказывают «Восемь снов “Бега”»» [Гудкова, 1987], О. Есиповой «Русский Дон Кихот и Булгаков» [Есипова, 1998], А. А. Кораблева «Время и вечность в пьесах М. Булгакова» [Кораблев, 1988], А. Нинова «О драматургии и театре Михаила Булгакова (Итоги и перспективы изучения)» [Нинов, 1988], М. О. Чудаковой «Некоторые проблемы источниковедения и рецепции пьес Булгакова о Гражданской войне» [Чудакова, 1988]; монографии Е. А. Иваньшиной «Метаморфозы культурной памяти в творчестве Михаила Булгакова» [Иваньшина, 2010], А. М. Смелянского «Михаил Булгаков в Художественном театре» [Смелянский, 1986], Е. А. Яблокова «Художественный мир Михаила Булгакова» [Яблоков, 2001] и др. Отметим, что на сегодняшний день в науке уже сложилась определенная традиция изучения литературных и театральных связей драматурга с предшественниками, повлиявшими на его творчество, а также с последовате-

лями. Несмотря на большой исследовательский интерес к творчеству М. А. Булгакова, количество статей и диссертаций по различным аспектам его драматургии, все еще существует множество лакун и неизученных в должной мере проблем.

В представленной статье мы обратимся к теме рыцарства в «Беге» и попытаемся определить истоки данной темы в пьесе.

Рыцари Серафимы

Известно, что работать над «Бегом» М.А. Булгаков начал по договору с МХАТом, и в архивах сохранились ее изначальные названия, одним из которых было «Рыцарь Серафимы». Драматург впоследствии отказался от него в пользу более емкого, имеющего отношение к пространству и времени и соединяющего в себе движение и его темп, лучше выражающего смысл произведения. Но несмотря на изменения в пьесе присутствует архетип рыцаря, упоминание о котором в первоначальном названии расширяет границы данного художественного произведения, и позволяет обратиться к литературным аллюзиям за рамками текста «Бега». Анализ архетипа рыцаря позволяет найти невидимые нити, соединяющие булгаковскую драму с мировой литературой и культурой.

Что подразумевается под понятием «рыцарь»? В словаре Ожегова, дано несколько дефиниций, которые можно свести к следующему: «1. Средневековый воин, всадник; 2. Самоотверженный, мужествен-

ный, честный и благородный человек» [Ожегов, 2006, с. 573]. Также концепт «рыцарь» подразумевает наличие объекта любви и защиты, и это всегда Родина и Прекрасная Дама.

Рабочее название «Рыцарь Серафимы» содержит имя дамы сердца, а в дошедшем до нас варианте пьесы «Бег» акцент на этом сделан в афише, где Серафима характеризуется как Петербургская Дама [Булгаков, 1989]. Но при этом мы полагаем, что «рыцарей» у Серафимы много, и каждый из них, хотя и в разной степени, но выполняет свой рыцарский долг.

Образ рыцаря отсылает читателя, в первую очередь, к европейским средневековым рыцарским романам об отважных всадниках, соблюдающих кодекс нравственности, мужества, следующих идеалам чести и благородства. Перед русским читателем европейские рыцари предстали, в частности, благодаря поэтическому труду романтика В. А. Жуковского, переведившего с немецкого языка баллады о рыцарях. Имя В. А. Жуковского для нас важно упомянуть еще и потому, что строчки из его стихотворения «Певец во стане русских воинов» («Бессмертье тихий светлый брег, наш путь – к нему стремленье. Покойся, кто свой кончил бег» [Булгаков, 1989, с. 411]) являются эпиграфом к пьесе и определяют поэтическую логику всего произведения.

Собственно В. А. Жуковский и стоял у истоков рыцарской темы в русской литературе и культуре, где впоследствии появился ряд аутентичных образов, среди которых, пожалуй, самый известный и влиятельный – «рыцарь бедный», придуманный творческим воображением А. С. Пушкина, а затем продолженный другими писателями, в частности Ф. М. Достоевским в романе «Идиот». Где пушкинские строки «Жил на свете рыцарь бедный...» являются одним из ведущих мотивов и помогают раскрыть художественный образ князя Мышкина.

М. А. Булгаков, находясь в русле традиций мировой культуры и литературы, также обратился к этому классическому герою и продолжил в одном из персонажей такой рыцарский идеал, который и как пушкинский герой, и как князь Лев Мышкин Ф. М. Достоевского, оказывает сопротивление раздвоившемуся в смутном времени и сменившему ориентиры миру, приводящему к предательству, душевному и нравственному кризису. Очевидно, что из всех героев «Бега» такими качествами обладает Сергей Павлович Голубков, охарактеризованный в списке действующих лиц как сын профессора-идеалиста [Булгаков, 1989]. Во время бега из Петербурга в Крым Голубков случайно встречает молодую даму по имени Серафима, направляющуюся к своему мужу товарищу министра торговли и

промышленности Парамону Корзуну, влюбляется в нее, и, преданный своей попутчице, неотступно следует за той, которую выбрал в качестве дамы сердца, и в Северную Таврию, и затем в Константинополь.

Обратим внимание на то, что Голубков – это анаграмма фамилии Булгаков. Вероятно поэтому автор, известный автобиографическими мотивами и образами в своих произведениях, отводит именно Голубкову главную роль рыцаря Серафимы.

Кроме этого, фамилия Голубков семантически относится к разряду «птичьих», которыми Булгаков нередко именовал своих героев. В некоторых произведениях, например, «Полотенце с петухом», «Рокотные яйца» и др. «птичий» мотив представлен в названии и является сюжетообразующим. Подробнее об этой теме смотри в статье Иваньшиной Е. А. «Орнитологический код памяти в творчестве М.А. Булгакова» [Иваньшина, 2011].

В пьесе «Зойкина квартира» (1926) также присутствует персонаж с «птичьей» фамилией Гусь, с которым у Голубкова обнаруживается определенная связь. Возлюбленная Гуся Алла Вадимовна поступает модельщицей в публичный дом к Зое Пельц, чтобы заработать достаточное количество денег для побега в Париж. А Дама сердца Голубкова Серафима Владимировна, будучи в Константинополе, принимает решение пойти на панель,

чтобы за границей не умереть с голоду самой и не дать погибнуть Чарноте и Люське. Таким образом, представляется справедливым предположение, что булгаковские персонажи с «птичьими» фамилиями обладают определенными биографическими сходствами. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в «Беге» помимо Голубкова, метафорические крылья есть у Хлудова (об этом см. подробнее [Казьмина, 2022]) и у Серафимы, поскольку имя героини в библейской этимологии означает высший ангельский чин. Как отмечают булгаковеды, орнитологическая тема, присутствующая в художественном мире писателя, имеет связь с авторской сферой как сферой творчества [Иваньшина, 2011]. Именно поэтому данные герои в той или иной степени наделены автобиографическими чертами.

Рыцарство Голубкова коррелирует с самыми известными рыцарями в русской литературной среде – символистами, – следующими идеалам Прекрасной Дамы. С момента встречи с Корзухиной целью Голубкова становится не просто побег из Петербурга, где невозможно жить и работать, а безопасность Серафимы: «Я донесу Вас в Крым и дам вашему мужу <...> Я успокоюсь за вас, но в то же время буду страдать» [Булгаков, 1989, с. 413]. В этих словах проявляется мотив самопожертвования героя ради счастья прекрасной дамы. Узнав о возможном расстреле воз-

любленной, Голубков плачет [Булгаков, 1989, с. 442]. Подобное не характерное для мужчины поведение («Ходите в мужском платье, ведите себя мужчиной!» [Булгаков, 1989, с. 442]), с одной стороны несчастного влюбленного, с другой – беспомощного мечтателя, идеалиста, сближает его с архетипом Пьеро, который, как предположил Мирон Петровский, мог быть прообразом символиста Александра Блока [Петровский, 1979].

Поскольку Серафима изначально является дамой Корзухина, хотя бы потому, что она вышла за него замуж, взяла его фамилию, и пыталась найти в нем защитника, то и этот герой относится к рыцарям. Но в ситуации с Корзухиным происходит искаженное рыцарство: не он приходит на помощь своей даме сердца, а она сама, спасаясь, бежит к нему из Петербурга в Крым, где вместо желаемой защиты сталкивается с предательством и трехкратным отречением как от жены, так и от живого человека. «Никакой Серафимы Владимировны не знаю. Эту женщину вижу впервые в жизни. Никого из Петербурга не жду», «Ну, погибла Серафима Владимировна! Ну, царство небесное» [Булгаков, 1989, с. 431, 438].

Наличие двух рыцарей у одной Дамы создает своеобразный любовный треугольник, который «любовным» можно назвать лишь условно, взяв слово в кавычки. Но, тем не менее, в итоге эта геометрическая конструкция разрешается,

как это и прописано в кодексе чести, «дуэлью» (тоже в кавычках, поскольку дуэль была карточной) и победой Голубкова, выполнявшего в ней, скорее роль осторожного и неопытного секунданта Григория Чарноты, но не бретера.

Голубков и Корзухин – рыцари одной дамы – представляют зеркальное рыцарское подобие. Голубкова можно охарактеризовать как «рыцаря-идеалиста», тем более в его характеристике отмечено, что он сын профессора-идеалиста (в этом его образ сближается с князем Львом Мышкиным); а товарища министра Корзухина – как «рыцаря-материалиста». И если Голубков преследует благородные цели, совершая поступки ради любви и помощи нуждающемуся человеку, заметим, что он проявляет благородство не только по отношению к Серафиме, но и к душевно больному Хлудову, то Корзухина не беспокоит ничего, кроме денег.

«Рыцарем», «чудаком» Голубкова называет Роман Хлудов – тем самым возникает ассоциация с самым известным в мировой литературе рыцарем-чудаком, рыцарем-мечтателем – странствующим идальго Дон Кихотом испанского писателя Сервантеса. К тому же мотив Испании не раз возникает в пьесе. Во-первых, в эпиграфе к Шестому сну: «Мадрид – город испанский» [Булгаков, 1989, с. 450]. Во-вторых, в размышлениях Чарноты о том, куда можно убежать из ненавистного Константинополя: «В

Мадрид, может быть? Испанский город... Тоже, наверное, дыра! <...> В Мадрид меня кидает! Снился мне сегодня всю ночь Мадрид» [Булгаков, 1989, с. 452, 453]. И, что важно, сказанное Чарнотой как бы невпопад: «Мадрид, город испанский!..», сразу после того, как он узнал о любви Голубкова к Серафиме [Булгаков, 1989, с. 455].

В свою очередь генерал Роман Хлудов отчасти также связан с архетипом рыцаря Дон Кихота. Очевидно, что оба героя безумны, совершают поступки, выходящие за рамки здравого смысла, хотя, следует отметить, их нельзя сравнивать по шкале морали и человечности. Если герой Сервантеса безобиден, чудаковат и смешон, то булгаковский персонаж – сумасшедший, безжалостный зверь и убийца. Но между ними можно провести и другие параллели: у Дон Кихота есть верный оруженосец Санчо Панса (от исп. *panza* – живот, брюхо), у Хлудова – исполнительный адъютант Голован. Оба помощника как бы дополняют тех, кому служат: Панса – худого и высокого Дон Кихота; Голован – безумного (то есть без головы) Хлудова.

Вообще следует заметить, что Дон Кихот у М. А. Булгакова – ключевой персонаж, его образ появляется в различных произведениях, в частности, в одноименной пьесе, над которой драматург начал работать в 1937 году по предложению театра Вахтангова.

«Соперник» Голубкова Корзухин ассоциируется с другим, не менее известным рыцарем, чье имя также стало нарицательным, символизируя алчность и безмерную любовь к сокровищам – Скупым рыцарем. Его баллада о долларе, которую он рассказывает приехавшим к нему за деньгами в Париж Голубкову и Чарноте сродни «гимну деньгам» пушкинского Барона [Булгаков, 1989, с. 459 – 460].

Кроме Корзухина и Голубкова, в «Беге» присутствует и еще один (правда, неудачливый) рыцарь Серафимы – Грек-донжуан. Именно с ним «непорочная Серафима» могла совершить грехопадение, чтобы вернуть долг Люське, своим телом зарабатывавшей деньги на жизнь и пропитание «бывших русских», закинутых судьбой в Константинополь. Несмотря на подчеркнутую национальность – грек, данный персонаж характеризуется и как «Дон Жуан», тем самым связываясь также и с Испанией, становясь синонимом любовной страсти и азарта (см. в повести «Собачье сердце» «Серенаду Дон Жуана»).

«Рыцарский» сюжет в пьесе составляют также и мотивы боя, скитания и поиска, и поэтому выделяются и другие архетипы рыцаря – воина, всадника, представленного, в первую очередь, в образе Григория Чарноты, к которому походная жена Люська иронично обращается: «лихой рыцарь рубательного ордена» [Булгаков, 1989, с. 451].

Запорожец по происхождению генерал-майор Чарнота, командующий сводной кавалерийской дивизией в армии генерала Врангеля, по доблести и отваге не уступает своему «земляку» Тарасу Бульбе, персонаж одноименной повести Н. В. Гоголя не раз называет самого себя и свое казачье войско рыцарями. Но главным образом в своей классификации рыцарей мы относим к ним Чарноту потому, что именно он спасает Серафиму от верной гибели в контрразведке. Отвергнутая своим мужем, больная тифом, выступившая против Хлудова, Серафима могла стать очередной повешенной жертвой озверевшего генерала, если бы не заступничество и дальнейшее покровительство Чарноты.

Чарнота также как и Голубков, оказывается участником уже другого «любовного» тоже в кавычках, треугольника с Корзухиным, где дамой сердца является Люська, ставшая впоследствии мадам Фрежоль. Разрешением этого треугольника явилась все та же карточная дуэль в парижской квартире Корзухина, в результате которой Чарнота и Голубков «освободили» Прекрасную Даму Серафиму, и, благодаря помощи Люськи, беспрепятственно вывезли выигранные 10 тысяч долларов, остались не пойманным французской полицией и благополучно вернулись в Константинополь.

Однако дуэль завершилась победой только благодаря помощи Хлудова, отдавшего уезжавшим без денег в Париж Голубкову и Чарноте две лиры единственно ценный медальон от часов для самого крайнего случая [Булгаков, 1989]. Хлудов, тем самым, становится «заочным» участником карточной игры. Поставленный на кон медальон, изначально оцененный противником в пять долларов, лишил азартного Корзухина, самого важного для него – денег, помог Серафиме освободиться от бывшего мужа и получить в качестве награды бескорыстную рыцарскую любовь Голубкова. Кроме этого, Хлудов вернул с панели Серафиму, и два месяца отсутствия Голубкова в Константинополе охранял ее, выполняя данное обещание.

Также, небезосновательно к рыцарям Серафимы можно отнести и вестового Крапилина, погибшего не только и даже не столько из-за своего красноречия, но выполняя рыцарский долг. До монолога, обращенного к Хлудову Крапилин произнес всего три односложные реплики. В монастырской церкви он «уговаривал» Корзухину ехать вместе с армией Чарноты («так точно, ехать надо» [Булгаков, 1989, с. 421]). А в хлудовской ставке, рыцарски защищая Серафиму по ее же просьбе («Ах, Крапилин, красноречивый человек! Что же ты не заступишься? И ты отречешься?»

[Булгаков, 1989, с. 431]), произносит свой страстный монолог, итогом которого стало известное событие, спасшее Серафиму от верной гибели, но трагически обрвавшее жизнь Крапилина и полностью изменившее жизнь Хлудова.

Нельзя не отметить и еще одного метафизического рыцаря – защитника, который присутствует в пьесе в виде иконического изображения в белогвардейской ставке в Крыму всадника на белом коне, поражающего копьём дракона. Всадник этот – Георгий Победоносец. Это и воин, и змеборец, и символ борьбы со злом [Казьмина, 2022].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, мотив рыцарства в пьесе «Бег» существует на разных уровнях: культурно-историческом, контекстуальном, предметно-изобразительном, сюжетном. На концептуальном уровне мотив «рыцарства» проявляется в жанровых особенностях «Бега» как пьесы об испытаниях. Мотивный комплекс разворачивается в пределах ассоциативного жанрового фона, примером которого является традиция текстов А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, Сервантеса и др. Кроме этого, в «Беге» присутствуют характерные для рыцарских романов элементы: образ идиллического прошлого в заснеженном Петербурге, военного

настоящего в Крыму, а также про- мотивы испытаний и боя, скитания
тивопоставление раньше-сейчас; и поиска, помощи нуждающимся,
там-здесь в эмиграции. И «рыцар- противостояния злу.
ский» сюжет в пьесе составляют

Библиографический список

1. Аскольдов А. Восемь снов // А. Аскольдов. Театр. 1957. № 8. С. 61–66.
2. Бердяева О. С. Проза М. Булгакова. Текст и метатекст. Великий Новгород : НовГУ им. Я. Мудрого, 2002. 173 с.
3. Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов. Театральное наследие. Ленинград : Искусство, 1989. 591 с.
4. Булгакова Е. С. О пьесе «Бег» и ее авторе // Воспоминания о Михаиле Булгакове. Москва : Сов. писатель, 1988. С. 38–389.
5. Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Москва : Детская литература, 2017. 187 с.
6. Гудкова В. В. О чем рассказывают «Восемь снов “Бега”» / В.В. Гудкова // Вопросы театра – 11. Сб. ст. и материалов. Москва : СТД РСФСР, 1987. С. 230–250.
7. Гудкова В. В. Примечания // М.А. Булгаков. Пьесы 1920–х годов. Театральное наследие. Ленинград : Искусство, 1989. С. 536–566.
8. Дашевская О. А. Мотив безумия в драматургии М. Булгакова и русская романтическая традиция // Проблемы метода и жанра. Сб. ст.: Отв. Ред. Ф.З. Канунова. Томск, Изд-во Том. Ун-та, 1997. С. 220–230.
9. Есипова О. Русский Дон Кихот и Булгаков // Булгаковский сборник III: материалы по истории русской литературы XX века. Таллин : Tallinna Pedagoogikaülikool Narva, 1998. С. 21–36.
10. Иваницкий А. И. О мотивной преемственности «Бега» и «Мастера и Маргариты» // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX–XXI вв.: материалы Одиннадцатых и Двенадцатых Международных научных чтений, приуроченных к дню ангела писателя. Москва : Музей М.А. Булгакова, 2022. С. 138–149.
11. Иваньшина Е. А. Метаморфозы культурной памяти в творчестве Михаила Булгакова: монография. Воронеж : Научная книга, 2010. 428 с.
12. Иваньшина Е. А. Орнитологический код памяти в творчестве М.А. Булгакова // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 4. С. 70–77.
13. Казьмина О. А. Репрезентация иконического сюжета «Чудо Георгия о змие» в пьесе М. А. Булгакова «Бег» // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 69–80
14. Кораблев А. А. Время и вечность в пьесах М. Булгакова // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: сб. статей / сост. А.А. Нинов. Москва : СТД РСФСР, 1988. С. 39–56.
15. Немцев В.И. Россия Булгакова в 20-е годы и проблема жанра пьесы «Бег» // Пространство и время в художественном произведении. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2002. С. 13–21.
16. Нинов А. О драматургии и театре Михаила Булгакова (Итоги и перспективы изучения) // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. Москва : СТД РСФСР, 1988. С. 6–39.

17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Российская академия наук. Институт русского языка В.В. Виноградова / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. 938 с.
18. Петров В. Б. Внедраматургические элементы в трагикомедии М. А. Булгакова «Бег» // Филологические науки. 1988. № 1. С. 66–69.
19. Петровский М. Что отпирает «Золотой ключик»? (Сказка в контексте литературных отношений) // Вопросы литературы. 1979. № 4. С. 229–251.
20. Пожиганова Л. П. Пушкинский интертекст в пьесе М.А. Булгакова «Бег» // К Пушкину сквозь время и пространство. Белгород : Изд-во Бел. Гос. ун-та, 2000. С. 65–68.
21. Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. Сборник научных трудов / Отв. ред. А. А. Нинов. Ленинград : ЛГИТМИК, 1987. 148 с.
22. Смелянский А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре. Москва : Искусство, 1986. 384 с.
23. Тамарченко А. Драматургическое новаторство М. Булгакова // Русская литература. 1990. № 1. С. 46–67.
24. Химич В. В. В мире Михаила Булгакова. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2003. 330 с.
25. Чудакова М. О. Некоторые проблемы источниковедения и рецепции пьес Булгакова о Гражданской войне // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: сб. статей / сост. А.А. Нинов. Москва : СТД РСФСР, 1988. С. 57–95.
26. Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. Москва : Языки славянской культуры, 2001. 424 с.

Reference list

1. Askol'dov A. Vosem' snov = Eight dreams // A. Askol'dov. Teatr. 1957. № 8. S. 61–66.
2. Berdjaeva O. S. Proza M. Bulgakova. Tekst i metatekst = M. Bulgakov's prose. Text and meta-text. Velikij Novgorod : NovGU im. Ja. Mudrogo, 2002. 173 s.
3. Bulgakov M. A. P'esy 1920-h godov. Teatral'noe nasledie = 1920s plays. Theatre heritage. Leningrad : Iskustvo, 1989. 591 s.
4. Bulgakova E. S. O p'ese «Beg» i ee avtore = On the play Flight and its author // Vospominanija o Mihaile Bulgakove. Moskva : Sov. pisatel', 1988. S. 38–389.
5. Gogol' N. V. Taras Bul'ba = Taras Bulba. Moskva : Detskaja literatura, 2017. 187 s.
6. Gudkova V. V. O chem rasskazyvajut «Vosem' snov “Bega”» = What story “Eight dreams of the Flight” are telling / V.V. Gudkova // Voprosy teatra – 11. Sb. st. i materialov. Moskva : STD RSFSR, 1987. S. 230–250.
7. Gudkova V. V. Primechanija = Notes // M.A. Bulgakov. P'esy 1920–h godov. Teatral'noe nasledie. Leningrad : Iskustvo, 1989. S. 536–566.
8. Dashevskaja O. A. Motiv bezumija v dramaturgii M. Bulgakova i russkaja romanticheskaja tradicija = The motive of madness in M. Bulgakov's drama and the Russian Romantic tradition // Problemy metoda i zhanra. Sb. st.: Otv. Red. F.Z. Kanunova. Tomsk, Izd-vo Tom. Un-ta, 1997. S. 220–230.

9. Esipova O. Russkij Don Kihot i Bulgakov = The Russian Don Quixote and Bulgakov // Bulgakovskij sbornik III: materialy po istorii russoj literatury XX veka. Tallin : Tallinna Pedagoogikainstituut Narva, 1998. S. 21–36.
10. Ivanickij A. I. O motivnoj preemstvennosti «Bega» i «Mastera i Margarity» = On the motive continuity of Flight and The Master and Margarita // Mihail Bulgakov v potoke rossijskoj istorii XX-XXI vv.: materialy Odinnadcatyh i Dvenadcatyh Mezhdu-narodnyh nauchnyh chtenij, priurochennyh k dnju angela pisatelja. Moskva : Muzej M.A. Bulgakova, 2022. S. 138–149.
11. Ivan'shina E. A. Metamorfozy kul'turnoj pamjati v tvorcestve Mihaila Bulgakova = Cultural memory metamorphoses in Mikhail Bulgakov's work: monografija. Voronezh : Nauchnaja kniga, 2010. 428 s.
12. Ivan'shina E. A. Ornitologičeskij kod pamjati v tvorcestve M.A. Bulgakova = The ornithological code of memory in M.A. Bulgakov's works // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2011. Vyp. 4. S. 70–77.
13. Kaz'mina O. A. Rerezentacija ikoničeskogo sjuzheta «Chudo Georgija o zmie» v p'ese M. A. Bulgakova «Beg» = Representation of the iconic plot “St. George and the Dragon” in Bulgakov's play Flight // Mir russskogovorjashhijh stran. 2022. № 3 (13). S. 69–80
14. Korablev A. A. Vremja i večnost' v p'esah M. Bulgakova = Time and eternity in M. Bulgakov's plays // M. A. Bulgakov-dramaturg i hudozhestvennaja kul'tura ego vremeni: sb. statej / sost. A. A. Ninov. Moskva : STD RSFSR, 1988. S. 39–56.
15. Nemcev V. I. Rossija Bulgakova v 20-e gody i problema zhanra p'esy «Beg» = Bulgakov's Russia in the 20s and the genre problem of the play Flight // Prostranstvo i vremja v hudozhestvennom proizvedenii. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2002. S. 13–21.
16. Ninov A. O dramaturgii i teatre Mihaila Bulgakova (Itogi i perspektivy izučeniija) = On Mikhail Bulgakov's dramaturgy and theater (Results and prospects of studying) // M. A. Bulgakov-dramaturg i hudozhestvennaja kul'tura ego vremeni. Moskva : STD RSFSR, 1988. S. 6–39.
17. Ozhegov S. I. Tolkovij slovar' russkogo jazyka. Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka V.V. Vinogradova = Explanatory dictionary of the Russian language. Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Russian Language Institute / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. 4-e izd., dop. Moskva : OOO «A TEMP», 2006. 938 s.
18. Petrov V. B. Vnedramaturgicheskie jelementy v tragikomedii M. A. Bulgakova «Beg» = Extra-dramaturgical elements in M.A. Bulgakov's tragicomedy Flight // Filologičeskije nauki. 1988. № 1. S. 66–69.
19. Petrovskij M. Chto otpiraet «Zolotoj ključik»? (Skazka v kontekste literaturnyh otnošenij) = What does the Golden Key unlock? (A fairy tale in the context of literary relations) // Voprosy literatury. 1979. № 4. S. 229-251.
20. Pozhiganova L. P. Pushkinskij intertekst v p'ese M. A. Bulgakova «Beg» = Pushkin intertext in Bulgakov's play Flight // K Pushkinu skvoz' vremja i prostranstvo. Belgorod : Izd-vo Bel. Gos. un-ta, 2000. S. 65–68.
21. Problemy teatral'nogo nasledija M. A. Bulgakova. = Problems of Bulgakov's theatrical legacy. Sbornik nauchnyh trudov / Otv. red. A. A. Ninov. Leningrad : LGITMIK, 1987. 148 s.

22. Smeljanskij A. M. Mihail Bulgakov v Hudozhestvennom teatre = Mikhail Bulgakov at the Moscow Art Theater. Moskva : Iskusstvo, 1986. 384 s.
23. Tamarchenko A. Dramaturgicheskoe novatorstvo M. Bulgakova = M. Bulgakov's dramaturgical innovation // Russkaja literatura. 1990. № 1. S. 46–67.
24. Himich V. V. V mire Mihaila Bulgakova = In Mikhail Bulgakov's world. Ekaterinburg : Izd-vo UrGU, 2003. 330 s.
25. Chudakova M. O. Nekotorye problemy istochnikovedenija i recepcii p'es Bulgakova o Grazhdanskoj vojne = Some problems of source studies and the reception of Bulgakov's plays about the Civil war // M.A. Bulgakov-dramaturg i hudozhestvennaja kul'tura ego vremeni: sb. statej / sost. A.A. Ninov. Moskva : STD RSFSR, 1988. S. 57–95.
26. Jablov E. A. Hudozhestvennyj mir Mihaila Bulgakova = Mikhail Bulgakov's literary world. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 424 s.

Статья поступила в редакцию 01.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted on 01.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication on 26.05.2023

Научная статья
УДК 008 (091)
DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_130
EDN VDAZDJ

Курьезы культурной идентичности в юбилейных спектаклях по произведениям Н. А. Некрасова: национальный костюм

Вячеслав Александрович Лётин¹, **Данила Евгеньевич Красницкий²**

¹Кандидат культурологии, доцент кафедры общих гуманитарных наук и театроведения, Ярославский государственный театральный институт им. Фирса Шишигина, г. Ярославль.

²Артист, Дмитровский драматический театр «Большое гнездо», г. Дмитров.

¹liotin@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-3549-3058>

²danila_krasnitskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6589-0652>

Аннотация. Современный театральный костюм – актуальная проблема в создании визуального образа современного спектакля. Став предметом постмодернистской игры на сцене XXI века национальный и исторический костюмы подверглись трансформации и семантической перекодировке.

В статье анализируется опыт актуализации народного русского костюма в спектаклях, приуроченных к празднованию 200-летнего юбилея Н. А. Некрасова: К. С. Серебренникова «Кому на Руси жить хорошо» (Москва, GoGoL-центр, 2015 – 2022); заслуженного артиста Костромской области А. А. Кирпичева «Кому на Руси жить хорошо» (художник Е. Сафонова, Костромской областной театр драмы им. А. Н. Островского, 2021); П. В. Васильева «Кому на Руси жить хорошо...» (художник А. Б. Торик; Ярославский государственный театр кукол, 2021) и народного артиста РФ В. Ю. Кириллова «От Некрасова до Некрасова» (художник по костюмам С. Алексеева, Российский академический театр им. Ф. Г. Волкова при поддержке историко-культурного комплекса «Вятское», 2021).

На основе анализа этих спектаклей выявляются тенденции использования народного костюма в создании сценического образа «народного» персонажа. В статье раскрываются принципы работы современных режиссеров и художников над «костюмированием» спектакля, а также выявляются композиционные, стилистические, семантические парадоксы как их самих, так и работы с ними в спектакле.

В конце исследования делается вывод о современной театральной практике актуализации народного костюма. В сценической практике XXI века историческая, социальная и культурная функции костюма отходят на второй план или вовсе исчезают. Доминантными же оказываются – психологическая, гендерная и субкультурная идентичности персонажа.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов; современный спектакль; юбилейный спектакль; постмодернистская эстетика; культурная идентичность; исторический костюм; театральный костюм; национальный костюм

Для цитирования: Лётин В. А., Красницкий Д. Е. Курьезы культурной идентичности в юбилейных спектаклях по произведениям Н.А. Некрасова: национальный костюм. № 2 (16). С. 130-147. http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_130. <https://elibrary.ru/VDAZDJ>.

Original article

Curiosities of cultural identity at anniversary performances based on N. A. Nekrasov's works: national costume

Vyacheslav A. Letin^{1✉}, Danila E. Krasnitsky²

¹Candidate of cultural sciences, associate professor, Department of general humanities and theater studies, Yaroslavl state theater institute n.a. Firs Shishigin, Yaroslavl

²Actor, Dmitrov drama theater “The Big Nest”, Dmitrov

¹Liotin@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-3549-3058>

²danila_krasnitskiy@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6589-0652>

Abstract. Modern theatrical costume is an important issue in creating the visual image of a modern performance. As a subject of postmodernist acting on the XXI century stage, national and historical costumes have undergone transformation and semantic recoding.

The article analyzes the experience of actualizing Russian folk costume in the performances dedicated to celebrating the 200th anniversary of N.A. Nekrasov: K.S. Serebrennikov's “Who is Happy in Russia” (Moscow, GoGoL-Center, 2015 – 2022); Honored Artist of the Kostroma Region A. A. Kirpichev's “Who is Happy in Russia” (artist E. Safonova, Kostroma Regional Drama Theatre n.a. A. N. Ostrovsky, 2021); P. V. Vasilyev's “Who is Happy in Russia...” (artist A. B. Torik; Yaroslavl State Puppet Theater, 2021) and People's Artist of the RF V.V. Kirillov's “From Nekrasov to Nekrasov” (costume designer S. Alekseeva, Russian Academic Theater n.a. F.G. Volkov with support of the historical and cultural complex “Vyatskoye”, 2021).

The analysis of these performances reveals certain trends in the use of folk costume to create the stage image of a “folk” character. The article describes the principles of modern directors' and artists' work on “costuming” the performance, as well as identifies compositional, stylistic and semantic paradoxes and working with them in the performance.

The authors make a conclusion about modern theatrical practice of actualizing folk costume. In the 21st century stage practice the historical, social and cultural functions of costume fade into the background or disappear altogether. What is dominant is characters' psychological, gender and subcultural identities.

Keywords: N. A. Nekrasov; modern performance; anniversary performance; post-modern aesthetics; cultural identity; historical costume; theatrical costume; national costume

For citation: Letin V. A., Krasnitsky D. E. Curiosities of cultural identity at anniversary performances based on N.A. Nekrasov's works: national costume. *World of*

Курьезы культурной идентичности в юбилейных спектаклях по произведениям Н. А. Некрасова: национальный костюм

Введение

Использование национального костюма в сфере культуры имело давнюю традицию и осуществлялось на высочайшем уровне. Еще в императорской России национальный костюм мог быть выражением политических амбиций [Корндорф, 2002] и культурной идентичности [Лось; Курочкин, 2021] на самом высоком уровне.

Однако наибольшее количество исканий в области национального костюма приходится на конец XIX – начала XX вв. [Гангур, 2017]. В этот период в сфере художественного творчества увлечение историзмом и сменяется экспериментированием с формой, фактурой и цветом. И национальный русский костюм становится территорией экспериментов не только отечественных, но и иностранных кутюрье. В связи с чем особый интерес представляет опыт обращения современного театра к национальному костюму. Преломление идеи национального костюма в зеркале сцены XXI века – цель данного исследования.

Материалом для данного исследования послужили спектакли, представленные к 200-летнему юбилею Н.А. Некрасова в Москве К. С. Серебрянниковом («Кому на Руси жить хорошо», GoGoL-центр, 2015 – 2022); в Костроме заслуженный артист Костромской области А. А. Кирпичевым («Кому на Руси жить хорошо», художник Е. Сафо-

нова, Костромской областной театр драмы им. А. Н. Островского, 2021); в Ярославле П. В. Васильевым («Кому на Руси жить хорошо...», художник А. Б. Торик; Ярославский государственный театр кукол, 2021) и народный артист РФ В. Ю. Кирилловым («От Некрасова до Некрасова», художник по костюмам С. Алексеева, Российский академический театр им. Ф. Г. Волкова при поддержке историко-культурного комплекса «Вятское», 2021).

Теоретические основы исследования

Именно в силу «народной» тематики литературного материала большинства этих юбилейных постановок и актуализируется вопрос использования традиционного костюма в создании зрительного образа спектакля. Тем более, что для самого Н.А. Некрасова этот вопрос имеет важное значение. В некрасовской поэме одежда персонажа выполняет задачи гендерной, социальной, психологической характеристик персонажа. Это касается как крестьянского [Летин, 2015], так и «барского» костюмов [Летин, 2016].

В большинстве обращений к «костюмированию» персонажей поэмы сам автор поэмы весьма парадоксален. С одной стороны, он активно избегает «местных» деталей. И «универсализм» народных костюмов становится одним из способов придания пространству поэмы общероссийского масштаба.

С другой – минималистичные упоминания костюма в тексте поэмы и оказываются маркерами крестьянского костюма Ярославской [Калашникова, 2016] и Костромской губерний [Масалева, 2017]. В своем будничном варианте народный костюм ярославцев и костромичей тяготел к полихромности и декоративности. Его композиция, материал, цвет служили важными репрезентативными маркерами социального статуса и достатка его хозяина или хозяйки [Андреева, 2005].

Методы исследования

Специфика эмпирического материала обусловила систему методов исследования. При анализе спектакля как феномена современной культуры доминирующим стал культурологический метод, позволивший раскрыть семиотические перекодировки национального русского костюма в современном художественном процессе. С помощью искусствоведческого (театроведческого) метода раскрывались режиссерские концепции спектаклей, в пространствах которых и формировались «авторские» версии народных костюмов. Литературоведческий метод исследования помог при анализе текстов некрасовских произведений, что позволило выявить своеобразие «юбилейных» прочтений некрасовских текстов современным театром.

Результаты исследования

Костюм персонажа спектакля для современного зрителя является важным индикатором его идентич-

ности: национальной, культурной, религиозной, гендерной, социальной, профессиональной, субкультурной... Отказ современных режиссеров и художников от принципов историзма, породил новый «костюмный» феномен гибридного характера, природу которого можно охарактеризовать как курьез. Именно «курьезное» – забавное, несуразное, случайное – становится основой переосмысления традиционного национального русского костюма современными творческими личностями.

Курьез № 1: Социальный. Само понятие «народный костюм» в современном спектакле может подвергнуться значительной перекодировке, как это было в резонансном спектакле К. С. Серебrenникова по мотивам некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо». В первый же месяц о спектакле написали ведущие критики Г. Заславский [Заславский, 2015]; Н. Каминская [Каминская, 2015]; Е. Дьякова [Дьякова, 2015]; А. Хитров [Хитров, 2015]; В. Рутковский [Рутковский, 2015]; О. Фукс [Фукс, 2015]; [Карась, 2015]; М. Кучерская [Кучерская, 2015]; М. Шимадина [Шимадина, 2015]. Разногласия публицистической рефлексии о режиссерском прочтении художественного текста средствами мультижанрового театра обобщается в культурологическом исследовании Т. И. Ерохиной «"Кому на Руси жить хорошо": парадоксы поэмы

Н. А. Некрасова на сцене современного театра» [Ерохина, 2021].

Однако такому важному элементу зрительного образа спектакля ни в критических статьях, ни в научных исследованиях внимание практически не уделялось. Между тем режиссер, выступивший здесь еще и в роли художника по костюмам, делает их одним из основных средств выразительности художественного универсума спектакля.

Приступая к работе над спектаклем, К. С. Серебренников летом инициировал долговременный совместный тур актеров GoGoL-центра и Волковского театра по Ярославской области. Однако в окончательной версии спектакля этот «местный» колорит не был востребован совершенно. «Некрасовские дали» летнего пленэра заменили «режимные» объекты (тюрьма и нефтепровод), с характерной для антиутопии атрибутикой: внесезонный мрачный колорит, нарочитая брутальность фактур стен и трубопровода, колючая проволока. Так сценографическая метафора, сконструированная режиссером, определяла социальные полюса художественного универсума его спектакля. Нарочитое огораживание «охраняемых» территорий напрямую соотносилось с лейттемой и поэмы, и спектакля: «...невозможность обретения свободы и удобство привычного рабства» [Рутковский, 2015].

Отказавшись от исторического ландшафта, режиссер отказался и

от исторического костюма. Точнее – от традиционного крестьянского костюма пореформенной Российской империи. Вместо него появлялась одежда, характерная для мужчин различных социальных типов, конца XX века – начала XXI вв.

В первой части спектакля («Спор») семеро ходоков за счастьем выходили на сцену в виде представителей социальных типов российского социума постперестроечного и/или постсоветского периода. Костюм каждого персонажа представлял собой полный комплекс, характерный для человека определенного социокультурного уровня и, соответственно, материального достатка. При этом палитра основных социальных типов дополнялась еще и оттенками их возрастных характеристик. Так самый «юный» из них был одет в школьную форму позднего советского периода с красным галстуком на шее и трикотажной шапкой-«петушком» на голове. Абсурдности образу добавлял приколотый к нагрудному карману школьной форменной куртки комсомольский значок. Превращая «парня» в «собираемый образ» молодого поколения от 10 до 28 лет. Самый «зрелый» производил впечатление депутата: каракулевое пальто, мохеровый шарф, серый кардиган, лакированные туфли и норковая шапка. «По одежке» узнавались в спектакле типы мужчин-современников: дачник-алкоголик; интеллигент; пред-

ставитель среднеазиатской диаспоры; рыночный торговец, начальник/депутат. Общим знаменателем костюмного решения выступили брюки – у всех семерых это классические брюки, разного цвета и разной степени отутюженности. Именно костюм здесь определял возраст и статус персонажей, чьи роли исполнялись актерами-ровесниками. Так, юный пионер не был юным, поскольку актер был нарочито бородат.

Во второй части спектакля («Пьяная ночь») одежда персонажей менялась. Погружая персонажей в алкогольно-сказочный бред волшебной ночи, режиссер лишал их социальных характеристик реального мира. По мере опьянения они все более разоблачались. И оставались в конце концов в подштанниках и рубахах или майках-«алкоголичках» и темно-синих «трусах упрощенных гладких». Нижнее белье персонажей-мужчин становилось в художественном универсуме серебрянниковского спектакля знаком неразрывности времени: прошлое (исподние порты и рубаха) и настоящее (майка и трусы-«семейники»). Обнажение персонажей вскрывало их общую – «русскую» – культурную идентичность, а опьянение – проявляло темную сторону их натур. Знаком этого стал отказ режиссера от слова, символически переводивший происходящее в сферу иррационального, зрительным выражением которого стала пластика. А основной формой коммуникации – драка. Вторая часть спектакля

была насыщена сценами, в которых физическое насилие проявляло насилие психологическое. Каждый из персонажей в разных эпизодах оказывался то бьющим деспотом, то избиваемым рабом. Персонажи в этих сценах-драках были одержимы и опьянены властью себе подобными. А разновременные варианты нижнего белья давали «вековую» панораму этой борьбы на уровне семьи, работы, государства, мира. «Победа» персонажей не только не давала им свободы, но становилась новой формой подчинения на более высоком уровне. Веревка в руках полуобнаженных мужиков превращалась из инструмента порабощения в орудие смерти – петлю. Оргиастический пир кромешного мира заканчивался для персонажей крахом иллюзий и летальным исходом. Сдирание режиссером «социальных масок» проявило в персонажах спектакля общую вековую проблему: желание раба любой ценой стать господином. Таким образом, спектаклем ставилась под вопрос сама возможность обретения свободы «на Руси».

В третьей части спектакля («Пир на весь мир») мир серебрянниковско-некрасовской Руси обретал еще один контраст. Он оборачивался своеобразной «ярмаркой тщеславия» в формате реалити-шоу. Стильные смокинги, надетые поверх футболок, превращали двух мужиков-странников в шоуменов. И те, с легкостью разбив четвертую стену, начинали обращаться непосредственно к зрителям, превращая их

не только в со-участников пира, но и буквально, в со-бутыльников, поскольку в зал (первым рядам) выносились стопки с водкой. После отчаяния «волшебной ночи» это действие казалось праздником жизни.

Здесь появляются и женские персонажи, социальная и гендерная поляризованность которых заострена до предела. Реальная женщина – Матрена Тимофеевна – противопоставлялась «модницам», пришедшим на торг исключительно себя показать. С первого ее появления на сцене начинал звучать мотив несвободы. Матрены Тимофеевны (Е. Добровольская) появлялась, буквально тянущей ляжку. Она выкапывала на себе реквизит для «собственной» же сцены: скамьи и части стола. И место действия становилось полевой столовой. А едва ли не единственным блюдом на застланном клеенкой столе оказывалось ведро водки. Эта героиня спектакля мало походила на величественную «губернаторшу» из некрасовской поэмы. Один из хрестоматийных женских образов некрасовского творчества подвергся в спектакле саркастической перекодировке.

Матренин костюм, также как и появление перед публикой, визуализировал крах гендерной идентичности героини. Единственной «женской» деталью в ее одежде оказывается черный (вдовый?) платок. Остальные детали костюма имели явно маскулинный характер: фуфайка и штаны «оверсайз». Доминирующий цвет – черный. Её

физическая сила и отвага («коня на скаку остановит, в горящую избу войдет») оборачиваются грубой анекдотической маскулинизацией. Укротительница коня здесь сама становится тягловой кобылой. Миловидной актрисе не удается преодолеть неряшливость костюма и трудности физических нагрузок своей героини. Эта красавица уже не «цветет миру на диво», а стремительно увядает в нем. Она не только «не во всякой одежде красива» и не «ко всякой работе ловка», но неряшливая и усталая. Последней гранью гендерной идентичности, которая преодолевается героиней серебрянниковского спектакля, оказывается ее способность отчаянно пить водку, не уступая в этом мужским персонажам.

Мужеподобной «народной» героине противопоставляются восемь (!) женщин-красавиц. Их образы в спектакле окажутся связаны с властью и роскошью.

В одном из эпизодов ярмарочных гуляний появляется склонная к полноте женщина средних лет в элегантно белом костюме из фактурной ткани с цветочным рельефным орнаментом и жемчужным колье вокруг шеи. На голове у нее пышная прическа, напоминающая два уложенных друг на друга каравая. Между ними была уложена венцом широкая русая коса. Некрасовская губернаторша (жена чиновника) – крестная мать сына Матрены Тимофеевны и ее покровительница, оборачивается здесь

эмансипированной хозяйкой поселения, исполнявшей с высокой трибуны песню из репертуара Л. Зыкиной «Течет река Волга».

Декоративными безделушками на фоне постапокалиптического ландшафта смотрелись семь (по числу мужиков-странников) подиумных красавиц «сельской ярмарки». Именно их костюмы и визуализируют метафору «мирового» пира. Общая композиция женского костюма кажется вполне традиционной: кокошник, рубаха, сарафан, душегрея. Однако, его «русскость» обманчива. Это скорее вариант коллекции «haute couture» [Буфеева, 2017], в которой базовые элементы и аксессуары традиционного русского костюма сочетаются с элементами и аксессуарами костюмов различных культур.

И вновь, режиссер, вводя, казалось бы ультрасовременный, элемент в ткань своего спектакля, не отступает от Некрасовского текста. На «сельской ярмарке» появляются крестьянки-модницы, нарядившиеся в кринолины. Нелепость этих «ряженных» акцентируется Некрасовым в описании курьезных ситуаций, которые происходили при порывах ветра, неприлично поднимавшего подолы юбок на радость мужикам. Саркастическая социальная зарисовка поэта в спектакле превращается в важную символическую деталь. «Подиумный» костюм серебрянниковских псевдо-крестьянок становится важным элементом

национально-культурной идентичности современников.

Основу «модных» нарядов составляет женский костюм Ярославской губернии конца XIX века. Его главной декоративной особенностью являлась пестрота и эклектичность, которая достигалась расшивкой лентами и кружевами сарафана, показывавшая «добротность» ярославской красавицы. При этом в костюме могли сочетаться разные по технике (и, соответственно, цене) материалы.

Именно этот принцип эклектичности ярославского наряда и берется за основу режиссером, выступившим здесь в качестве модного дизайнера. И самым аутентичным элементом «русского» костюма оказывается голубой косоклинный сарафан, характерный именно для Ярославской области. Для придания масштабности в костюм вводятся элементы из других регионов. В частности, на паре «моделей» появляются стилизованные головные уборы «сороки», характерные для северных губерний. А одна из них оказывается одетой в белую вышитую рубаху и светлый передник с красочным цветочным «мировым деревом», характерные для народностей Балканского полуострова. Костюм дополнялся ярким красно-оранжевым поясом в стилистике южно-русских губерний.

Однако, лукавый кутюрье К. С. Серебренников, играя яркими цветовыми и фактурными контрастами, вводил в русский костюм

детали одежды из других национальных культур. Так, полосатая лилово-синяя душегрея с отделкой из золотой тесьмы на одной из девиц-красавиц, заставляет вспомнить жакеты императрицы Китая Цыси. Другая из девушек была одета в татарский запашной сарафан, при этом данный элемент татарской одежды был наделен длинными рукавами японского кимоно, декорированными стилизованной русской вышивкой: красным по белому.

Особое внимание режиссер-дизайнер уделил головным уборам героинь. В качестве материалов использовались текстиль, соломка, «металл» и стразы. Им были созданы стилизации-гибриды русского кокошника и причудливых сооружений в виде пагод, характерных для народов индонезийских культур. На одной из них можно видеть даже подобие китайского мяньгуаня. Это сходство дополняется специфическими драгоценными ювелирной работы «тайскими» или «кхмерскими» ожерельями-воротниками с подвесками и декоративными накладками на плечи.

Элементы национальных костюмов, остроумно скомбинированные фантазией режиссера-модельера, визуализировали собирательный образ русской красавицы. Этот эстетизированный идеал из мира роскоши казался оторванным от убогой реальности опустившейся «губернаторши». Но эти русско-восточные костюмы придавали пространству спектакля паназиатский характер.

Таким образом, в этом действии роскошь Руси третьей части серебряниковского спектакля не только получала два акцента: гендерный – феминности и мультикультурный – паназиатский.

Курьез №2. Хронологический.

Его суть можно выразить оксюморном «ретрофутуризм». А обусловлен он решением зрительного образа спектакля «Кому на Руси жить хорошо...», поставленного режиссером Петром Васильевым и художником Алевтиной Торик, на сцене Ярославского театра кукол. Жанровая идентичность этой постановки кокетливо обозначена как «терзания космического масштаба». Однако в его стилистике явно угадывается антиутопия, с характерным для этого жанра дискомфортным и дисгармоничным пространством, обжитым эксцентричными персонажами-дегенератами [Летина, 2021]. За основу и режиссерского, и сценографического решений создателями спектакля была взята «грязная» эстетика кинофильма «Кин-Дза-Дза» (Г. Н. Данелия, 1986). Действие спектакля построено на открытом приеме с использованием живого плана. Так что перед его создателями стояла задача «одеть» и кукол, и кукольников.

Артисты живого плана в спектакле – это условные космонавты, прилетевшие на Землю в космолете-бочке с миссией найти счастливого человека. Костюм, который предложили им создатели спектакля совмещает черты национального

русского костюма и одежды космонавтов. В результате чего появляется коричневый комбинезон, верхняя часть которого напоминает сарафан, а нижняя – летний комбинезон ВВС СССР. Сам костюм не имеет гендерной дифференциации. Женщин можно идентифицировать по платкам на головах и менее испачканными гримом лицами. Еще одной чертой «женского» поведения является борьба героинь с пьянством персонажей-мужчин.

Кукольные персонажи – семеро мужиков странников представлены в спектакле в виде однотипных фигур-мешков. Их одежду составляют светлые серо-зеленые армяки и шапки ермолки. Визуальный образ этих некрасовских персонажей показывает насколько современный театр «глух» к художественному тексту. По воле режиссера актеры, воспроизводя некрасовский текст, каламбурят, играют созвучиями, многократно повторяют какие-то фразы, ускоряют темп. В результате чего «Кому на...» превращается в «коммуна» и т. д. Они вполне эффектно и с азартом демонстрируют весь спектр упражнений из арсенала учебной дисциплины «Сценическая речь». Эти новые смыслы, как бы рождающиеся здесь и сейчас, веселят зрителя. Но они носят исключительно внешний формальный характер, в то время как смысл произносимого, так и остается не понятным ими и, соответственно, не донесенным до зрителя. Именно это и фиксируют семеро одинаковых персонажей-странников.

Тонкая и точная детализировка героев, предпринятая автором поэмы, характеризующая их по возрасту, достатку, семейному положению – все это нивелируется до буквально обезличенного мешковатого силуэта. Вместо активных некрасовских упрямец-спорщиков-драчунов некрасовских героев создатели спектакля предлагают зрителю пассивных интерьерных кукол-подушек в «крестьянском стиле». Не добавляет маскулинности этим персонажам их грушеобразный силуэт.

Материалом для костюмов обоих типов персонажей послужили лен и хлопок. При этом сарафаноскафандры «космонавтов» имели нарочито брутальную холщовую фактуру, а армяки кукол-крестьян – нарочито эстетизированы. Так из верхней повседневной одежды крестьянского обихода, армяк «кукольных» персонажей становится аккуратно пошитым и светлым (!). Фактурный и цветовой контрасты костюмов здесь оказываются такими же формальными, как и словесные игры «живого плана».

Еще одним примером попытки «русского космизма» является спектакль, поставленный по некрасовской поэме А. А. Кирпичевым в Костромском государственном драматическом театре им. А. Н. Островского. Здесь космос приобретает «христианские» черты, его стилистика определяется вертепным представлением. Как и в вертепном ящике персонажи появляются на площадке через две сим-

метричные двери. Правда, верхний (райский) и средний (земной) ярусы здесь оказались смешанными так что некрасовские мужики ходят среди персонажей «рождественской сцены»: девы Марии с младенцем в яслях, святого Иосифа, ангелов и животных из того хлева. Все эти персонажи решены в стилизованной манере лубка. Они никак не интегрированы в действие спектакля. Но именно то, что в поисках своего представления о счастье герои проходят мимо Бога, расположенного на расстоянии вытянутой руки, придает камерному действию и космический масштаб, и ощущение обреченности. Путь героев освещается лубочными Солнцем и Луной. Лейттемой спектакля А. А. Кирпичева является движение по кругу. Так что поиски мужиками того, «кому живется весело, вольготно на Руси» приобретают вневременной характер.

Именно так – вневременно – и решается зрительный образ персонажей: шестерых мужчин и одной женщины. Основой мужского костюма становится пара: холщовые рубаха и порты. Женщина изначально одета в холщовую рубаху. По ходу сюжета герои приобретают возрастные и социальные характеристики. Они «обрастают» бородами, напяливают армяки, сапоги, шапки. Матрена же в исполнении Ольги Токаревой – красный сарафан, русую косу и красный платок. В результате чего действие приобретает черты карнавальности, а

персонажи – индивидуальности. Поиск счастья народного в спектакле А. А. Кирпичева оборачивается экзистенциальными поисками персонажами самих себя, методом болезненных проб и курьезных ошибок. Режиссер же работает в русле некрасовского творческого метода, используя его любимые художественные приемы – травестию и символические детали.

Традиционный костюм даже в скромном повседневном варианте декорировался. В театральных версиях он превращается в обезличивающую униформу горькосмонавтов либо лишенный каких-либо возрастных и социальных признаков, становится синонимом наготы персонажа.

Курьез №3. Постдраматический. Этот курьез связан с постановкой Российского государственного академического театра имени Фёдора Волкова при поддержке историко-культурного комплекса «Вятское». Рожденный этим творческим содружеством юбилейная постановка «От Некрасова до Некрасова» решена в жанре «этно-фолк спектакль». Заметим, что само использование двух синонимичных понятий в определении «формата» представления уже курьезно. В качестве режиссера выступил народный артист РФ В. Ю. Кириллов. В интервью местным СМИ он утверждал, что «...костюмы для перевоплощений создавались специально. Ведь Некрасов в Волковском – это

больше, чем просто монологи» [Абатурова].

С помощью костюма визуализируется метафора главного «лирического» героя спектакля – «хрестоматийного» Некрасова, который появляется «весь в белом». По мнению создателей спектакля, именно таким – невысоким в белой тройке, белой сорочке и белых туфлях, – «его знает с детства каждый человек, говорящий на русском языке» [От Некрасова до Некрасова]. Так, известный по фотографиям и мемуарным источникам Некрасов-франт в этом белом одеянии превращается в эксцентричного постсоветского интеллигента.

И этот «белый» Некрасов противопоставлен пятью своими alter ego: подросток, студент, журналист и издатель, картёжник и бонвиван, помещик и охотник.

Однако, их костюмы за исключением одной детали – красного шарфа – на Некрасове-студенте, представляют собой этно-фантазии костюмера. Создатели спектакля отказались от принципа историзма и создали собственный невероятный калейдоскоп костюмов «народов мира» и современных субкультур.

Женские костюмы представлены не традиционными сарафанами, а ситцевыми платьями с расклешенными рукавами и широкими подолами. Цветовая гамма их поражает разнообразием и невероятностью контрастов: розовый и зеленый, зеленый и синий, серый и красный. Ткани были как однотонные, так и

с принтами в виде цветочных орнаментов, гжельских мотивов или геометрических абстракций. Самым ярким оказывается наряд пожилой «крестьянки» из ткани с принтом в виде густой листвы финиковых пальм.

Разнообразие тюрбанов, используемых в спектакле, декорируется объемными узлами и жгутами ткани в виде заплетенных кос.

В результате сочетания их пестрыми с платьями, напоминающими одежду обитательниц Конго и Нигерии, в спектакле создается собирательный образ... африканской женщины. Этот «базовый» наряд дополняется корейским жакетом чогори, тканевыми перекидными сумками из индейских племен, ампирными талиями.

Курьезность трактовки некрасовской героини достигает апогея в аранжировке мизансцены, в которой героиня, воплощающая собой некрасовский идеал «величавой славянки» (Н. Асанкина), идет по узкой лавке. Она одета в красный чогори (жакет) с окантовкой зеленым тончоном (листья тропических растения по белому фону), надетом на розовое «нигерийское» платье с арабским тюрбаном на голове. В другом эпизоде на голове актрисы появляется венок из искусственных листьев папоротника нефролеписа.

Мужские костюмы в своей основе имеют штаны и рубахи, то более роднит их с русской культурной традицией. Особенностью кроя мужских рубах здесь являются «де-

коративные» фигурные вырезы ворот и диагональные и клиновидные подолы. Так что перед нами все же трансформированный вариант традиционного мужского костюма.

Еще одной особенностью мужского костюма является его «сексуализация». Что достигается использованием в его крое и декоре черт, присущих субкультуре панков или байкеров. На одном из персонажей (А. Кузмин) появляется голубая (!) жилетка-косуха со светло голубым же кантом по краю. Поверх канта пущена линия металлических заклепок. На плечах закреплены погоны-наплечники с длинной синей бахромой. Погоны также декорированы заклепками. Надетая непосредственно на тело актера, короткая (до талии) жилетка с большими вырезами под мышками в совокупности с остающимися открытыми руками исполнителя невольно переходит из стилизации панк культуры в сферу субкультуры БДСМ.

Наконец, костюм мужских персонажей еще и «опошляется». На некоторых из них появляются комбинезоны. Один голубой на персонаже М. Емельянова своим декором напоминает «адидасовские спортивные», характерные для молодежной моды городских окраин 1990-х гг.

Второй комбинезон из искусственного меха с принтом в виде фантастической коричнево-черной шкуры зебры оказался на актере К. Истратове. В модной индустрии этот принт ассоциируется исклю-

чительно с женской одеждой, аксессуарам, дизайном парфюма. Такая гендерная перекодировка популярного принта невольно наделяет персонажа-мужчину феминными качествами. В сочетании с «парным» леопардовым рисунком на платье одной из участниц шоу он невольно воспринимается как потенциальная жертва.

В спектакле В. Ю. Кириллова костюм выполняет исключительно бытовую функцию одежды актеров. От начала и до конца спектакля персонажи не переодеваются, а следовательно, и не меняются.

Заключение

В современном театре традиционный народный костюм подвергается семантической перекодировке и композиционной трансформации.

Костюм может стать важным инструментом гендерной и социокультурной дифференциации персонажей, когда мужской костюм акцентирует социально-возрастные характеристики персонажей, а женский – их национально-культурную идентичность (К. С. Серебрянников)

Костюм персонажа может стать индикатором экзистенциальности личности персонажа либо, деперсонализируя ее и превращая в безликую часть социума (А. А. Кирпичев, П. В. Васильев), либо, наоборот, проявляя индивидуальность персонажа, который по мере «одевания» или «переодевания» познает самого себя, обретая национальную, культурную, социальную и гендерную идентичности.

Наконец, сценический, созданный вне режиссерской концепции или связанный с ней весьма условно, может стать альтернативной художественной системой и вести собственную игру, придавая сценическому действию нежелательные

смыслы и расставляя ненужные акценты (В. Ю. Кириллов).

Так традиционный народный костюм в спектакле XXI века становится маркером кризиса национально-культурной идентичности современного человека как создателей и участников спектакля, так и его зрителей.

Библиографический список

1. Абатурова М. Волковский театр в Ярославле представил спектакль-концерт «От Некрасова до Некрасова». URL: <https://vesti-yaroslavl.ru/novosti/item/>. (Дата обращения: 01.03.2023).
2. Андреева А. Ю. Ярославское узорочье // Русский народный костюм: путешествие с севера на юг. Санкт-Петербург : Паритет, 2005. С. 47-53.
3. Буфеева И. Ю. Особенности использования приемов разработки национального костюма в западноевропейской и российской моде. История вопроса и дизайн – проектирование XXI века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал. Часть 2 /2017. № 12 (86). С. 50-53.
4. Гангур Н. А. Костюм в «национальном стиле» на русской театральной сцене второй половины XIX века / Н. А. Гангур, А. А. Комаревцева // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 2 (65). С. 7-12.
5. Исенко С. П. Русский народный костюм и его сценическое воплощение / С. П. Исенко ; Моск. гос. ун-т культуры. Москва : Профиздат: Изд-во Моск. гос. ун-та культуры, 1999. 144 с.
6. Калашникова Н. М. Семиотика народного костюма : учебное пособие. 2-е изд. перераб. и доп. Санкт-Петербург : ФГБОУВПО «СПбГУПТД», 2016. 321 с.
7. Кононова А. Какие принты в одежде в моде весной-летом 2023. URL: <https://dress-mag.com/trend/modnye-printy-v-odezhde>. (Дата обращения: 27.03.2023).
8. Корндорф А. С. «Избранные старинные русские костюмы»: археология, национальный стиль и Греческий проект Екатерины II // Искусствознание. 2020. № 3. С. 254-303.
9. Костюмированный бал в Зимнем дворце (11 и 13 февраля 1903 года: в 2 т. Москва : ИД «Русский антиквариат», 2003. 592 с.
10. Летин В. А. Интерпретация народного костюма в предметном мире поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» / В. А. Летин, А. А. Молчанова, Л. Ф. Салимова // Верхневолжский филологический вестник. 2015. №1. С. 161-166.
11. Летин В.А. Господский костюм в контексте предметного мира поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова / В. А. Летин, А. А. Молчанова, Л. Ф. Салимова // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 2. С. 174-178.
12. Летина А. В. «Терзания космического масштаба» (текст некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо» в жанровом поле современного спектакля) // Спектакль XXI века. Жанр как проблема. Сборник научных статей

Межвузовского научно-практического семинара. Т. 2. Ярославль : ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 2021. С. 83-89.

13. Лось О.К. Традиционный русский костюм: использование в придворной культуре XVIII–XIX вв. как символа национальной принадлежности / О. К. Лось, Е. Н. Курочкина // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17, № 1. С. 138–152.

14. Масалева С. Д. Народная одежда Костромского края (конец XIX — первая четверть XX веков). Кострома : Костромская слобода, 2017. 200 с.

15. От Некрасова до Некрасова.. URL: <https://volkovteatr.ru/special/repertoire/ot-nekrasova-do-nekrasova/>. (Дата обращения: 01.03.2023).

16. Рутковский В. 12 сказок для смелых взрослых: русский дух, страх и смех в «Гоголь-центре». URL: <https://snob.ru>. (Дата обращения: 01.03.2023).

17. Шустрова И. Ю. Традиционные женские головные уборы в собрании Ярославского ист.-арх.музея-заповедника // Краеведческие записки. Ярославль. 1991. Вып. 7. С. 153-164.

18. Ерохина Т. И. «Кому на Руси жить хорошо»: парадоксы поэмы Н.А. Некрасова на сцене современного спектакля. // Верхневолжский филологический вестник. 2021. №4 (27). С. 205-213.

19. Заславский Г. А. Нет жилочки не тянутой. «Кому на Руси жить хорошо» в «Гоголь-центре». URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Дата обращения: 01.03.2023).

20. Дьякова Е. Матренин двор от Перми до Тавриды. В Гоголь-центре — «Кому на Руси жить хорошо». URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Дата обращения: 01.03.2023).

21. Хитров А. Полюбить Некрасова. «Кому на Руси жить хорошо» в «Гоголь-центре». URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Дата обращения: 01.03.2023).

22. Фукс О. Счастье — это куда? = Happiness — where to? // URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Дата обращения: 01.03.2023).

23. Карась А. Спели голосом Некрасова. URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Дата обращения: 01.03.2023).

24. Кучерская М. Последыши. «Кому на Руси жить хорошо» в постановке Кирилла Серебренникова — история крушения «русского мира». URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Дата обращения: 01.03.2023).

25. Шимадина М. Кому в Гоголь-центре жить хорошо? Премьера спектакля Кирилла Серебренникова по поэме Некрасова. URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Дата обращения: 01.03.2023).

Reference list

1. Abaturova M. Volkovskij teatr v Jaroslavle predstavil spektakl'-koncert «Ot Nekrasova do Nekrasova». = The Volkov Theater in Yaroslavl presented the performance From Nekrasov to Nekrasov. URL: <https://vesti-yaroslavl.ru/novosti/item/>. (Data obrashhenija: 01.03.2023).

2. Andreeva A. Ju. Jaroslavskoe uzoroch'e = Yaroslavl patterns // Russkij narodnyj kostjum: puteshestvie s severa na jug. Sankt-Peterburg : Paritet, 2005. S. 47-53.

3. Bufeeva I. Ju. Osobennosti ispol'zovanija priemov razrabotki nacional'nogo kostjuma v zapadnoevropejskoj i rossijskoj mode. Istorija voprosa i dizajn – proektirovanie XXI veka = Peculiarities of using national costume design techniques in Western European and Russian fashion. History of the question and the XXI century design // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: nauchno-teoreticheskij i prikladnoj zhurnal. Chast' 2 /2017. № 12 (86). S. 50-53.

4. Gangur N. A. Kostjum v «nacional'nom stile» na ruskoj teatral'noj scene vtoroj poloviny XIX veka = National style costume on the Russian stage in the second half of the XIX century / N. A. Gangur, A. A. Komarevceva // Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii. 2017. № 2 (65). S. 7-12.

5. Isenko S. P. Russkij narodnyj kostjum i ego scenicheskoe voploshhenie = Russian national costume and its presentation on stage : ucheb. posobie dlja studentov vuzov kul'tury i iskusstva / S. P. Isenko ; Mosk. gos. un-t kul'tury. Moskva : Profizdat: Izd-vo Mosk. gos. un-ta kul'tury, 1999. 144 s.

6. Kalashnikova N. M. Semiotika narodnogo kostjuma = Semiotics of folk costume : uchebnoe posobie. 2-e izd. pernerab. i dop. Sankt-Peterburg : FGBOUVPO «SPbGUPTD», 2016. 321 s.

7. Kononova A. Kakie printy v odezhde v mode vesnoj-letom 2023. = What prints are in fashion in spring-summer 2023. URL: <https://dress-mag.com/trend/modnye-printy-v-odezhde>. (Data obrashhenija: 27.03.2023).

8. Korndorf A. S. «Izbrannye starinnye russkie kostjумы»: arheologija, nacional'nyj stil' i Grecheskij proekt Ekateriny II = “A selection of old Russian costumes”: archaeology, national style, and the Greek project of Catherine the Great // Iskusstvovoznanie. 2020. № 3. S. 254-303.

9. Kostjumirovannyj bal v Zimnem dvorce (11 i 13 fevralja 1903 goda):= Costume ball in the Winter Palace (February 11 and 13, 1903): v 2 t. Moskva : ID «Russkij antikvariat», 2003. 592 s.

10. Letin V. A. Interpretacija narodnogo kostjuma v predmetnom mire pojemy N.A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» = Folk costume interpretation in the material world of N.A. Nekrasov's poem “Who is Happy in Russia” / V. A. Letin, A. A. Molchanova, L. F. Salimova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2015. №1. S. 161-166.

11. Letin V.A. Gospodskij kostjum v kontekste predmetnogo mira pojemy «Komu na Rusi zhit' horosho» N.A. Nekrasova = The nobleman's costume in the material world of N.A. Nekrasov's poem “Who is Happy in Russia” / V. A. Letin, A. A. Molchanova, L. F. Salimova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 2. S. 174-178.

12. Letina A. V. «Terzanija kosmicheskogo masshtaba» (tekst nekrasovskoj pojemy «Komu na Rusi zhit' horosho» v zhanrovom pole sovremennogo spektaklja) = “Tortures of a cosmic scale” (the text of Nekrasov's poem “Who is Happy in Russia” in the genre field of a modern performance) // Spektakl' XXI veka. Zhanr kak problema.

Sbornik nauchnyh statej Mezhvuzovskogo nauchno-prakticheskogo seminara. T. 2. Jaroslavl' : FGBOU VO «Jaroslavskij gosudarstvennyj teatral'nyj institut». 2021. S. 83-89.

13. Los' O.K. Tradicionnyj russkij kostjum: ispol'zovanie v pridvornoj kul'ture XVIII–XIX vv. kak simvola nacional'noj prinadlezhnosti = Traditional Russian costume: its use in the court culture of the XVIII-XIX centuries as a symbol of national identity / O.K. Los', E.N. Kurochkina // Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij. 2021. T. 17, № 1. S. 138–152.

14. Masaleva S. D. Narodnaja odezhda Kostromskogo kraja (konec XIX — pervaja chetvert' XX vekov) = Folk clothes of the Kostroma region (late XIX – first quarter of XX centuries). Kostroma : Kostromskaja sloboda, 2017. 200 s.

15. Ot Nekrasova do Nekrasova = From Nekrasov to Nekrasov. URL: <https://volkovteatr.ru/special/repertoire/ot-nekrasova-do-nekrasova/>. (Data obrashhenija: 01.03.2023).

16. Rutkovskij V. 12 skazok dlja smelyh vzroslyh: russkij duh, strah i smeh v «Gogol'-centre» = Rutkovsky V. 12 fairy tales for brave adults: the Russian spirit, fear and laughter at the Gogol Center. URL: <https://snob.ru>. (Data obrashhenija: 01.03.2023).

17. Shustrova I. Ju. Tradicionnye zhenskie golovnye ubory v sobranii Jaroslavskogo ist.-arh.muzeja-zapovednika = Traditional women's headwear in the collection of the Jaroslavl historical and archaeological museum-reserve // Kraevedcheskie zapiski. Jaroslavl'. 1991. Vyp. 7. S. 153-164.

18. Erohina T. I. «Komu na Rusi zhit' horosho»: paradoksy pojemy N.A. Nekrasova na scene sovremennogo spektaklja = “Who is Happy in Russia”: the paradoxes of N.A. Nekrasov's poem on the modern stage. // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2021. №4 (27). S. 205-213.

19. Zaslavskij G. A. Net zhilochki ne tjanutoj. «Komu na Rusi zhit' horosho» v «Gogol'-centre» = There's not a vein that isn't strained. “Who is Happy in Russia” at the Gogol Center. URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Data obrashhenija: 01.03.2023).

20. D'jakova E. Matrenin dvor ot Permi do Tavridy. V Gogol'-centre – «Komu na Rusi zhit' horosho». = Matrena's yard from Perm to Tavrida. At the Gogol Center – “Who is Happy in Russia”. URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Data obrashhenija: 01.03.2023).

21. Hitrov A. Poljubit' Nekrasova. «Komu na Rusi zhit' horosho» v «Gogol'-centre» = To love Nekrasov. “Who is Happy in Russia” at the Gogol Center. URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Data obrashhenija: 01.03.2023).

22. Fuks O. Schast'e — jeto kuda? = Happiness – where to? // URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Data obrashhenija: 01.03.2023).

23. Karas' A. Speli golosom Nekrasova = They sang in Nekrasov's voice. URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Data obrashhenija: 01.03.2023).

24. Kucherskaja M. Posledyshi. «Komu na Rusi zhit' horosho» v postanovke Kirilla Serebrennikova – istorija krushenija «russkogo mira» = The last-born. Kirill

Serebrennikov's production of Who is Happy in Russia is about the collapse of the "Russian world". URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Data obrashhenija: 01.03.2023).

25. Shimadina M. Komu v Gogol'-centre zhit' horosho? Prem'era spektaklja Kirilla Serebrennikova po pojeme Nekrasova = Who is happy in the Gogol Center? The premiere of Kirill Serebrennikov's play based on Nekrasov's poem. URL: http://www.smotr.ru/2015/2015_gogol_rus. (Data obrashhenija: 01.03.2023).

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 08.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted on 04.04.2023; approved after reviewing 08.05.2023; accepted for publication on 26.05.2023

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2023 – № 2 (16)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 18,5 п. л., 9,09 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 105. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 07.06.2023

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44